Брянская областная научная универсальная библиотека
им. Ф.И. Тютчева

БРЯНСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник статей

Выпуск 1 (9)

К 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне

Брянск
2016

ББК 63.3(2Рос-4Бря)
УДК 947.133.3
Б89

Редколлегия:
Крашенинников В.В., к.и.н., краевед
Куненков Б.А., к.и.н., доцент Брянского государственного инженерно-технологического университета
Городков А.В., д. с/х наук, профессор Брянского государственного инженерно-технологического университета
Кукатов А.В., историк-исследователь, краевед
Горелая О.Н., заведующая отделом краеведческой литературы Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева

Ответственная за выпуск Кукатова Г.И.

Корректор Горелая О.Н.

Компьютерная верстка В.Е. Щедровой

Брянский краевед. Вып.1 (9). К 70-летию Победы в Великой
Б89 Отечественной войне / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. – Брянск, 2015. – 213 с.: ил.

Данное издание возобновляет выход альманаха «Брянский краевед» 1950-1970-х гг. Первый выпуск посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Вошедшие в него материалы предназначены для широкого круга читателей: учащихся средних учебных заведений, студентов вузов, всех, кто интересуется историей России в целом и Брянщины в частности.

ББК 63.3(2Рос-4Бря)

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева, 2016

«Брянский краевед» – история и судьба издания

Судьба традиций регионального краеведения, заложенных на рубеже XIX-XX веков П. Тихановым, М. Знаменским и др., тесным образом связана с коренными переменами в жизни страны, которые многое изменили в нашем понимании ценностей историко-культурного наследия Брянского края. Прерванный в XX веке диалог культур – настоящего с прошлым и будущим, выполнявший важную функцию воспитания духовно-нравственных основ общества – отразился и на самой «массовой сфере научных исследований» – краеведении. Возрождение Брянской области в 1944 году обозначило новый рубеж в развитии краеведения, который был ознаменован изданием книг местных авторов, посвященных отдельным вопросам краеведения, в частности восполнявшим отсутствие систематизированных знаний об истории города (Я. Соколов, Б. Шавырин, В. Волохов), некоторых районных центров области. Очевидно, что стремление консолидировать научные изыскания местных краеведов и ученых, повысить уровень краеведческой науки, восполнить пробелы в образовательной деятельности учебных заведений привело к началу выхода в свет периодических выпусков «Брянского краеведа».

Первый номер «Брянского краеведа» вышел в свет в 1957 году. Сборник статей был рассчитан «… на широкий круг читателей, интересующихся изучением своего родного края…» и составлял небольшую подборку статей научно-популярного и общедоступного уровня по разным направлениям деятельности. Среди авторов статей первого выпуска хорошо известные жителям области ученые и представители творческой интеллигенции: А.В. Арсентьев, Б.В. Гроздов, Ф.М. Заверняев, И.И. Полозов, Ф.С. Исайчиков и др. В период с 1957 по 1976 годы вышло всего 8 номеров. В эти годы существенно расширился круг авторов и проблем регионального краеведения, представленных на страницах научно-популярного альманаха. Со страниц журнала зазвучали темы, связанные с природоохранной деятельностью, защитой памятников истории и культуры, истории науки и техники, археологии, развитием туризма и др. Не остался в стороне «Брянский краевед» от значимых исторических дат – 50-летия образования СССР, 1000-летия Трубчевска, 825-летия Брянска…

Среди современных историков утвердилось мнение, что издание «Брянского краеведа» в значительной степени было идеологизировано, в связи с чем его роль в региональном краеведении отмечается как незначительная. На наш взгляд, это справедливо только отчасти. Ко-

нечно, воспринимая публикации альманаха в историческом аспекте реалий недавнего прошлого нашей страны, мы видим и ценим, прежде всего, незатронутые «контекстом времени» работы ученых, которые представляют интерес в историческом аспекте, а значительный ряд публикаций сохраняет свою актуальность и сегодня. Это, прежде всего, публикации В.А. Падина, Е.С. Пасекунова, В.П. Корнева, Ф.М. Заверняева, А.В. Памфилова, В.В. Крашенинникова и др. авторов. Исторически и методологически ценны работы, посвященные исследованию жизни и творчеству А.К. Толстого (Г.И. Стафеев), памятникам архитектуры и садово-паркового усадебного искусства (В.Н. Городков), памятникам природы (Б.В. Гроздов) и многие другие. Причины прекращения издания «Брянского краеведа» в 1976 году нам неизвестны.

Лишь спустя полтора десятилетия, в 1991 году удалось возобновить выпуск издания под эгидой Брянского отделения Советского фонда культуры. Таким образом, вновь появился первый номер «Брянского краеведа», структура которого была существенно расширена, а само издание перспективно могло претендовать на серьезное региональное научное издание. Начавшиеся 1990-е годы оборвали многие историко-культурные и краеведческие проекты. В числе их оказался и «Брянский краевед»…

Сегодня у Брянского краеведческого сообщества вновь появилась надежда обрести постоянное научно-популярное издание, несущее безграничные и разносторонние знания об истории родного края всем, кому не безразличны страницы исторической летописи Брянщины. Отдавая дань памяти героическому прошлому нашего края, первый выпуск «Брянского краеведа» мы посвящаем исторической дате – 70-летию Великой Победы советского народа в Отечественной войне 1941-1945 годов.

А.В. Городков,
Председатель Брянского клуба любителей
истории родного края, профессор

Предисловие

В многовековой истории Брянского края, со времен древней Руси до начала нынешнего столетия, было немало самых разных событий, но ни одно из них не оставило такой неизгладимой памяти, как Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Особенно это относится к периоду, с августа 1941 г. до конца сентября 1943 г., когда боевые действия проходили непосредственно на территории Брянщины. Сначала – оборонительные бои войск Центрального и Брянского фронтов, затем – прорыв из окружения войск Брянского фронта в октябре 1941 г., позже – героическая борьба партизан и подпольщиков Брянщины в период немецко-фашистской оккупации, напряженнейшие бои войск Центрального фронта на Севском направлении в марте 1943 г. и, наконец, наступательные операции войск Брянского и Центрального фронтов при поддержке брянских партизан в августе-сентябре 1943 г., завершившиеся полным освобождением территории Брянщины.

За перечисленными основными вехами того полного драматизма времени стоят многие события общегосударственного и местного значения, а также судьбы сотен тысяч наших земляков и еще множества людей, оказавшихся на Брянщине в период войны.

Среди огромного количества литературы, изданной за 70 послевоенных лет и посвященной Великой Отечественной войне, есть немало книг, статей и других публикаций, связанных с Брянским краем в годы войны. Сведения такого рода есть, например, в книгах мемуаров Маршалов Советского Союза И.Х. Баграмяна, С.С. Бирюзова, А.И. Еременко, К.К. Рокоссовского; генералов П.И. Батова, И.В. Болдина, А.В. Горбатова, М.И. Казакова, Л.М. Сандалова, П.А. Теремова, И.И. Федюнинского; командиров партизанских отрядов, получивших генеральское звание, С.А. Ковпака, М.И. Наумова, А.Н. Сабурова – и это лишь небольшая часть опубликованных воспоминаний, имеющих отношение к Брянщине военных лет.

Нужно лишь иметь в виду, что длительное время и авторы воспоминаний, и историки, и краеведы, и журналисты, обращавшиеся к военной тематике, могли писать далеко не обо всем, что им было известно. Относилось это и к архивистам, составлявшим сборники документальных материалов. Поэтому даже в мемуарах наиболее известных военачальников есть и умолчания, и отдельные неточности, а порой – и прямое искажение фактов (особенно этим грешат воспоминания А.И. Еременко).

Лишь с конца 1980-х гг., когда были сняты цензурные ограничения и стали доступными для исследователей многие (но отнюдь не все) засекреченные ранее архивные документы и другие материалы, появилась возможность изучать исторические события и писать о них не с позиций господствующей идеологии и официальной правительственной пропаганды, а более объективно, с возможным приближением к реалиям изучаемого времени.

В результате за последнюю четверть века появилось немало публикаций, посвященных тому, о чем раньше либо сообщалось вскользь, либо вообще умалчивалось. Тяжелые поражения начального периода войны, коллаборационизм немалой части населения (участие в военизированных формированиях, сражавшихся на стороне оккупантов; служба в полиции и подконтрольных оккупационным властям органах местного управления), Локотской «особый округ» и созданная на его территории Русская освободительная народная армия (РОНА), повседневная жизнь мирного населения, вынужденного приспосабливаться к новому режиму, положение на контролируемых партизанами территориях и условия быта партизан, штрафные роты и батальоны в составе Красной Армии, ошибки в решениях Верховного Главнокомандования, а также в действиях отдельных командующих фронтами и армиями и т.д.

К сожалению, в условиях свободы печати стали порой появляться публикации, свидетельствующие о недостаточном профессионализме и научной эрудиции их авторов, готовых, помимо документов (к которым также требуется критический подход), использовать собственные домыслы или не имеющие твердой фактической основы утверждения других авторов. Чего стоят, к примеру, такие «открытия», как название Локотского округа «республикой», или утверждение, что нападение на Локоть в январе 1942 г. провели не партизаны, а особо подготовленный отряд чекистов численностью около 500 человек?

Впрочем, отдельные появившиеся в последнее время утверждения также могут вызвать несогласие. Таково, в частности, мнение о том, что на оккупированных временно территориях наличествовали элементы гражданской войны. Ведь на территории Локотского округа, да и в ряде других мест основной силой, противостоявшей партизанам, были не армейские охранные формирования противника, а коллаборационистские вооруженные части и силы полиции. Что же касается немецких или венгерских войск, то они участвовали преимущественно в крупных карательных операциях против партизан.

Но эти проявления гражданской войны в период оккупации можно рассматривать и как дополнительную иллюстрацию к той необъявленной гражданской войне, которую правящие круги СССР вели с конца 1920-х гг. против значительной части населения (зажиточного крестьянства, духовенства, всякого рода «бывших», независимо мыслящей интеллигенции, а потом и против потенциальных противников политическому курсу И.В. Сталина среди самой властной «элиты»). Показательно, что даже после освобождения Брянщины некоторые участники коллаборационистских военных формирований и полиции, не покинувшие родных мест, продолжали около года вести вооруженную борьбу против советской власти, пока не были уничтожены.

О борьбе с этими бандитскими отрядами, о коллаборационизме на территории Брянщины, о многих аспектах партизанского движения, о героической деятельности немалого числа подпольных групп и трагических судьбах значительной их части могли бы рассказать документы ФСБ, однако они остаются труднодоступными.

Но у исследователей, помимо доступных архивных документов, есть еще один резерв – немногие сохранившиеся письма военных лет, дневники, которые в редких случаях вели жившие в те годы люди, воспоминания, если не живых участников событий (их практически почти не осталось), то хотя бы переданные устно своим детям и внукам – словом. Та народная история, которая может и не совпадает с официальной, но способна поднять рядового человека до активного участника событий, способна вспомнить о тех безымянных или забытых героях войны, которых должны знать и помнить будущие поколения жителей Брянщины. К примеру, в изданном в 2004 г. Р.И. Перекрестовым сборнике «Клинцовский летописец» были напечатаны подготовленные составителем воспоминания клинцовского жителя Л.М. Храмченко (ныне покойного), в которых есть интересные материалы о Клинцах в годы войны.

Можно надеяться, что и материалы настоящего сборника, рассматривающие различные аспекты положения Брянщины в годы Великой Отечественной войны, дающие новые сведения о неизвестных или забытых ее героях (особо стоит выделить статью А.Е. Пастуховой о генерале Маркиане Михайловиче Попове), будут с интересом встречены читателями и помогут более полно восстановить трагические и героические страницы истории нашей Родины, связанные с Великой Отечественной войной, оценить вклад брянцев в великую Победу советского народа.

И. А. Альтман,
сопредседатель научно-просветительного Центра «Холокост», профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Культура памяти о Холокосте в России: особенности и проблемы

Цель сообщения – показать особенности культуры памяти о Холокосте в России в контексте памяти о Великой Отечественной войне. На Западе тема Холокоста существенно влияет на историческую память о Второй мировой войне, неприятие любого насилия и формирование толерантности. В России таким фактором в официальных образовательных проектах, политической риторике и публицистике служит память о героизме и жертвах периода Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Эта «сакральная», по определению Сергея Кудряшова, память о войне, служит основным барьером по осознанию важности темы Холокоста.

Уроки Холокоста лишь в последние годы начали осознаваться российским обществом. К нему в полной мере относится синдром феномена «опозданий с признанием памяти» о Холокосте [1]. Но в России разрыв с Западом идет уже десятилетия: то, что началось там во второй половине 70-х гг. лишь выходит на повестку дня в общественном дискурсе. Происходит это весьма медленно и непросто. Замалчивание в течение почти полувека еврейской трагедии оказало на российское общество, его образовательные и научные структуры и даже на многих интеллектуалов гораздо большее воздействие, чем в любом другом постсоветском государстве на территории Европы.

Когда в июне 1992 г. в Москве был создан первый в Европе Научно-просветительный центр под названием «Холокост», мало кто в нашей стране знал, что означает этот термин. В январе – феврале 1996 г. в России первый и последний раз был проведен широкий опрос об отношении к Холокосту [2]. Тогда 91% опрошенных не знали, что означает термин «Холокост». На вопрос же: «Насколько важно именно жителям России знать о Холокосте», 62% явно просвещенной в ходе опроса публики сказали, что это «важно или очень важно». Это самый высокий процент положительных ответов среди 10 стран мира, где проводился опрос (в Германии, например, так счи-

тали только 18%, хотя о термине и основных фактах Холокоста знали 90% и более процентов респондентов).

Сегодня ситуация, на первый взгляд, кардинально изменилась. О Холокосте все чаще упоминают первые лица России. Правда, рефреном в этих текстах обычно звучат лишь три тезиса: осуждение преступлений Холокоста (без упоминания того, что он проходил и на территории СССР), причастность к нему коллаборационистов в Прибалтике и Украине (без упоминания России и Беларуси) и роль Красной Армии в спасении евреев Европы.

История Холокоста, таким образом, используется российскими политиками, прежде всего, в борьбе с оправданием преступлений пособников нацистов в годы Второй мировой войны. Этот подход виден и в отношении к отрицанию Холокоста: только в «едином пакете» противодействия «героизации» нацистских пособников и отрицания Победы.

Проблема мемориализации Холокоста – не в рамках деятельности еврейских общин, а как государственная политика – была поставлена в России в середине 90-х. Именно тогда была проведена первая Международная конференция с символическим названием «Уроки Холокоста и современная Россия» и впервые отмечен день освобождения Освенцима (Аушвица) Красной Армией. Такие мемориальные вечера российской общественности проводятся ежегодно. В них в разные годы принимали участие вице-премьеры, министры иностранных дел, культуры и образования России, руководители Москвы. Обращения участникам мемориальных вечеров в Москве и Калининграде (в связи с 70-летием «Хрустальной ночи») **присылали Президенты России Борис Ельцин и Дмитрий Медведев,** Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. В этом году впервые в мемориальном вечере принял участие Президент России, а в Москве под эгидой вице-мэра столицы был создан Оргкомитет Недели памяти жертв Холокоста, а сам мемориальный вечер был проведен в ЦМ ВОВ – главном месте памяти о войне.

Но сложилась парадоксальная ситуация. Россия была в числе стран, инициировавших резолюцию ООН о Международном дне Холокоста (2005 г.). Казалось бы, следующим логичным шагом должно было стать учреждение Национального дня памяти, что и рекомендовало ООН [3]. Тем более, именно Красная Армия освободила узников Аушвица. В последние годы индивидуальные и коллективные обращения властям России направлялись практически ежегодно. Последний официальный ответ из МИД РФ, датированный маем 2014 г. гла-

сит, что в России такой День памяти, который касается всех, уже есть – это 22 июня.

Российские власти даже не прореагировали на ту формулировку, в которой предлагается ввести эту дату: «Национальный день памяти жертв Холокоста и воинов-освободителей нацистских лагерей смерти». Ее образовательный и нравственный потенциал очевиден. Между тем, в последние годы российские политики и многие средства массовой информации активно пропагандируют тезис, что в США и Европе замалчивают решающую роль нашей страны в победе над нацизмом.

А вот в странах Балтии и Украине мемориальные мероприятия по теме проводятся на высшем официальном уровне [4]. Российские политики же искренне недоумевают, почему на Западе весьма прохладно воспринимают пропагандистские усилия России указать именно на уничтожение евреев как главное преступление официальных «героев» современного политического и образовательного дискурса наших соседей…

Двойственное отношение к памяти о Холокосте проявляется и на примере реализации других подписанных ею международных документов, в частности Стокгольмской декларация 2000 г. Она обязывает увековечить память жертв Холокоста и ввести образовательные программы по теме.

Разберем ситуацию по каждой из этих позиций. В 1998 г. при участии Президента России был открыт Музей еврейского наследия и Холокоста, созданный Российским Еврейским Конгрессом (РЕК) [5]. Но инициатива Центра и Фонда «Холокост» создать в Москве Государственный музей «Холокост-геноцид-толерантность» осталась не реализованной. Не представлена тема Холокоста (за редким исключением) и в экспозициях историко-краеведческих музеев 25 регионов России, оккупированных в годы войны нацистами.

Одна из болезненных тем и уроков современной войны – судьбы захоронений не только жертв войны. К сожалению, в подавляющем большинстве мест массовой казни евреев (их в России несколько сот) нет памятников и мемориалов с указанием на национальность жертв. Начатый в 2009 г. по инициативе РЕК и Центра «Холокост» проект «Вернуть достоинство», который поддержал патриарх Кирилл, нацелен на сотрудничество разных конфессий, государственных и общественных организаций.

После этого, по инициативе еврейских организаций памятники установлены в Калининграде, Брянске и под Новгородом. Самым

значимым результатом проекта стало открытие в ноябре прошлого года в Любавичах – историческом месте для еврейской религии – мемориала жертвам Холокоста. Кстати, памятный знак там совместно установили еще в 2002 г. российские и немецкие студенты. Средства на мемориал были собраны преимущественно российскими протестантами [6].

В других регионах России инициаторами выступили учителя (в Белгородской и Брянской областях), сотрудники городских администраций (Псковская область), краеведы (Краснодарский край). За четыре с половиной года установлено 15 памятников в 8 регионах России.

Серьезные изменения произошли и в области образования. Важнейшим элементом сохранения памяти о Холокосте в России стало внедрение темы в образовательные программы школ и вузов. В начале XXI века в стандарте (государственной программе) преподавания истории для средней школы [7] впервые введен термин «Холокост». Он содержится и в концепции нового учебника по истории. Благодаря этому, о преследовании и уничтожении евреев Европы говорится в большинстве новых учебников для школ. В 2011 г. тема Холокоста вошла в Единый государственный экзамен. В стране с 2000 г. сначала с участием шведских коллег, а в последний период – при поддержке государства – проведены образовательные семинары в 50 регионах страны [8]. Более 300 педагогов России побывали на стажировках в Музеях Израиля, Германии, Франции и Польши. В издающейся с середины 90-х «Российской библиотеке Холокоста» вышли специализированные книги для преподавателей, студентов и школьников [9]. Под эгидой российского Центра «Холокост» прошли 15 Международных конкурсов работ по теме Холокоста.

Определенные сдвиги произошли и в ведущих российских вузах. Спецкурсы по теме сегодня читаются в десятках московских и региональных вузов России [10]. К сожалению, тема Холокоста в учебниках для вузов, за небольшим исключением [11], представлена крайне фрагментарно. Ее неоднозначное отражение в базовом учебнике для студентов-историков МГУ А. Вдовина и А. Барсенкова [12] стала одним из поводов для дискуссии с участием средств массовой информации и членов Общественной палаты.

Важным фактором осмысления истории Холокоста стало его отражение в российском художественном и документальном кино [13]. В 2008 г. по Первому каналу был показан 12-серийный фильм по

роману Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок»; регулярно демонстрируются зарубежные фильмы о Холокосте [14].

Исследование темы Холокоста в России заслуживает специального анализа [15]. За недостатком времени укажем лишь на его основные как положительные, так и отрицательные тенденции. С середины 1990-х гг. в России проводятся ежегодные конференции по теме [16]. В Москве работают специализированные научные центры и еврейские музеи. Появились книжные серии по теме [17], в том числе в регионах.

Вновь открытые документы российских архивов вошли в несколько документальных публикаций, среди которых особенно популярной стала «Неизвестная Черная книга», переизданная несколько лет назад музеем Холокоста США [18]. В 2002 году вышла первая обобщающая монография о Холокосте в СССР, где особое внимание было уделено судьбе евреев на оккупированной территории России [19]. Вышла в издательстве РОССПЭН двумя тиражами Энциклопедия «Холокост на территории СССР».

В то же время тема Холокоста представлена весьма фрагментарно на страницах российских академических и исторических журналов. История памяти о Холокосте нашла отражение в совместном издании российских и германских историков, вышедшей одновременно в двух странах на русском и немецком языках [20].

При поддержке Российского государственного научного фонда и других организаций недавно в издательстве РОССПЭН вышла «Энциклопедия Холокоста на территории СССР» [21]. Это самый масштабный проект Центра «Холокост» [22]. По инициативе МИД РФ в 2010 году книга была представлена в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Сейчас книга переводится на английский язык.

В 2010-2015 годах в Москве, в том числе в здании РАН и с участием академических институтов, прошла серия конференций, посвященных истории Нюрнбергского процесса и Второй мировой войны, где были секции, посвященные теме Холокоста [23].

К глубокому сожалению, доминирующим в научной и учебной литературе остается непризнание беспрецедентности Холокоста – попытки уничтожить целый народ. Евреи чаще всего лишь упоминаются в перечне жертв, обычно – после славянских народов. Не осознан и превалирующий в западных исследованиях Второй мировой войны и геноцидов тезис об его универсальности [24]. Академическая наука в России чаще всего не замечает проблематики Холокоста. В том числе тогда, когда эти работы касаются вопросов нацистской

идеологии, политики и практики [25]. Опасной представляется очевидная тенденция «приуменьшения Холокоста», которая сегодня оживленно дискутируется на Западе [26]. Там же, где упоминается уничтожение советских евреев – число их в несколько раз приуменьшено [27].

Отдельным направлением историографии в России стали книги отрицателей Холокоста. Их аргументы тиражируют научно-популярные издания, выходящие массовыми тиражами [28]. Досадно, что в некоторых капитальных работах о преступлениях нацистов и их судебных преследованиях содержатся ссылки на работы известного отрицателя Холокоста Дэвида Ирвинга [29].

А как современное российское общество относится к Холокосту? Приведем три примера, по которым мы можем судить о некоторых тенденциях. Похоже, что «кризис памяти», о котором уже несколько лет предупреждают западные коллеги [30], достиг России в самом начале осмысления Холокоста.

27 января РЕК обратился ко всем кандидатам на должность Президента России с предложением включить в свою предвыборную программу пункт о введении Национального дня памяти жертв Холокоста и воинов-освободителей лагерей смерти. Никто из них этого не сделал. Однако в последней своей предвыборной статье лидер ЛДПР Владимир Жириновский заявил о намерении создать Национальный институт **Холокоста русского народа (выделено нами – И.А.)** в 20-80 гг. XX века [31].

Этот слоган о «Холокосте» косвенно, хотя и весьма своеобразно, свидетельствует: термин стал достаточно широко известен.

Второй пример. В ноябре 2011 г. впервые в истории современной России демонтировали мемориальную доску с текстом о жертвах Холокоста. Это произошло в Ростове-на-Дону, где находится «российский Бабий Яр» – место самого массового расстрела (свыше 20 тысяч) евреев на территории РФ. Доска была установлена по решению мэра города, а снята его подчиненным – министром культуры. Теперь в тексте фигурировали «мирные советские граждане». Этот акт «деевреизации Холокоста», казалось, изжитый в общественном сознании, стал поводом для дискуссий на региональном уровне и в Интернет. Власти города 2 года отказывались исправить очевидное недоразумение. Мотив почти идентичен полемике вокруг Бабьего Яра полувековой давности: здесь убиты не только евреи. Но добавился и новый нюанс. Газета «Вечерний Ростов» информировала читателей, что означает термин Холокост и почему он не уместен в Ростове:

здесь евреев не сжигали в крематориях, а расстреливали… В конце концов установили доску с упоминанием евреев но без термина Холокост.

2 года назад были опубликованы результаты опроса среди священнослужителей (!) о необходимости преподавании Холокоста в России, проведенного одним из Интернет-порталов [32]. В опросе приняли участие 6 представителей русской православной церкви из трех регионов России (половина из них – преподаватели высших и средних православных учебных заведений), имам и два представителя еврейских организаций. Им был предложен вопрос: «Нужно ли проводить в российских школах специальные занятия по изучению Холокоста? Не лучше ли уделить больше внимания изучению репрессий, проводившихся на территории бывшего СССР?».

Самые политкорректные ответы представителей православной церкви сводились к следующей оценке: это «неверный шаг в верном направлении». Мотивы негативных ответов варьировались от мифической угрозы, что будут говорить **об одном** Холокосте, до опасений, что это может вызвать «антисемитские выпады и комментарии, мощную негативную волну». Звучали и откровенно антизападные и антисемитские мотивы.

Мы считаем, что для сохранения памяти о Холокосте в России есть огромный потенциал. Прежде всего, если совместными усилиями историков и педагогов он будет восприниматься не как «убийство немцами евреев Европы», но как составная часть истории нашей страны.

Перефразируя известную цитату Зигмунда Баумана, сегодня российское общество не должно стоять перед выбором между гордостью за Победу над нацистами и замалчиванием или приуменьшением Холокоста. Оно должно сделать выбор в пользу морального очищения от частичного отрицания важности темы Холокоста, наряду с гордостью за то, что именно наша армия спасла от полного уничтожения евреев Европы [33].

Примечания

1. Рональд Бергер делает важное наблюдение об опоздании с «признанием памяти» о Холокосте как в Израиле, так в Западной Европе и США. См. Berger, Ronald J. The Holocaust, religion and politics of collective memory, P.2.

2. На вопрос, что вы знаете или что слышали об Аушвице, Дахау и Треблинке 50% дали ответ «концлагерь», 49% – не знаю (в Германии правильно ответили 92%). 34% респондентов верно ответили на вопрос, как обозначались евреи нацистами (в Германии – 91%). На вопрос о числе жертв Холокоста верно ответил 21%; 52% сказали «Не знаю». Ответы примерно трети опрошенных были в диапазоне от 25 000 до 20 млн. В Германии верно отвели 36% опрошенных. При этом в России именно люди с высшим образованием больше других знали факты о Холокосте (69% знали о концлагерях; 55% – о желтых звездах и 30% – о 6млн). 88% из них были за то, чтобы сильнее сохранять память об этой трагедии.

Current Russian attitudes toward Jewes and the Holocaust.A public-opininonservey.NY;AmericanJewsh Committee, 1996. P.14 – 21.

3. С таким предложением к властям России еще в 2002 г. обратился генерал Василий Петренко, командовавший одной из дивизий, освободившей Освенцим. См. Петренко В.Я. До и после Освенцима. М.: Фонд «Холокост», 2002. Французское издание вышло в Париже в 2002 г. Эта дата отмечается на официальном уровне уже в 30 государствах мира. Летом 2011 г. к ним присоединилась Украина.

4. В странах Балтии и Украине уже в первой половине 90-х годов на высшем государственном уровне признали вину за Холокост, установили сотни мемориалов и памятников погибшим, наградили государственными наградами людей, спасавших евреев – Праведников Народов Мира. Во многих из них появились специальные образовательные программы и музеи Холокоста. 27 января в Эстонии и Украине – Национальные дни памяти жертв Холокоста. 2011 год был объявлен годом Холокоста в Литве. Другое дело, что в этих странах говорят о двух оккупациях: нацистской и советской. И наряду с годом Холокоста Литва отмечала и год антисоветского восстания 23 июня. Для западных партнеров и Израиля наши коллеги умело демонстрируют свои усилия по сохранению памяти о Холокосте, но подавляющее место в большинстве музейных экспозиций и текстов учебников занимает информация о «советской оккупации».

5. Изначально Музей не планировался. При закладке камня Мемориальной синагоги в 1995 г. инициатор и главный спонсор проекта, тогдашний президент РЕК Владимир Гусинский на вопрос Президента Центра «Холокост» Аллы Гербер: «Будет ли в ней Музей?», ответил словами, ставшими афоризмом: «На Холокост у меня денег нет». Музей был создан за полгода, после посещения его строительства мэром Москвы Юрием Лужковым. В 2012 г. только в составе организо-

ванных групп Музей посетили свыше 12 тыс. человек, в том числе туристы из 21 страны мира; более половины всех посетителей – учащиеся и преподаватели из Москвы и России.

6. См. «Холокост». Научно-информационный бюллетень, №1 (56), январь 2012 г., с. 2.

7. Сам Стандарт официально введен не был и стал предметом затянувшихся почти на десятилетие дискуссий педагогов и органов образования. Однако этот документ стал основой для подготовки учебников для средней школы по Отечественной и всеобщей истории, а также обществознанию.

8. Первые аналогичные семинары под названием «Образование против предрассудков» были проведены с Домом Анны Франк (Амстердам) в первой половине 90-х гг. на базе выставки об Анне Франк. Затем мы проводили их с шведскими коллегами в рамках проекта «Живая история» в 2000-2005 гг.

9. См., например, Альтман И.А., Гербер А.Е., Полторак Д.И. История Холокоста на территории СССР. Учебное пособие. – М., 2002; Альтман И.А. История Холокоста и еврейского сопротивления на оккупированной территории СССР // Пособие для студентов университетов. – М., 2002.

10. В том числе, в РГГУ, Высшей школе экономики, Институте стран Азии и Африки МГУ, Российском государственном педагогическом университете (С. Петербург).

11. Специальное учебное пособие «Вермахт и Холокост» в 1999 г. издал в Ярославле А.В. Ермаков. Отдельный раздел о Холокосте представлен в пособии по новейшей истории для студентов МГУ Патрушева.

12. А.С. Барсенков и А.И. Вдовин «История России 1917-2009» (М.: «Аспект Пресс», 2010). Авторы, в частности, указывали, что в советском плену находилось свыше 10 000 евреев, воевавших на стороне нацистов.

13. Уже в начале 90-х гг. появляются телевизионные фильмы, показанные на местных телеканалах (например, о трагедии в Ростове: фильм «Змиевская балка» вышел в 1992 г.). В 1995 г. мы подготовили первый документальный фильм о Холокосте «Брестское гетто» – он был показан по Первому каналу. В 2001 году большой успех вызвал показанный по телеканалу «Россия» фильм Павла Чухрая «Дети из бездны» (основанный на материалах Фонда Спилберга). В последние годы создано несколько новых документальных и художественных фильмов по теме Холокоста. Документальный фильм известного ки-

норежиссера Александра Зельдовича «Процесс» (2003) так же был показан по одному из российских телеканалов. Документальный фильм о Холокосте «Мелодии Рижского гетто» подготовил известный телеведущий Владимир Молчанов (показан по российскому ТВ в 2006 г.). Ряд фильмов, тесно связанных с тематикой Холокоста, подготовили известные кинодокументалисты Владимир Двинский («Нюрнбергский процесс»), а также Елена Якович и Алексей Шишов («Неизвестный Освенцим», «Мир после Освенцима»).

14. «Пианист», «Побег из Собибора», «Братья Бельские» и другие.

15. См. статью историографии в Энциклопедии «Холокост на территории СССР». – М., РОССПЭН, 2011.

16. Отметим конференцию по иудаике «Сэфер» (с секцией «Холокост»); шесть международных конференций «Уроки Холокоста и современная Россия» (1994, 1997, 1998, 2002, 2008, 2011 гг.).

17. Документальную и художественную прозу выпускает издательство «Текст» с начала 90-х гг. С 2000 по 2006 г. Фонд «Ковчег» издавал серию «Анатомия Холокоста».

18. Неизвестная Черная книга. Составители Илья Альтман и Шмуэль Краковский / Под ред. Ицхака Арада и Татьяны Павловой. Москва – Иерусалим: «Текст»,1993. В него вошли те документальные свидетельства, которые по цензурным соображениям отвергли редакторы «Черной книги». В 2008 г. этот том впервые были издан на английском языке Музеем Холокоста США. Массовым тиражом издана известная книга шведских авторов С. Брухфельда и П. Левина «Передайте об этом детям Вашим».

19. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941-1945 гг.; в 2008 г. издана на немецком языке.

20. Память о войне. 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. – Москва. 2005. Памяти о Холокосте посвящен раздел с характерным названием «Частичная амнезия».

21. Энциклопедия Холокоста на территории СССР / под ред. И.А. Альтмана – М: РОССПЭН, Центр «Холокост», 2009. - 1043 с.

22. Он привлек почти 100 исследователей, в том числе из 15 университетов России. В книге помещено более 2 000 статей о населенных пунктах на территории СССР в границах на 22 июня 1941 г. и более 300 тематических статей. Все они связаны с Холокостом советских евреев или судьбами граждан других государств (как жертв, так и палачей) на территории СССР в годы Холокоста.

23. Проблемам нацистского геноцида на территории СССР, где одной из ведущих была тема Холокоста в контексте участия в ней коллаборационистов, была посвящена серия конференций, организованных недавно созданным Фондом «Историческая память». С 2010 г. эта тема присутствует на всех исторических конференциях в РГГУ. В рамках российско-венгерского научного сотрудничества в Москве и Будапеште прошли конференции, включающие секции Холокоста.

24. Впервые в России попытку обосновать тезис об универсальности Холокоста (за несколько лет до появления аналогичных работ на Западе) предпринял первый президент Центра «Холокост» Михаил Гефтер, сформулировав следующее определение: «Не бывает геноцида против одного народа; геноцид всегда направлен против всех». Показателен подзаголовок книги, с выпуска которой в 1995 г. началась «Российская библиотека Холокоста»: «Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос» (М. Центр «Холокост», 1995).

25. Там же, где об этом говорится достаточно подробно, евреи упоминаются обычно в связке со славянами, а число ни жертв Холокоста в Европе, ни на территории ССР не приводится (См., например, Капто С..А, 2012).

26. См. Розет, 2012.

27. Например, в юбилейном издании «Великая Отечественная война», М., 2010.

28. На последней Московской книжной ярмарке был представлен целый стенд с такими изданиями. Среди них – книга С. Куняева «Жрецы и жертвы Холокоста» (М., 2011), главы из которой публиковалась в редактируемом ими журнале «Наш Современник» в течение 2010 г.

29. Первые три сноски в книге зам. Прокурора РФ Александра Звягинцева о Нюрнбергском процессе, изданной в 2010 г.

30. См., например, Suleiman,Susan Rubin. Crises of memory and the Second World War. HarvardUniversityPress, 2006.

31. «Российская газета», 1 марта 2012 года. Забавно, что одновременно он обещал исключить из употребления в будущем такие «иностранные слова» как «Президент» и «Конституция». Следует напомнить, что в конце 90-х гг. Жириновский отказался почтить минутой молчания память жертв Холокоста в Государственной Думе, заявив: «мы не должны отмечать чужие праздники» (?!)

32. «Regions.ru/Новости Федерации».

33. Зигмунд Бауман почти четверть века назад сказал применительно к коллективной памяти о Холокосте: выбор не между позором

и гордостью, но выбор между гордостью за моральное очищение от позора и позором за моральное разочарование. Впрочем, судя по реакции в Интернете, у этой посылки есть и свои оппоненты. На интернет-портале «Военно-исторический ФорумMilitary» недавно появилось следующее мнение: «У Вас не сложилось впечатление, что День Победы и память о войне всѐ больше используют как региональный филиал «холокостного» культа? В таком духе, что Сталин и Гитлер воевали как два диктатора, но Сталин лучше, т.к. он воевал за освобождение евреев. Поэтому помните, русские, за что вы воевали против абсолютного зла Холокоста, и какова ваша роль! вся история войны и победы народов СССР вписывается как глава холокостной концепции. Наверное, наши дети уже будут учить это именно так».// http://militaryforum.ru/kul't-holokosta-i-vospriyatie-pobedy-t1337007745.html

Т.Н. Арещенко,
научный сотрудник Унечского краеведческого музея (г. Унеча)

Мы родом не из детства, из войны…

В этом году наша страна отмечает знаменательную дату – 70 лет Победы советского народа над фашистской Германией. Война исковеркала судьбы миллионов людей, оставила без отцов детей, сделала несчастными тысячи матерей. Многие, кто пережил то страшное время, не могут забыть об этом до сих пор.

Самая сильная и цепкая память у детей войны. Они хорошо помнят тяжелые годы оккупации, разруху, облавы и расстрелы, голод, холод, страх и отчаяние.

Унечский краеведческий музей уже несколько лет собирает и хранит воспоминания наших земляков, переживших ту войну. Это люди разных профессий и судеб: доярки и строители, учителя и военные, врачи и экономисты. Объединяет их одно: война лишила их детства, заставила рано повзрослеть. Их воспоминания – искренний и правдивый рассказ о войне от первого лица.

Дадим слово одному из них – Юрию Яковлевичу Киршину. Профессиональный военный, генерал-майор, доктор философских наук, профессор, автор книг и учебников, Юрий Яковлевич хорошо помнит свое военное детство, все, что довелось пережить. Войну он встретил девятилетним подростком: «Когда началась война, я нахо-

дился в пионерском лагере в 15-ти километрах от Унечи… Мой отец, офицер запаса, 26 июня 1941 года добровольцем ушел на фронт. Перед отъездом он приехал в лагерь проститься. Прощание было тяжелым. Я плакал, у отца выступили слезы, которые я увидел впервые».

В августе немцы заняли Унечу. Наступили тяжелые дни оккупации. На птицефабрике немцы устроили концлагерь: «…туда были свезены семьи коммунистов. Сидели только женщины и дети. Нас арестовывать приехал предатель – полицай. Я замешкался и не успел сразу забраться на подводу, за что он ударил меня кулаком по голове… Когда нас арестовали, у нас в гостях был мой школьный друг Саша Казаринов. Он бежал за подводой и плакал…».

Через несколько недель немцы всех выпустили, взяв у матерей подписку о невыезде.

Жизнь с оккупантами была невыносимой. Истязания и расстрелы происходили на глазах детей: «При отступлении наших войск в ста метрах от меня немецкий солдат поджег машину с нашими бойцами, сгорели три красноармейца-связиста. Через несколько дней немцы разрешили их похоронить. Хоронили на деревенском кладбище, без гробов. В могилу опустили три «головешки», три сгоревших трупа. Когда опускали одного из красноармейцев, от него отвалился кусочек бумаги – кусочек комсомольского билета. Фамилию погибшего установить не удалось. В графе «Место рождения» удалось прочесть слово «Сталинград»… Во время войны в городе на улицах валялись гранаты, патроны, снаряды, мины от минометов. Некоторые из моих сверстников подорвались на них…»

Наступил 1943 год. Фронт все ближе и ближе продвигался к Унече. Все с нетерпением ждали освобождения. И когда на улицах города появились первые советские танки, радости жителей не было предела: «Мы каждый день ходили на почту, где был установлен единственный на весь город радиоприемник, чтобы узнавать новости с фронтов… На стене почты висела большая карта, на которой красными флажками отмечались освобожденные от немцев города… В клубе был расположен военный госпиталь. Умерших хоронили в парке рядом с госпиталем в братских могилах… Скромные похороны без речей и музыки».

Возвращение с фронта отцов, сыновей, мужей было большим праздником: «В конце 1943 года с фронта вернулся отец, он был тяжело ранен при освобождении Киева. Войну он закончил заместителем командира танкового батальона 3-й танковой армии генерала Рыбалко…

Вспоминая войну, я всегда с особой теплотой думаю о своей матери, Александре Афанасьевне Киршиной, простой русской женщине, которая в тяжелые годы оккупации смогла спасти нас, своих троих сыновей… После окончания войны я твердо решил стать офицером…».

Суровые испытания в оккупации выпали на долю наших деревень. Немцы хозяйничали повсюду, забирали продукты питания, скот, угоняли молодѐжь на каторжный труд в Германию. Голод и холод, тревога и страх поселились в каждой крестьянской избе.

Рассказывает Кулаго Николай Матвеевич, уроженец с. Врянцы, 1935 г. р.: «Во время войны на постое во Врянцах были немцы и власовцы. У немцев были лошади. Так как лето было жаркое, лошадей донимали мухи и слепни. Немец – денщик собрал нас, ребятишек, и заставил ветками обмахивать лошадей. От жары в селе обмелели колодцы. Немцы сделали на колодцы крышки и заперли на замки, чтобы люди не пользовались водой. Воду приходилось брать прямо из речки.

Однажды мы, ребятишки, утащили у немца карабин и из любопытства разобрали его на части. Разобрать-то разобрали, а собрать не смогли, испугались и спрятали его в кустах.

Немец хватился – нет карабина. Схватил отца и – к стенке: «Ты отнѐс карабин партизанам!». Только тогда мы признались и показали, где спрятали разобранный карабин. Немец успокоился и отца отпустил.

Как-то над лесом немцы подбили наш самолѐт. Лѐтчик выжил, его спасли местные жители: переодели в домотканую рубаху, штаны, на ноги дали лапти, на плечо – косу, и отправили в лес к партизанам. Помогал в этом и мой отец.

Одну зиму при немцах работала школа, и мы учились. Правда, немцы заставили в учебниках заклеить бумагой портреты руководителей партии и правительства, но учиться разрешили.

Во время отступления немцы разграбили всѐ село: забирали свиней, коров, кур. У нас постреляли целый табун гусей, которых я только что пригнал с речки. А напоследок подожгли с десяток хат, многие тогда погорели».

Тяжѐлые воспоминания о военном детстве остались и у Шпиньковой Нины Андреевны, уроженки села Найтоповичи, 1938 г. р.

«К нам в село немцы пришли 19 августа, был тѐплый солнечный день. Мы, дети, сначала обрадовались, что едет так много машин и мотоциклов с колясками. А потом пришѐл страх от такого количества

людей в форме, которые говорили на непонятном языке. Мы с братом спрятались в сарае и оттуда наблюдали за происходящим. Во двор зашѐл солдат в камуфляжной форме, залез на угол нашего дома и краской что-то написал. К вечеру в хату пришли немцы, заняли еѐ, а нас прогнали в сарай.

Немцы ловили кур и рубили им головы. Я от страха кричала, а мать пыталась меня успокоить.

Когда наступила зима, нас пустили в дом. Мы с братом сидели на печи и боялись даже голос подать.

Однажды приехавший на мотоцикле немец попросил брата Федю укрыть мотоцикл тряпкой от палящего солнца. Брат просьбы не понял, и это привело немца в бешенство. Он выхватил пистолет и прицелился в брата. Тот бросился бежать в огород. Мама выскочила за немцем, стояла перед ним на коленях и умоляла не губить сына. Брат до вечера пролежал в картофельной ботве.

Помню страшные бомбѐжки, от которых мы прятались в окопе под деревом на соседском огороде.

Ещѐ помню вкус бутерброда с маргарином, которым меня угощал один немецкий солдат. Видимо, я напоминала его дочку, оставшуюся в Германии. Фотографию этой девочки с бантиком на голове он показывал моей маме.

И помню страшный пожар в селе после ухода немцев. Многие из односельчан тогда стали погорельцами, в том числе и наша семья. Жить пришлось в землянке, которую сами и построили. Было голодно, летом собирали щавель, дикий чеснок, заячью капусту, тем и питались. Было очень трудно, но взрослым было гораздо труднее – они всѐ ещѐ продолжали получать похоронки».

Яркими и драматическими воспоминаниями делится Дмитроченко М.Я., уроженка д. Воробьѐвка: «К началу войны наша семья жила в Унече по ул. им. Семашко, сейчас это улица Транспортная. Помню, как под утро 22 июня загорелась нефтебаза, а в 12 часов дня объявили, что началась война. Налетели немецкие самолѐты, бомбили в основном станцию.

1 сентября, несмотря на приход немцев, мы пошли на занятия в школу. Проучились мы до января, а потом в школе немцы разместили свой госпиталь.

В железнодорожной больнице на первом этаже лежали раненые пленные советские солдаты, наши местные женщины за ними ухаживали, перевязывали и подкармливали потихоньку.

Жили, конечно, голодно. У бабушки была корова, свой огород. Собирали щавель, заячью капусту, дикий лук. Ещѐ заготавливали бессмертник и сдавали его немцам в обмен на соль. Немцы отправляли его в Германию на изготовление лекарства.

Там, где сейчас интернат, до войны стояли дома жилкооперации, в них немцы содержали наших военнопленных. Я носила туда табак в мешочках и бросала им через проволоку. Однажды ночью немцы бараки с пленными подожгли, было слышно, как кричали солдаты, а мы стояли и плакали, немцы близко никого не подпускали.

Помню, как наступали наши, шли они со стороны Мглина, как били «катюши». Унечцы около каждого дома за калиткой выставили столы и угощали, кто чем богат, вошедших в город красноармейцев. Тут были и сало, и хлеб, молоко и картошка, зелѐный лук и чистая родниковая вода.

Отец – железнодорожник был на фронте, водил эшелоны с боеприпасами, потом воевал, пять раз был ранен, в 1945 году вернулся в Унечу на одной ноге…».

О невыносимой жизни в оккупированной деревне рассказывает Голик Елена Евтиховна, уроженка д. Мартиновка Костюковичского района Могилѐвской области, 1934 года рождения: «Нас в семье было шестеро сестѐр и три брата. Старший брат и отец ушли на фронт и пропали без вести, а где похоронены, мы так и не узнали.

Когда в селе появились немцы, мать сильно переживала за всех нас, но особенно за старшую из сестѐр – та была очень похожа на еврейку.

В нашей деревне жили несколько еврейских семей. Немцы заставляли их носить на одежде отличительный знак – звезду Давида. Жители евреев жалели, подкармливали, прятали во время облав. Были в наших лесах и партизаны, многие из деревни поддерживали с ними связь. Рядом с Мартиновкой находился большой железнодорожный мост. Он охранялся, но партизаны его всѐ равно несколько раз подрывали. Однажды на мосту был взорван немецкий эшелон, погибло много немцев. Тогда они устроили у нас облаву, вызывали всех на допрос, 11 человек замучили до полусмерти. Истерзанных, окровавленных людей поставили перед жителями и пригрозили, что всем так будет за связь с партизанами. А потом согнали нас к сараю и сказали, что всех сожгут. Спасло нас то, что в этот момент поступил приказ от немцев использовать взрослых на принудительных работах. Но село всѐ-таки сожгли дотла, а жителей отправили в концлагерь.

В товарном вагоне, где раньше возили удобрения, нас привезли в Клинцы. Три месяца мы провели за колючей проволокой. В сентябре 1943 года нас освободили наступающие части Красной армии. Возвращаться было некуда, вместо деревни стояли одни печные трубы. Переехали в г. Журбин, жили у родственников. Вскоре заработали школы, очень хотелось учиться, но ходить было не в чем. Тогда я одела рубаху брата и пошла в школу. Увидел военный, в чѐм я хожу (рядом с нами был штаб) и отдал мне свою гимнастѐрку и нательную рубашку. Из них сестра пошила мне платье и белую блузку. В этом я и ходила в школу. Потом мы вернулись в свою деревню и жили в баньке».

А вот что на всю жизнь врезалось в память о том времени Косыгиной Анне Михайловне, уроженке д. Покослово Стародубского района, 1934 года рождения: «У нас в Покослово немцы появились незадолго до своего отступления. Приехали на мотоциклах, на лугу в центре деревни сделали привал, потом разместились по хатам. Поселились и в нашем доме, мы же, мать и трое детей, перебрались жить в погреб. Немцев к нам привѐл местный житель. Немец с порога потребовал: «Матка, яйки!». Мать ответила, что нет ничего. И тут раздался выстрел. Разозлившийся немец нажал на курок автомата, который держал в руках. Пуля ударила в потолок. Мы все очень испугались, особенно я. Пережитый стресс так повлиял на меня, что я перестала расти. Вот так всю жизнь и прожила «дюймовочкой».

Жили впроголодь, нам, детям, всѐ время хотелось есть. По весне выручала мѐрзлая картошка, оставшаяся на полях, из которой готовили «тошнотики», летом спасала зелень: крапива, мокрица, лебеда. Отец во время оккупации был в партизанах. Мы долго о нѐм ничего не знали.

После освобождения деревни «переростком» я пошла в первый класс…»

Вместе со всей страной, стиснув зубы от горя, переживали лихие времена наши земляки.

А.И. Артемьев,
краевед (г. Брянск),
Г.А. Артемьев,
краевед (г. Брянск)

Брянский военный аэродром. Исторический очерк в воспоминаниях и документах

Если сильно сосредоточить внимание и слух, то можно услышать, как говорят между собой архитектурные памятники, строительные сооружения, а если повезѐт, то за их разговором будет услышан голос самой Истории…
«Объект №40» [1]

От редактора

Зародившаяся в конце XIX века отечественная авиация в своѐм становлении прошла большой путь. От конструкторских изысканий Александра Фѐдоровича Можайского, теории аэродинамики, созданной Николаем Егоровичем Жуковским, первых самолѐтов Русско-Балтийского вагонного завода, до еѐ современных достижений – самолѐтов сверхзвуковых, сверхтяжѐлых, палубной авиации. Имена отечественных ученых и конструкторов, внесших вклад в еѐ развитие, создателей авиаконструкторских школ и направлений хорошо известны. Разработка метода лѐтных испытаний также дала имена признанных лѐтчиков-испытателей.

Создание и развитие воздушного флота для России всегда было приоритетной задачей. Параллельно самолѐтостроению создавались и совершенствовались сопряжѐнные и обеспечивающие объекты: аэродромы, лѐтные школы, приборостроительные заводы, службы метеорологии и картографии, другие. Таким образом, решались многообразные сопутствующие технические, кадровые и иные вопросы.

На техническом языке «аэродром» – это участок территории (акватории) с прилегающим воздушным пространством, сооружениями и оборудованием, обеспечивающими взлѐт, посадку, руление самолѐтов их последующее размещение и обслуживание. Для авиаторов, чей труд связан с повседневным риском, аэродром – это «улица или дорога в небо», место почти культовое, воплощающее в себе опасности посадки и взлѐта авиатранспортного средства.

Брянский военный аэродром, вносивший свой вклад в социальное развитие города в довоенное время и сыгравший «определѐнную роль в крушении фашистских планов захвата столицы нашей Родины и быстрого окончания войны», оставил в истории отечественной авиации немало славных страниц. Тем не менее, история его изучена недостаточно, имеющиеся публикации неполны, содержат неточности.

Авторы очерка постарались с большой скрупулезностью открыть для читателей истинную историю военного аэродрома в Брянске, приведя множество документально подтвержденных фактов, воспоминаний участников событий, богатый иллюстративный материал.

Для нас, жителей Брянска, Брянский военный аэродром должен стать частью духовной культуры, средоточием военных традиций, доставшихся нам от отцов и дедов.

Евгения Ильченко,
председатель совета ветеранов
проектных организаций при СРО
НП «БРОП»

«Они были первыми»

О первых самолѐтах в Брянске со слов старожилов известно с 1927 года, периода, когда Брянск был губернским центром. Об этом же сроке говорит наиболее полная публикация по данной теме, размещѐнная на сайте «Брянский край»: «…точно известно, что с 1926 года началось строительство аэродрома на поле в 200 гектаров между городом Брянском и селом Городищем». Здесь же находим упоминание о первом отряде военных лѐтчиков: «…с первого октября 1927-го стала формироваться 15-я авиационная бригада под командованием старшего военного лѐтчика Лопатина (приказ РВС СССР №2704/131 от 1925 года)» [2].

Как один из первых авиаторов упоминается в данной публикации Валерий Павлович Чкалов. Факт его пребывания в Брянске хорошо известен, подтверждается другими литературными источниками: «Летом 1928 года Брянская авиационная часть проходила лагерный сбор под Гомелем… 15 августа 1928 года Чкалов летел из Гомеля в Брянск… Пользуясь возможностью потренироваться на малых высотах вдали от «бдительного ока» начальства, Чкалов нырнул под

телеграфные провода». Попытка оказалась неудачной, самолѐт был «подломан», летчик получил тюремное наказание [3,4]. Тем не менее, этот эпизод лишь дополнение к портрету «выдающегося лѐтчика-истребителя своего времени, блестящего мастера высшего пилотажа», который, «создав свою школу лѐтного мастерства, …двинул далеко вперѐд и тактику воздушного боя». Он же «…сделался лѐтчиком с мировым именем, прославленным мастером дальних рекордных перелѐтов» [4].

Уже с момента образования Брянский военный аэродром полностью отвечал своему предназначению. «На аэродроме базировалось свыше ста истребителей И-2 бис (первый советский истребитель конструкции Григоровича). Данные силы соответствовали бригаде, подразделяющейся на три эскадрильи, каждая из которых располагала собственным ангаром…

…В 1929 г. на должность командира 15-й авиаэскадрильи имени ЦИК СССР был назначен Сергей Саввич Птухин. Герой Советского Союза, он, несколько лет спустя, в Испании был советником, заместителем командующего ВВС республики. 17-й эскадрильей командовал Пѐтр Иванович Пумпур, Герой Советского Союза, принимавший участие в воздушных боях в небе республиканской Испании.

До 1933 года в звене с Владимиром Коккинаки и Виктором Евсеевым летал здесь, обучая молодых пилотов, и Степан Супрун (также как и Коккинаки, известный в стране лѐтчик-испытатель, участник боевых действий в Китае с Японскими ВВС, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР). Служил здесь будущий Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации, лѐтчик-испытатель, ставший начальником НИИ им. Чкалова, Алексей Сергеевич Благовещенский.

…После упразднения Брянской губернии административный центр территориально вошѐл в образованную Западную область с центром в Смоленске. С 1 июня 1936 года бригада получила наименование 83-й авиационной им. профсоюзов Западной области. Как одна из лучших в Белорусском военном округе, она неоднократно участвовала в воздушных парадах в Москве». Высокий престиж данного воинского подразделения способствовал тому, что здесь: «с 28 августа по 3 ноября проходили войсковые испытания десять самолѐтов И-16… В период лѐтных испытаний воинское подразделение неоднократно посещал «король истребителей» Николай Николаевич Поликарпов» [2].

В период 1936-1938 годов 79 лѐтчиков 83-й авиабазы сражались в небе республиканской Испании и Китая. Улетая с родного аэродрома, они прибывали к местам назначения на своих И-16. Десять из них стали первыми Героями Советского Союза. Семнадцать пилотов погибли в боях и катастрофах. Приводим имена лѐтчиков, удостоенных звания Героев: **капитан Сергей Фѐдорович Тархов, капитан Константин Ильич Колесников; дважды Герой Советского Союза, капитан Сергей Прокофьевич Денисов; старшие лейтенанты: Пѐтр Фѐдорович Шевцов, Александр Степанович Осипенко; лейтенанты Владимир Михайлович Бочаров, Иван Андреевич Хованский, Никифор Федотович Бананов, Сергей Александрович Черных; младший лейтенант Иван Алексеевич Лакеев**.[**2**]

Предвоенные годы. Строительство объекта «НКВД № 40»

В Государственном архиве Брянской области хранится письмо, адресованное председателю планировочной комиссии по схеме «Большой Брянск» Козикову от начальника гарнизона, командира 15-й авиабазы старшего военного лѐтчика РККА Лопатина и начальника мобилизационного отделения Сиворонова, датированное 09.03.1936 года. Документ, совмещавший интересы гражданского и военного строительства, достаточно определѐнно указывал месторасположение Брянского военного аэродрома тех лет, устанавливая преемственность его и ныне существующего старого гражданского аэропорта. В документе указывались запроектированные и воплотившиеся в жизнь военные объекты, окружавшие военный аэродром участки городского ландшафта и территории; планировался воздушный подход над местом, называвшимся ранее «полем» [5].

Наименее известным является этап истории Брянского военного аэродрома периода военных лет. Если бы мы перенеслись в предвоенные годы накануне войны, то смогли бы увидеть картину рождения авиации «мощного боевого вида». Строятся самолѐтостроительные, авиамоторные заводы, ведѐтся переподготовка лѐтных кадров. По сравнению с 1939 г авиапромышленность к концу 1940 года возрастает на 70%. 10 апреля 1941 года принимается постановление о реорганизации системы тыла ВВС.

По территориальному принципу стали создаваться районы авиационного базирования, включавшие органы тыла и батальоны аэродромного обслуживания [6].

Широкое строительство и усовершенствование военных аэродромов затронуло и наш город. Постановлением Орловского облис-

полкома и обкома ВКП(б) от 2 апреля 1941 года №634/13 «О мероприятиях по обеспечению строительства аэродромов наркомата обороны в г.г. Орле и Брянске» было начато строительство объекта «НКВД №40» [7]. Так условно назывался Брянский аэродром НКО. Более конкретно, взлѐтно-посадочная полоса и рулѐжная дорожка. Возведение оборонительных рубежей возлагалось на реформированную в мае 1939 г. строительную индустрию. Все важнейшие наркоматы включали в свою структуру подрядные организации. В составе НКВД, кроме других стройорганизаций, в 1941 г. создаѐтся Главное и областные управления аэродромного строительства (ГУАС, УАС соответственно). Наркомат осуществлял вольный наѐм специалистов. Органами внутренних дел проводилась большая организаторская работа, обеспечивались безопасность и секретность аэродромно-строительных работ.

Постановлением №634/13 начальники отделов облисполкома (облзо, облкомхоза, облдоротдела), председатель Орловского горисполкома обязывались: «к 3 апреля 1941 года откомандировать в распоряжение начальника Орловского областного управления НКВД 24 специалистов, обеспечив их всеми необходимыми инструментами, материалами и спецодеждой» [7]. Обращает на себя внимание хронология событий: 03.04.41 г. было издано вышеназванное постановление, а 09.04.41 года была ликвидирована контора Брянского отделения «Облпроекта», руководившаяся норвежцем Ольсеном [8,9].

Достоверно известно о судьбе Ивана Петровича Артемьева, зачисленного на должность инженера по проектам и сметам, и другого технического работника конторы, Григория Петровича Новикова, принявших участие на строительстве объекта НКВД №40 (*можно предположить, что в проектировании аэродрома участвовали и другие проектировщики «Облпроекта» –* ***Прим.ред.***)

Очевидно, проводимое сооружение объекта стало принципиальным изменением имевшегося военного аэродрома в рамках аэродромостроительной концепции тех лет. Авиатехника новых типов требовала нового аэродромного обеспечения, «практически все аэродромы были грунтовыми, и в распутицу они надолго выходили из строя… обстановка диктовала необходимость принятия экстренных мер по строительству новых аэродромов и реконструкции существующих» [10].

Аэродромостроители в первые месяцы Великой Отечественной войны

С началом войны сооружение аэродромов получает новый импульс. В составе УНКВД по Орловской области функционирует управление аэродромного строительства, начальником которого назначается первый заместитель начальника УНКВД Орловской области Н.Ф. Сопронов [11].

В соответствии с директивой Государственного комитета обороны от 06.07.41 года №240/13918 «для обеспечения авиации дополнительными аэродромами органам УНКВД областей предлагалось в пятнадцатидневный срок произвести расширение имеющихся и в двадцатидневный срок постройку новых оперативных аэродромов». По воспоминаниям генерал-майора госбезопасности, начальника МПВО К.Ф. Фирсанова, «для этого задания привлекалось в порядке трудгужповинности население городов, сѐл, транспорт; перебрасывались с предприятий и строек области, независимо от их подчинения: оборудование, инструмент, инвентарь». К этому времени относится строительство в ряде районов и передача командованию фронта 18 полевых аэродромов [11]. Так создавалась сеть авиационного базирования.

Принципы аэродромного строительства были следующими. «Районы авиабазирования (РАБ) в полосах своих границ определяли аэроузлы для каждого батальона аэродромного обслуживания (БАО), из расчета 3 аэродрома на каждый БАО» [12]. Для обеспечения манѐвра авиации аэродромы строились достаточными по вместимости, включая действующий, запасной, полевой аэродромы [15]. По другим сведениям строились также ложный и засадный аэродромы. Это было не простой задачей: «Даже с высот нынешнего приборного и технологического состояния выполнение только геодезических работ вблизи линии фронта в … сжатые сроки не кажется простой и наивной задачей… Авторитет офицеров инженерно-аэродромной службы был очень высок. Об этом свидетельствуют факты массового награждения специалистов-аэродромостроителей высокими боевыми наградами» [13].

К активному участию в строительстве аэродромов были привлечены выпускники Брянского строительного техникума, получившие основательную базовую подготовку – от высшей математики, предметов специального цикла до военной подготовки. Среди преподавателей техникума в 1930-е годы были такие известные представители

местной интеллигенции как архитектор Н.А. Лебедев, создатель Брянского краеведческого музея С.С. Деев и другие [14].

…Редким документом, подтверждающим масштабность строительства, является командировочное удостоверение от 26.09.41 г. №158, выданное «Инженеру по проектам и сметам Строительства НКВД №40 тов. Артемьеву И.П. в том, что он командируется в гор. Карачев и в гор. Брянск для выполнения спецзадания с обратным возвращением в гор. Орѐл. Срок командировки 27.09.41 г.» Подписано зам. начальника Строительства НКВД старшим лейтенантом госбезопасности Кондратьевым [15].

Во исполнение приказа от 27 декабря 1940 г. №0367 «О маскировке аэродромов и материальной части Военно-Воздушных Сил» проводилась большая работа по камуфляжу мест базирования авиации. Это достигалось различными способами маскировки объектов на действующих аэродромах и, особенно, за счет создания широкой сети ложных аэродромов [16]. Малоизвестным фактом является участие преподавателей и студентов Брянского строительного техникума в подобного рода работах. В заметке «Фронтовые строители» подполковник запаса, преподаватель П.В. Ильичѐв пишет: *«Летом 1941 года учащиеся и преподаватели техникума вместе с военными строителями создавали взлѐтно-посадочные полосы на Брянском аэродроме, выполняли большие маскировочные работы. Инженер-строитель К.А. Смирнов был свидетелем того, как вражеская авиация сбрасывала свой смертоносный груз на декоративные макеты самолѐтов, установленные на ложном аэродроме»* [17].

О практической важности таких мер свидетельствуют и воспоминания командующего ВВС второго формирования Брянского фронта **маршала авиации Степана Акимовича Красовского.**

«…Во второй половине мая наши лѐтчики сбили немецкий самолѐт-разведчик и обнаружили фотоплѐнку со многими советскими аэродромами в полосе Брянского фронта… Пришлось немедленно перебазировать части, которые оказались в непосредственной близости к линии фронта, на глубинные аэродромы. Начальнику аэродромного отдела штаба тыла Б.Д. Круглову и его помощнику по маскировочной службе В.И. Лукьянову было приказано форсировать оборудование ложных взлѐтно-посадочных площадок. И не зря. В первые же дни наступления враг совершил двадцать массированных налѐтов на ложные, и только три – на действующие аэродромы… Команда одного из ложных аэродромов, привлекавшая на себя удары немецких самолѐтов, геройски погибла под бомбѐжкой» [18].

Общей приметой того времени стало широко развернувшееся, руководимое сотрудниками НКВД, строительство оборонительных рубежей на территории Брянского края. По материалам одноимѐнного сайта: «На строительство оборонительных сооружений в июле-августе было направлено 130 тыс. человек» [19].

…12.09.41 года комиссия в составе представителей: ВВС Брянского фронта, УАС НКВД Орловской области, военпроекта КЭО ОРВО, с одной стороны; начальника строительства и главного инженера объекта №40, с другой, подписали Акт «О приѐме и сдаче работ по сооружению взлѐтно-посадочной полосы «А» и рулѐжной дорожки Брянского аэродрома НКО, выполненных строительством №40 НКВД в период апрель-сентябрь 1941 года». Комиссия постановила: «взлѐтно-посадочную полосу и рулѐжную дорожку считать принятыми в эксплуатацию с 15 сентября 1941 года» [20].

По документам: «Орловский и Брянский аэродромы, способные принимать любые типы военных самолѐтов, были построены досрочно» [11]. По свидетельству лиц, знавших участников строительства, трудности практического решения вопроса водостока потребовали доводки полосы уже после еѐ сдачи. ИТР и рабочие эвакуировались последним эшелоном. Срок, отделивший сдачу объекта от захвата города немцами, составил неполный месяц, что по меркам военного времени, немало. Необходимо отметить, что Объект №40 стал одним из тех немногих оборонных объектов, строительство которых было завершено. Такие аэродромы составили лишь небольшую часть от 190, планировавшихся к строительству.

Трагизм создававшегося положения доносят до нас слова Г.К. Жукова: «К началу войны аэродромные работы были в полном разгаре, однако, преобладающее большинство их не было завершено» [6].

По свидетельству инженера по техническому обеспечению ныне действующего Брянского аэропорта В.А. Бучинского: «ВПП «старого аэропорта» осталась от военного аэродрома, бетонные плиты лежат с той поры». Протяжѐнность полосы составляла 1800 м., «по документам – два километра».

Военные будни Брянского аэродромного узла

Начавшиеся военные будни ставили в трудные условия и лѐтчиков, и строителей. До завершения указанных работ Брянский аэродром становился местом базирования авиации Орловского военного округа, штурмовой и бомбардировочной авиации Западного фронта,

покидавшей аэродромы Лиды, Бобруйска, Пружан, Барановичей, Желудка, Тарново, Смоленска. Приводим яркое описание этих событий.

Из воспоминаний маршала авиации Николая Семѐновича Скрипко:

«В оперативных сводках появилось смоленское направление. Фашистские танки, поддерживаемые крупными силами мотопехоты, рвутся к Днепру и Смоленску. Части фронтовой авиации вынуждены менять свое базирование и перелетать на восток. На нашем аэродромном узле создалась недопустимая скученность самолѐтов разных типов. Вдоль границ лѐтного поля – стоянки истребителей, штурмовиков, фронтовых и дальних бомбардировщиков. Зачастили немецкие воздушные разведчики. Следовало ждать массированных ударов фашистской авиации по Смоленскому аэродромному узлу, и о сложившемся положении я доложил командующему ВВС Красной Армии генералу П.Ф. Жигареву. Вечером 5 июля получил приказ: к исходу 6 июля освободить занимаемые 3-м дальнебомбардировочным авиакорпусом аэродромы и перебазироваться на ***Брянский аэродромный узел*** *(данное и последующие выделения текста А.А. и Г.А.). Огорчило распоряжение оставить на месте все части и подразделения авиационного тыла – они должны принять соединения ВВС Западного фронта и обеспечивать их дальнейшую работу. Предполагалось, что нас будут обслуживать базы, развѐрнутые на полевых аэродромах Брянского аэроузла. Такое решение соответствовало постановлению ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР о перестройке авиационного тыла по территориальному принципу, принятому в апреле 1941 года. Однако было жаль оставлять свои авиационные тыловые части, которые с таким трудом сколотили в мирное время. Органы нашего авиационного тыла в необычайно трудных условиях первых дней войны безупречно обеспечивали полѐты и боевую деятельность 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса. Личный состав частей тыла жил одной жизнью с лѐтчиками, стойко перенося испытания военного времени. Но приказ есть приказ – его не обсуждают. Не теряя времени, я выслал в новый аэродромный район рекогносцировочные группы, передовые команды для организации приѐма кораблей и подготовки их к боевому вылету. Поскольку транспортных самолѐтов не было, пришлось отправить эти группы на бомбардировщиках Ил-4.*

К вечеру получил доклад о результатах рекогносцировки. Положение оказалось хуже, чем предполагалось. Базы Брянского аэро-

дромного узла считались второочередными, поэтому слабо были укомплектованы и специальной техникой, и автотранспортом, и личным составом. Топливозаправщики обладали малыми ѐмкостями, не рассчитанными на дальние бомбардировщики и тяжѐлые корабли. Авиабомб нужных нам типов и калибров тоже было очень мало, а наиболее ходовых и вовсе не имелось. Я уже не говорю о том, что почти отсутствовало оборудование для обеспечения ночных полѐтов, а связь между аэродромами осуществлялась по местным линиям, через многочисленные коммутаторы.

Мне доложили, что в новом районе базирования пока негде по-настоящему разместить лѐтный состав, встретилось много трудностей с организацией питания лѐтно-технического состава.

Но нет трудностей непреодолимых. Быстро решаем все неотложные вопросы и начинаем перелѐт. На боевые корабли помимо лѐтных экипажей пришлось взять большое количество инженерно-технического состава. Люди разместились в бомбоотсеках, в кабинах штурмана, стрелка-радиста. В тесноте, да не в обиде! В мирное время такие переброски не практиковались, но другого выхода у нас не было.

***Я вылетел на аэродром Брянск**. Примерно в километре от взлѐтно-посадочной полосы в землянках развернулся командный пункт нашего авиакорпуса. Обосновались достаточно удачно, имея хорошую связь по закрытому телефонному проводу с Москвой.*

7 июля уже все авиаполки базировались в новом районе. Корпусные и дивизионные части, их имущество частично перевозились железнодорожным транспортом. Вагоны и платформы добывались с огромным трудом, начальники, ведавшие военными перевозками, наши заявки сильно сокращали. Поэтому спецмашины, которые не удалось погрузить на железнодорожные платформы, двигались своим ходом по разбитым дорогам на Брянск. Несмотря на строгие запреты, нужда заставила нас взять с собой прожекторы, другие средства обеспечения ночных вылетов, часть топливозаправщиков большой ѐмкости и кое-что другое, без чего невозможно было организовать боевую работу на новых аэродромах, особенно в ночных условиях.

Наши Военно-воздушные силы продолжали борьбу с немецкими танковыми группировками, продвигавшимися на смоленском направлении. Наряду с фронтовой авиацией части 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса наносили удары по скоплению фашистских танков, мотопехоты в районах переправ через Березину, на пути к Дне-

пру. Одновременно мы продолжали налѐты на аэродромы противника. В ночь на 12 июля 1-й и 3-й тяжелобомбардировочные авиаполки нанесли удары по вражеским аэродромам в районе Вильно, Глубокое, Крупки, Бобруйск, Кличев. Поскольку гитлеровцы не предполагали, что наша авиация имеет возможность совершать налѐты на глубинные немецкие аэродромы, тем более ночью, они держали авиационную технику скученно, противовоздушная оборона проявила беспечность.

В результате внезапного ночного налѐта мы уничтожили и повредили немало фашистских самолѐтов. А днѐм 12 июля непрерывно работали экипажи Ил-4. Они бомбардировали танки и моторизованные войска гитлеровцев в районе переправы у Шклова, а также возле Староселья, Сиротина, Бещенковичей. Бомбометание было успешным»[21].

В состав 3-го дальнебомбардировочного корпуса входили: 42-й и 52-й дальнебомбардировочные авиадивизии. «4 августа 3-му дальнебомбардировочному авиакорпусу пришлось перебазироваться на полевые аэродромы Орловского аэроузла» [22].

Как особенность Брянского военного аэродрома того периода можно отметить преимущественное его использование для размещения бомбардировочной авиации. В частности, об этом говорят данные статистического сборника: «До 20.08.1941 г. здесь базировались дальнебомбардировочные авиационные полки: 20-й, 204-й, 219-й 51-й, 220-й, 222-й, входившие в состав двух корпусов (2дбак) ОрВО [23].

Приводим ещѐ одно воспоминание о военном прошлом Брянского аэродрома – участника Великой Отечественной войны **Петра Михайловича Ожимкова :** *«С начала военных действий личный состав авиаполка передвигался и действовал с аэродромов гг. Смоленска,* ***Брянска****, Орла, Тулы*» [24].

Речь идѐт о 129-м истребительном авиационном полке (ИАП), входившем в состав 9-й смешанной авиадивизии (САД), а с 27 июля 1941 года в состав 47-й САД.

Таким образом, несмотря на все трудности и недостатки оснащения, использование Брянского аэродромного узла было эффективным, позволившим наносить мало ожидаемые противником удары бомбардировочной, штурмовой, истребительной авиации.

Примечательно, что речь идѐт о Брянском аэродромном узле, как о техническом образовании, где центральное место занимал действовавший Брянский аэродром. Имелись также районы аэродромного базирования (РАБ) с приданными подразделениями обслуги: БАО,

ГАС, ПАМ (ПАРМ) (батальон аэродромного обслуживания, группа инженерно-авиационной службы, полевая авиаремонтная мастерская). Состав тыловых частей в зависимости от обстановки поэтапно наращивался. При этом РАБ отвечал за снабжение боевых частей боеприпасами, горюче-смазочными материалами, за управлением аэродромами. БАО ведал техническими аэродромными службами, подразделениями связи и автотранспорта [12]. Авиационные подразделения закреплялись за аэродромами, но площадки аэроузла могли быть использованы в качестве аэродромов подскока независимо от приписки самолѐта.

Из воспоминаний **маршала авиации Георгия Васильевича Зимина:**

*«В первую очередь мы должны были не допускать бомбовых ударов врага по городам и железнодорожным узлам Брянск, Орел, Курск, а также некоторым другим важным тыловым объектам, пресекать пролеты вражеских бомбардировщиков в направлении Тулы и, само собой разумеется, Москвы… Боевое дежурство несли подразделениями. Одну эскадрилью перебазировали на полевой аэродром Сольцы (*в названии данного населѐнного пункта автор, вероятно, допускает ошибку, возможно, речь идѐт о Сельцо – ***Прим. Ред.)****, расположенный на окраине Брянска. Убедившись, что там самолеты рассредоточены и укрыты, а связь действует нормально, я вылетел в Орел. Между Брянском и Орлом находится Карачев. В Карачеве в ту пору базировался 20-й истребительный авиаполк. К тому времени некоторые наши летчики уже провели по нескольку воздушных боев, в которых они действовали совместно с истребителями 20-го полка, и даже по разным причинам иногда совершали посадки на их аэродроме…»* [25].

На подступах к Москве. «Крутые меры»

14 августа 1941 года в соответствии с Директивой Ставки Верховного Главнокомандования №00926 был сформирован Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А.И. Ерѐменко в составе 13-й и 50-й армий. Командующим ВВС Брянского фронта был назначен генерал-майор Ф.П. Полынин. В задачу Брянского фронта входило: «…прикрыть Московский стратегический район с юго-запада и не допустить прорыва танковой группы Гудериана к Москве». Основные силы авиации на этот момент были «*расположены в основном* ***на Брянском аэродроме***» [26].

«*ВВС Брянского фронта начали боевую работу с 18 августа 1941 г. в составе 11, 60, 61 авиационных дивизий (АД). При этом 61 АД выполняла задачи фронтового масштаба, 11 АД входила в состав ВВС 13 армии, 60 АД – в состав ВВС 50 армии»* [26].

60 АД занимала рубеж Жиздра – Карачев (тыл 50-й армии); 11 смешанная авиадивизия (САД) – рубеж Калошичи – Локоть (тыл 13 армии). 61 (АД) базировалась восточнее, вторым эшелоном, на линии Алѐхино – Мѐртвое – Хотынец – Хотьково – Навля *(Шаблыкинского района Орловской области –* ***Прим. авторов***).

В момент вступления в должность Ф.П. Полынин стал свидетелем трагического столкновения истребителя полка ПВО с истребителем полка фронтовой авиации. Несогласованность командных действий порождалась отсутствием единоначалия в авиации, когда «каждый командир – сам по себе». «Путаницу и неразбериху вносили к тому же экипажи, приземлявшиеся большими и малыми группами по пути с запада» *(в условиях Брянска это направление взлѐта и посадки уменьшает воздействие бокового ветра*). Для наведения порядка «*на таком крупном аэродроме, как Брянский» были приняты «крутые меры».*

Из мемуаров **генерал-полковника авиации Фѐдора Петровича Полынина.**

«В организации полѐтов обрели силу закона правила лѐтной службы. Больше стало согласованности между лѐтными и обеспечивающими подразделениями. Чтобы не создавать излишней скученности, приказываю одному из полков перелететь на полевой аэродром… На аэродроме стояло немало различных самолѐтов: истребители, бомбардировщики, штурмовики, связные и т.д…

Тут же пришлось решать и судьбу «безлошадных» лѐтчиков и штурманов. А скопилась их здесь не одна сотня.

…Осложнялись события на фронтах. 17 августа противник овладел Унечей, важным железнодорожным узлом, несколькими днями позже – городами Стародуб, Почеп. Первой боевой задачей ВВС Брянского фронта стало взаимодействие с войсками 13 армии и 55-й кавдивизией 50-й армии для нанесения удара по мотомехколоннам и скоплениям пехоты противника. Недостаток в самолѐтах компенсировался их интенсивным использованием за счѐт избытка экипажей… Но, несмотря на все усилия наземных войск и авиации, задачу полностью решить не удалось. 13 армия продолжала отступать…Противник продолжал яростно рваться вперѐд. Создалась угроза полного окружения 13-й армии. Экипажи наших самолѐтов

большую часть суток висели над танковыми и моторизованными колоннами врага, продвигавшимися главным образом по дорогам, бомбили их, обстреливали, но сдержать не могли… Сил авиации не хватало и их приходилось распылять. Ставкой, планировалось нанесение массированных ударов. В районе Стародуба, во фланг второй танковой группе, а второй удар во взаимодействии с Резервным фронтом – в районе Рославля… Брянский фронт начали усиливать резервами, артиллерией, танками. Авиация тоже получила подкрепление. Одновременно Ставка дала указание силами ВВС Красной Армии провести воздушную операцию, чтобы сорвать наступление 2-й танковой группы противника. Для этого кроме авиации Брянского фронта привлекались самолѐты из состава ВВС других фронтов западного направления и частей дальнебомбардировочной авиации Главнокомандования, возглавляемых полковником Л.А. Горбацевичем. К 28 августа, помимо того, фронту оперативно подчинили резервную авиационную группу Верховного Главнокомандования, которую возглавлял полковник Д.М. Трифонов. Штаб ВВС Красной Армии детально разработал план операции. Его утвердил Верховный Главнокомандующий. Из Москвы к нам прибыла оперативная группа штаба ВВС во главе с заместителем командующего ВВС Красной Армии генералом И.Ф. Петровым и полковником И.Н. Рухле» [26].

«Воздушная операция прошла с 29 августа по 4 сентября, стала первой крупномасштабной воздушной операцией Красной Армии в Великой Отечественной войне. Следует отметить, высокоавторитетное представительство командования ВВС, новизну такого способа боя, аналитический характер отчѐта штаба ВВС фронта штабу ВВС РККА» [12].

С высоты нашего времени можно определить воздушную операцию как прообраз одной из современных моделей ведения боя с бронетанковыми войсками, решающее значение в котором принадлежит ВВС. Воздушные удары потребовали от всех огромного напряжения.

Вернемся к мемуарам генерал-полковника авиации Ф.П. Полынина: *«Летчики-истребители совершали по 6-7 боевых вылетов в день, бомбардировщики – по 3-4 вылета. Удары по танковым колоннам врага наносились непрерывно. Особенно много вылетов совершалось в районы Унечи, Стародуба, Трубчевска и Новгород-Северского, где противник сосредоточил основные бронетанковые силы. Только за два дня – 30 и 31 августа – наша авиация совершила около 1500 самолѐтовылетов, сбросила на врага 4500 бомб разного калибра, уничтожила более 100 его танков, 20 бронемашин; сбила в боях и*

сожгла на земле 55 самолѐтов. 30 августа атакам нашей авиации подверглись восемь вражеских аэродромов, а 1 и 2 сентября ещѐ девять…

…В один из этих дней воздушные разведчики доложили, что в 20 километрах западнее Трубчевска обнаружена крупная танковая колонна врага. С воздуха они насчитали около 300 машин…тут же отдаю распоряжение бросить туда все наличные силы бомбардировочной и штурмовой авиации…

Стойкость наших войск, активные действия авиации вынудили гитлеровское командование пересмотреть ранее намеченные планы. Продвижение ударной группы застопорилось. Часть дивизий немцам пришлось повернуть против Брянского фронта. Темп наступления 2-й танковой группы врага на конотопском направлении замедлился…

Высокую оценку действиям авиаторов дал тогда Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин. В телеграмме на имя командующего Брянским фронтом А.И. Ерѐменко он писал: «Авиация действует хорошо, но она действовала бы лучше, если бы разведчики вызывали бомбардировщики быстро, и по радио, а не по возвращении к месту посадки… Желаю успеха. Привет всем лѐтчикам»…

…Измотанная в непрерывных боях наша 13-я армия оказалась в критическом положении. Командующий фронтом решил создать подвижную группу в составе танковой дивизии, ввести ее на правом фланге 13-й армии. Цель: нанести по противнику встречный удар в общем направлении на Погар и этим предотвратить разгром 13-й армии. Мне письменно было приказано: всемерно поддерживать ввод в бой подвижной группы, содействовать еѐ успеху. На это направление мы бросили почти все свои бомбардировщики и штурмовики. Сам я тогда находился на переднем командном пункте фронта в районе Трубчевска…

На наших глазах завязывается крупное танковое сражение. Слышен гул моторов, звуки выстрелов. Наши штурмовики и бомбардировщики волна за волной наносят удары по танкам противника, его резервам, а истребители стараются не допустить прорыва вражеской авиации. Видно было, как на земле то в одном месте, то в другом вздымались фонтаны взрывов, вспыхивали танки.

– Вот молодцы! – не удержался от восхищения командующий фронтом, глядя на гудящие в небе самолѐты.

Благодаря решительным и дружным действиям авиаторов, танкистов и кавалеристов подвижной группы, возглавляемой заместителем командующего фронтом генерал-майором А.И. Ермако-

вым, противник был лишѐн возможности развить успех и захватить Трубчевск, к чему настойчиво стремился… Со 2-го по 12-е сентября войска Брянского фронта нанесли по противнику несколько контрударов и, продвинувшись вперѐд на 10-12 километров, закрепились и начали перегруппировку… заняли рубеж Фроловка, восточный берег реки Судость до Зноби и далее по восточному берегу реки Десны. Общие потери гитлеровцев составили около 20 тысяч убитыми, ранеными и пленными, около тысячи автомашин, до 300 танков, до 200 самолѐтов» [26].

Командующий фронтом А.И. Ерѐменко писал: «*Подводя краткий итог боевой деятельности войск Брянского фронта за период с 14 августа по 30 сентября 1941 года, следует сказать, что контрудары и контратаки войск фронта, особенно контрудар в районе Трубчевска, позволили нашим войскам выиграть ценное время для подготовки сил и средств к новым решающим схваткам на московском стратегическом направлении»* [27].

Период, связанный с подготовкой и перегруппировкой немецких войск к операции «Тайфун» на московском стратегическом направлении, знаменовался господством в воздухе немецкой авиации. Вот как это описывает Ф.П. Полынин:

«Используя свое преимущество в авиации немцы бомбили не только города, железнодорожные узлы, аэродромы, но и охотились даже за отдельными машинами…Особенно широко фашисты использовали зажигательные бомбы, вызывая многочисленные пожары. Редкий день обходился, чтобы Брянск, его железнодорожный узел не были окутаны дымом пожарищ. Горели дома, склады, пламя полыхало над лесами, посевами» [26].

Обращающим на себя внимание обстоятельством мемуаров командующего ВВС Брянского фронта Ф.П. Полынина является указание дислокации штаба фронта – в здании санатория обкома ВКП(б) в 12 километрах от Брянска в лесу, и штаба ВВС Брянского Фронта, от штаба фронта «примерно в сорока километрах» (*наиболее вероятно, близ Карачева – **Прим. авторов**).*

Расположение штаба Ф.П. Полынина делает обоснованным предположение о преимущественном использовании ВВС БФ аэродромов периферии: Карачев, Локоть, Навля Орловской области, др. А аэродрома Брянск – как центра одноимѐнного аэроузла с большими техническими возможностями, авиационными подразделениями других командований и уровней подчинения (ВВС Западного Фронта, Резервными авиационными группами Ставки ВГ).

В отчѐтном документе по военной форме №202 среди аэродромов Орловского и Брянского аэроузлов упоминаются: Мценск, Щаково, Хотынец, Локоть, Калошичи, Карачев, Жиздра, Олѐхино, Хотьково, Оптуха, Мѐртвое, Навля [28].

…По словам старожилов Брянский военный аэродром служил советской авиации «до момента сдачи города». Работа Брянского аэроузла в интересах авиации РККА вплоть до 5 октября подтверждается и воспоминанием **маршала Советского Союза Андрея Ивановича Ерѐменко:** *«Обстановка требовала немедленных переговоров с Москвой… Переправившись вброд через реку и отыскав грузовую машину, добрались до пос. Локоть, оттуда на самолѐте По-2 полетели в штаб фронта. Добравшись до* ***аэродрома под Брянском****, к вечеру 5 октября мы вернулись на КП фронта в районе ст. Свень»* [27].

Повествование Ф.П. Полынина отличает объективность, разносторонность освещения событий, в том числе в части технического обеспечения полѐтов: *«Было необходимо восполнять потери самолѐтов. И вот инженер подал мысль: на станции часто останавливаются эшелоны с разбитой техникой, в том числе с самолѐтами…Что если в этом железном ломе покопаться?.. Ремонтники буквально вершили чудеса. Столько выдумки и изобретательности проявляли они… Клепают, сваривают, выпрямляют – глядишь самолѐт ожил. Вид у него, конечно, неказистый, весь в заплатах, но лѐтчики не гнушались и такими машинами»* [26].

...Положение войск Брянского фронта оставалось тяжѐлым. Враг продолжал остервенело наседать. Наземные части отходили на восток. Это вынуждало и нас часто перебазировать авиацию на другие аэродромы, что снижало интенсивность еѐ действий.

Авиацией на нашем фронте за одиннадцать суток боѐв было совершено 1700 боевых вылетов, из них более половины – по колоннам 2-й танковой армии врага…» [26].

…В боевых действиях войск, в частности, в их прорыве из окружения, ВВС фронта сыграли важную роль. Для оказания помощи в выходе из окружения наших армий воздушной разведкой ВВС фронта устанавливались районы нахождения наших окруженных частей. По словам документа: «В район окружения на самолете У-2 засылались делегаты штаба ВВС фронта, которые ориентировали командиров частей об обстановке и указывали направление выхода. Части ВВС систематическими ударами в направлениях выхода наших частей расчищали пути движения» [12].

Роль авиации фронта раскрывает и другое замечание: «Из-за отсутствия у командования фронта средств в войсковом тылу для организации контрудара по наступающему противнику, вся тяжесть борьбы с прорвавшимися танками и мотопехотой противника была возложена на ВВС фронта. ВВС фронта было приказано не уходить с занимаемых аэродромов до последней возможности и ударами с воздуха задерживать наступление противника. Выполняя приказ, части ВВС работали до последней возможности с занимаемых аэродромов Локоть, Карачев, Хотынец, Хотьково, нанося мощные удары по наступающим подвижным частям противника. 60 АД уходила с аэродрома Карачев под обстрелом артиллерии и минометов противника. 61 и 11 АД уходили с аэродромов, когда танки и мотопехота противника находились в 3-5 км от аэродромов. Активная боевая работа ВВС фронта в этот период дала возможность многим наземным частям избежать окружения, а частям, попавшим в окружение, выходить из такового» [12].

Приводим приказ, отданный Ф.П. Полыниным на ведение арьергардного боя между авиацией, базировавшейся на Карачевском аэродроме с частями 47-го моторизованного корпуса противника:

«5 октября в середине дня начальник штаба авиационной дивизии полковник А.И. Харебов докладывает мне по телефону:

– Немцы в трѐх километрах от Карачева.

На аэродроме Карачев находилось в то время немало подразделений. Там же стоял и истребительный полк Крайнова. Сухопутных войск впереди нас не было. Выход оставался один: поднять самолѐты в воздух, проштурмовать наступающую немецкую колонну, потом держать курс на северо-восток в район Белев, Мценск под Тулу» [26].

...Краткий итог деятельности ВВС Брянского фронта подводит «Отчѐт о боевой работе ВВС Брянского фронта с 18 августа по 30 декабря 1941 года» [12]:

«1) Срыв попыток прорыва нашей обороны в направлении г. Брянска группой Гудериана.

2) Срыв марша группы Гудериана из района Рославль в направлении Новгород-Северский, Глухов.

3) Уничтожение глуховской и новгород-северской группировок противника.

4) Действия ВВС фронта по срыву развития прорыва противником в направлении Орел.

5) Обеспечение выхода своих армий из окружения.

6) Действия ВВС фронта по уничтожению танков и мотопехоты, наступающих в направлении Тула.

7) Обеспечение действий наземных войск при переходе их в общее наступление.

8) Борьба с авиацией противника путем удара по его аэродромам.

9) Срыв ж.-д. и грунтовых перевозок войск противника».

По другим документам боевая деятельность ВВС БФ определяется как участие в следующих операциях:

воздушная операция – 30 августа 1941 года;

Орловско-Брянская операция – с 30 сентября 1941 года по 23 октября 1941 года;

Тульская операция – с 24 октября 1941 года по 16 декабря 1941 года *(второе формирование);*

Калужская операция – с 17 декабря 1941 года по 5 января 1942 года *(второе формирование).*

С оставлением рубежей военные объекты недвижимости (порты, фортификационные сооружения, военные базы) доставались противнику. Такая судьба постигла и Брянский военный аэродром. После захвата города «на аэродромах: Брянск, Сеща, Орел, Карачев, базировалась 28-я эскадра противника» [12]. По словам старожилов мирное население принуждалось к очистке взлѐтно-посадочной полосы Брянского военного аэродрома, а наша авиация наносила по объекту бомбовые удары.

Священная земля

С освобождением города был освобождѐн и Брянский военный аэродром. Названия авиационных частей, принимавших участие в Брянской операции, увековечены на обелиске памятника лѐтчикам.

3-я Гвардейская истребительная и 313-я ночная ближнебомбардировочная были удостоены почѐтных названий «Брянская и Бежицкая», «…за отличие в боях по ликвидации Орловского плацдарма и освобождение Брянщины от немецко-фашистских захватчиков 32-й гвардейский истребительный авиаполк был награждѐн орденом Ленина, а 64-й и 65-й Гвардейские авиаполки – орденом Красного Знамени. За личную отвагу и мужество, проявленные при освобождении Брянска и Бежицы, одиннадцати лѐтчикам было присвоено звание Героя Советского Союза» [2].

О значении Брянского фронта маршал Советского Союза А.И. Ерѐменко, выступая против фальсификации истории Второй мировой

войны, сказал следующее: *«Можно без преувеличения сказать, что упорство и активность войск Брянского фронта сыграли определѐнную роль в крушении фашистских планов захвата столицы нашей Родины и быстрого окончания войны, так как в результате их действий была разгромлена часть сил ударных группировок немецко-фашистских войск»* [29].

Эти слова дополняет высказывание генерал-полковника авиации Ф.П. Полынина: *«И в том, что под Москвой враг в конечном итоге был обескровлен, остановлен, а потом и обращѐн в бегство, немалая заслуга лѐтчиков, штурманов, всего личного состава фронтовой авиации»* [26].

Брянский военный аэродром не получил такой широкой известности как аэродром в Сеще, но был сдан противнику позже него, как и ряда других в нашем крае.

Важно, что в условиях потери большинства аэродромов в западной части страны, он, являясь аэродромом второй очереди, стал надѐжным оплотом для авиации частей Западного фронта, для ВВС Брянского фронта на более чем трѐхмесячный срок, выступив как центр Брянского аэродромного узла.

О героической и результативной работе ВВС Брянского фронта было сказано ранее.

Уместно вспомнить и о работе сотрудников НКВД, рабочих-строителей, ИТР, учащихся и преподавателей БСТ, которые своим самоотверженным трудом способствовали досрочному вводу в эксплуатацию взлѐтно-посадочной полосы и рулѐжной дорожки объекта №40, поддержав героический порыв авиаторов.

Брянск заслуженно считается городом воинской, фронтовой и партизанской славы. Успешное возведение аэродрома с завершением аэродромно-строительных работ уже в пределах тыловых границ действовавшего фронта, дают основание к этим оценкам добавить определение Брянска как города, уже к началу войны, обладавшего зрелой технической мыслью.

В послевоенное время в Брянске размещался штаб корпуса ПВО. На аэродроме базировался полк перехватчиков Миг-15, Миг-17 [2]. Эти самолѐты ещѐ помнят старожилы по их перелѐтам над частным сектором «макаронки», района вблизи макаронной фабрики и Лесных сараев.

В начале 60-х Брянский военный аэродром закончил своѐ существование и был передан Брянскому объединѐнному отряду гражданской авиации.

Углубление в историю этого военно-технического сооружения со всей очевидностью позволяет судить о территории Брянского военного аэродрома, как о пядях земли, которые должны стать священными для жителей нашего города. Ведь известно, что уходившие в полѐт бомбардировщики корпуса Н.С. Скрипко, нанося удары «по целям ближним и дальним», неся потери, возвращались не все, а поднимавшаяся в воздух истребительная авиация, следуя воинскому долгу и выполняя приказ, часто вступала в неравные схватки с противником. Как для жителей Волгограда Мамаев курган, так для жителей Брянска бывший военный аэродром должен стать местом, где «сердце не может солгать».

В представленной работе преимущественно освещены военные события, составившие первый период действий Брянского фронта его первого формирования, которые потребовали особого мужества и самообладания от советских людей. Не претендуя на полноту, опираясь на мемуарные воспоминания, называем в разрезе ВВС Брянского фронта имена упомянутых военнослужащих авиации, еѐ тылового обеспечения, иных служб, участников тех драматических событий.

Начштаба ВВС БФ полковник Н. Петров, инженеры: П. Лосюков, Горохов, Крюков; офицеры штаба ВВС БФ: Тельнов, Мусиенко, Овчинников; начальник авиагарнизона В. Сапрыкин, дивизионный комиссар П.И. Мазепов, начштаба 11 САД Ф.С. Гудков, комиссар 11 САД И.И. Соколов; кадры комсостава: Обухов, Ефремов; начальник тыла, полковник Е. Жуков, начальник связи Д. Денисенко, начальник разведки Ф. Ларин, комиссар ИАП Маркин, начальники РАБ-ов: П.М. Ботнер, В.В. Смышляев, полковник медслужбы, флагманский врач Долбнин; командующий ИАП Крайнов; летчик, Герой Советского Союза, Павел Кошуба; младший лейтенант, лѐтчик Цамаев; лѐтчики: Дмитриев, Маслов.

Многие авиаторы сложили свои головы. Были случаи гибели работников служб тыла.

Библиография

1. Артемьев, А.И. Объект № 40 / А.И. Артемьев, Г.А. Артемьев // Брянские известия. – 1999. – 21 октября (№ 160).

2. Брянский аэродром и памятник лѐтчикам [Электронный ресурс] // Брянский край. – Режим доступа: http://www.kray32.ru/.

3. Водопьянов, М. Валерий Чкалов / М. Водопьянов – М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1954. – 288 с.

4. Денисов, Н.Н. Великий советский летчик В.П. Чкалов / Н.Н. Денисов, М.Д. Карпович. – М.: Воениздат, 1951. – (Серия «Научно-популярная библиотека солдата и матроса»).

5. Письмо начальника гарнизона председателю планировочной комиссии Козикову по схеме «Большого Брянска» от 9 марта 1930 г № 156 // ГАБО. – [Б.в.д.].

6. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. - М. : Новости, 1969. - 751 с.: 69 л. ил.

7. Письмо ГАОО от 05.10.99 г. № 1196 // [Личный архив]. – [Б.в.д.].

8. Трудовая книжка Артемьева И.П. Запись № 2 // [Личный архив]. – [Б.в.д.].

9. Артемьев, А.И. Строительной индустрии рядовой / А.И. Артемьев, Г.А. Артемьев // Брянский проект. – 2013. – 11 сентября (№ 8). – С. 3.

10. Киенко, Д. На передовом рубеже. Аэродромное строительство в западной Белоруссии накануне Великой Отечественной войны / Д. Киенко // АвиаМастер. – 2007. – № 4.

11. Письмо УФСБ по Брянской области 15.03.99 № 13/5 – А – 2 // [Личный архив]. – [Б.в.д.].

12. Отчѐт штаба Военно-воздушных сил Брянского фронта штабу Военно-воздушных сил Красной Армии от 31 декабря 1941 г. о боевых действиях авиации фронта в августе – декабре 1941 г. [Электронный ресурс]: Материалы из сборника боевых документов /43/161 // Викитека. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/.

13. Грошев, В.В. Изыскания, проектирование и строительство Полевых аэродромов во время Великой Отечественной войны / В.В. Грошев, Ю.Д. Роев // Геопрофи. – 2005. – № 2.

14. Фотография второго выпуска техников-строителей промышленных сооружений Брянского Строительного техникума 1930-1932 гг. // [Личный архив]. – [Б.в.д.].

15. Командировочное удостоверение Артемьева И.П. от 26.09.41 года № 158 // [Личный архив]. – [Б.в.д.].

16. Закревский, А.Н. Тыл Советских Военно-Воздушных сил в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Закревский. – М.: Воениздат, 1967. – С. 26.

17. Ильичѐв, П.В. Фронтовые строители / П.В. Ильичев // Брянский строитель. –1980. – 26 ноября (№ 90).

18. Красовский, С.А. Жизнь в авиации / С.А. Красовский. – М.: Воениздат МО СССР, 1968.

19. Брянский край в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Брянский край. – Режим доступа: http://www.kray32.ru/.

20. Письмо ГАОО от 05.10.99 г. № 1196 // [Личный архив]. – [Б.в.д.].

21. Скрипко, Н.С. По целям ближним и дальним / Н.С. Скрипко. – М.: Воениздат», 1981.

22. 3-й бомбардировочный авиакорпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polk.ru/.

23. Калашников, К.А. Красная Армия в июне 1941 года: [Стат. сб.] / К.А. Калашников, В. И. Феськов, А.Ю. Чмыхало, В.И. Голиков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – [204 с.].

24. Ожимков, П.М. Из воспоминаний о войне / П.М. Ожимков. – М.: Военная литература, 2005.

25. Зимин, Г.В. Истребители / Г.В. Зимин. – М.: «Воениздат»,1988. – 432 с .: ил.

26. Полынин, Ф.П. Боевые маршруты / Ф.П. Полынин. – М.: «Воениздат», 1972.

27. Брянский фронт: Сборник / предисл. Ю.В. Плотников. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1973. – С. 49, 58: ил.,карт.; 2 л.карт. - (30 лет Победы над фашистской Германией).

28. Отчет штаба Военно-воздушных сил Брянского фронта штабу Военно-воздушных сил РККА. – [Б.в.д.].

29. Ерѐменко, А.И. Против фальсификации истории второй мировой войны / А.И. Ерѐменко. – М.: «ИЛ»,1959. – 118 с.

А.В. Городков,
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор Брянского государственного
инженерно-технологического университета
(г. Брянск)

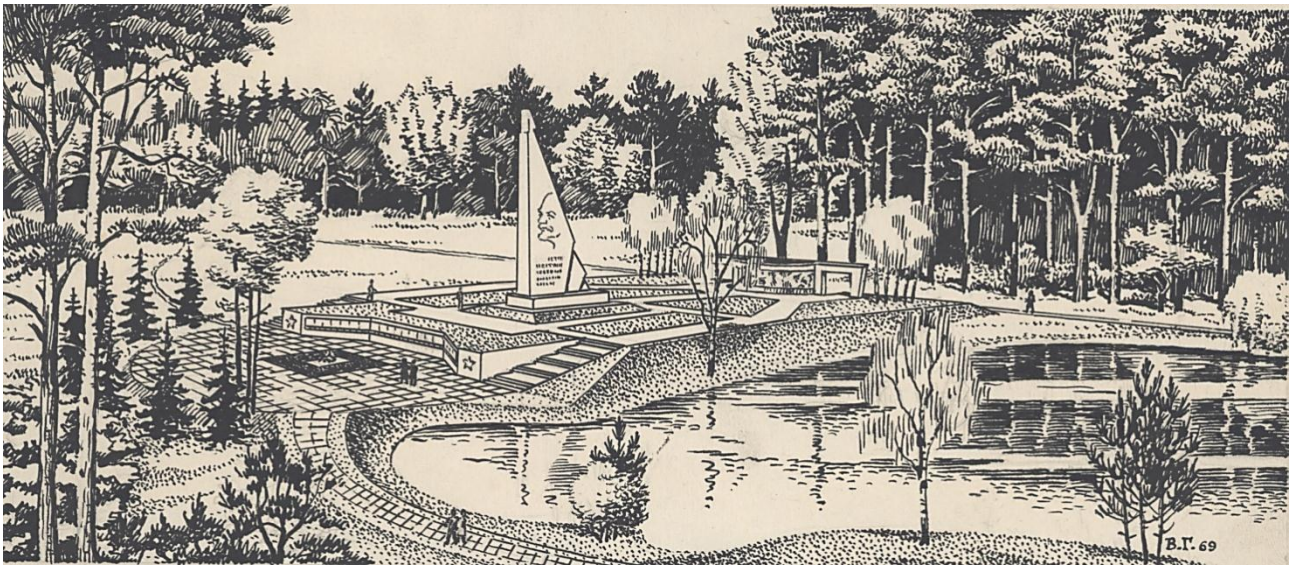
К истории создания и реконструкции мемориального комплекса «Партизанская поляна» близ Брянска

Самостоятельной творческой ветвью для заслуженного архитектора России В.Н. Городкова (1914-1997) стала работа в области увековечения подвигов советских воинов и партизан на Брянской земле. Масштаб этих работ очень разнообразный: от скромных обелисков в местах захоронений павших защитников Родины до крупных, композиционно сложных мемориальных комплексов, символизирующих величие народного подвига в военные годы. Это творческое направление для В.Н. Городкова оставалось всегда особым. Память о погибших для архитектора, очевидца страшных разрушений городов, была священной. В разных уголках Брянского края, овеянного славой партизанской борьбы, и сегодня можно видеть скромные мемориалы, созданные им в малых городах и селах области: памятник павшим воинам в Дятькове, Гарцеве, Крутоберезке, Клетнянских лесах, Комаричах…

Одной из первых значительных работ в этом творческом направлении стал мемориальный комплекс «Круглое озеро» – место формирования партизанского отряда под командованием А.И. Виноградова. В пригородном лесу был построен обелиск на братской могиле героев-партизан, павильон-музей с реликвиями борьбы и жизни партизан, восстановлены подлинные землянки. Легендарный лес окружает эти сооружения, объединяя их в памятный ансамбль.

Недалеко от Брянска, в Белобережском лесу, В.Н. Городковым создается мемориальный комплекс на месте формирования Брянского городского и районного партизанских отрядов. По мысли архитектора огонь партизанского костра озаряет на подпорной стене холма высеченные имена павших, высокий обелиск на его вершине – композиционный центр всего комплекса. Обелиск представляет собой полуразвернутое знамя. За обелиском памятная стела с рельефным текстом и картой, рассказывающая о партизанском движении на территории Брянской области. Несколько поодаль, под купами ве-

ковых деревьев, восстановленные землянки. Композицию мемориального комплекса дополняет искусственный водоем свободной формы очертания. Торжественно открытый 17 сентября 1969 года величественный памятник на долгие годы стал символом героического подвига брянских партизан.



Мемориальный комплекс «Партизанская поляна».
Общий вид.
Рисунок В.Н. Городкова. 1969 г.

Мемориальный комплекс «Партизанская поляна» хорошо известен не только жителям Брянской области. Общероссийскую известность это место приобрело еще в 1970-е гг., благодаря многочисленным публикациям прошлых лет, включением этого объекта во все туристические маршруты, начиная с 1970-х гг. С тех пор прошло немало лет, произошли изменения и в планировке памятника. Комплекс дополнился «Стеной памяти», музеем боевой военной техники... Сегодня уместно, на наш взгляд, вспомнить историю создания этого уникального памятника, попытаться проследить этапы творческой работы архитектора.

Для этого вернемся в 1963 г., на торжественное открытие первого величественного памятника Брянским партизанам «Круглое озеро», авторство которого принадлежит В.Н. Городкову. Мне посчастливилось запомнить фрагменты того далекого дня. На открытие памятника приехали бывшие воины и, конечно, наши брянские партизаны. Когда уже отзвучали торжественные речи и памятник был открыт, я стал свидетелем разговора воинов-партизан из Брянского городского партизанского отряда с первым секретарем ОК КПСС

М.К. Крахмалевым. Ветераны попросили главу области помочь им с сооружением памятника в местах первых боев с фашистскими захватчиками в Белобережском лесу. На что М.К. Крахмалев сразу же ответил: «Вот вам и архитектор, уверен, он справится с таким заданием...» – и подвел партизан к В.Н. Городкову. Очевидно, что партизаны восприняли ответ Крахмалева как некое полуразрешение на начало подготовительных работ. Однако прошло еще 4 года, пока были приняты необходимые постановления и разрешения.

Место для памятника выбирать не пришлось – Партизанская поляна – место достаточно известное, именно здесь прошли первые боевые операции партизан.

Арх. В.Н. Городков. Мемориальный комплекс «Круглое озеро». 1963 г.

Природа и история – подсказали великолепное место – открытую поляну, живописного очертания, с сосновыми опушками. К поляне подходила грунтовая дорога, совсем рядом р. Снежеть, туристи-

ческая база, санаторий. Еще далее – пионерские лагеря, обкомовские дачи... Место удобное во всех отношениях.

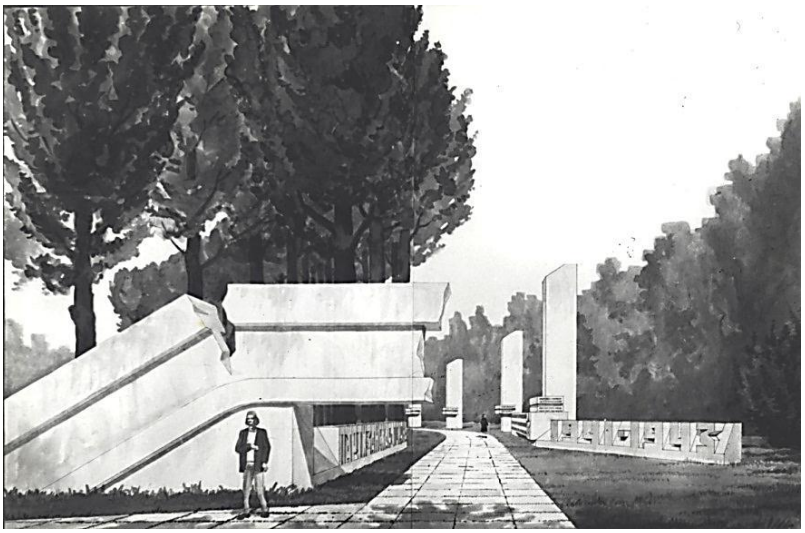
С начала 1968 г. В.Н. Городков начал проектные работы. Образ памятника определился как то сразу. Главный монумент – стилизованный фрагмент полуразвернутого знамени. Размер монумента был задуман значительным. Это потребовало организации пространства вокруг него. Постепенно замысел принял окончательный вид. Композиция памятника включала главный монумент, несколько возвышающийся над уровнем поляны, систему дорожек и заднюю стелу с изображением карты партизанских боев на Брянской земле. Перед главным монументом была расположена стена с высеченными фамилиями павших в годы войны. Перед ними на площадке значительных размеров – вечный огонь в форме партизанского костра. Идея создания водоема свободного очертания с посадкой деревьев вблизи береговой линии была реализована в проекте несколько позднее, уже в 1969 году, когда работы по сооружению памятники были начаты. И надо сказать, что эта идея архитектора оказалась удачной. Живописный ландшафт стал более привлекательным и эстетически выразительным. 17 сентября 1969 г. мемориальный комплекс был торжественно открыт.

Представляет определенный историко-архитектурный интерес проследить за дальнейшими планами архитектора, касающимися расширения памятника и его реконструкции. Решение о реконструкции было принято уже в начале 1980-х гг., когда было выяснено, что фамилии вновь установленных погибших воинов уже не могут разместиться на каменной стеле подножия главного монумента. В конце 1980-х гг. проект строительства новой памятной стены был одобрен.

В творческом архиве архитектора хранятся эскизные решения к проведению конкурсов по реконструкции. В связи с этим в 1980-х гг. создаются эскизные проекты тематически обозначенные как «Рельсовая война», «Аллея славы», еще ранее, в 1969 году появляется эскизный проект ресторана-кафе, эскиз оформления фасада музея партизанской славы. Интересен вариант решения композиции достаточно больших размеров, показывающей в решительном броске воина советской армии, защищающего огневую точку на переднем участке обороны. Фигуре бойца придано движение, решительность, бесстрашие. Композиционно представлена выразительная и тематическая комбинация «Слава героям», где в вариантном решении представлен обелиск с показом военных действий партизан на фоне гигантского огненного смерча. Рельсовой войне посвящено несколько эскизов.

Представленные решения очень различны как по масштабам и композиции, так и по содержанию.

Подход автора к проектированию малых архитектурных форм также отличался продуманностью. В этом смысле интересно представлено решение надписи-указателя в форме протяженной стелы небольшой высоты, которая планировалась к размещению на шоссе «Брянск-Орел», в начале дороги к мемориальному комплексу. Решение кафе-ресторана хорошо вписывалось в окружающий лесной ландшафт, а его форма напоминала традиционные русские избы. Необходимые скамьи – исключительно из «лесного» материала – продольные распилы широких стволов длиной до 3-х метров. Такой подход был тогда еще малоизвестен и почти не применялся.



Эскизные проекты к реконструкции мемориального комплекса. 1980-е гг.

Всего к реконструкции архитектором было разработано около двадцати эскизных решений. Разные причины помешали воплотить их в жизнь.

Не украсили мемориал более поздние непродуманные решения: въезд на мемориал и кафе – в форме обычной городской «забегаловки», неблагоустроенная автостоянка, отсутствуют до сих пор и въездные знаки, обозначающие направление движения к комплексу.

Анализируя современное состояние памятника, все же хочется с сожалением отметить, что рассмотренные предложения так и остались на бумаге. Со временем эти работы могут исчезнуть и вовсе. Вот почему необходимо обратить на них внимание, показать их оригинальность, манеру графического исполнения, свойственную выдающемуся архитектору-художнику.

Т.Г. Жукова,
учитель истории МБОУ Дубровской №1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С. (п. Дубровка, Брянская обл.)

Я ушла из детства в грязную теплушку…

Советских женщин миллионы –
Вы героини этих лет.
И женский образ окрылѐнный
Войдѐт в историю побед.
В. Инбер

Едва ли найдѐтся хоть одна военная специальность,
с которой не справились бы наши отважные женщины
так же хорошо, как их братья, мужья, отцы.
А.И. Ерѐменко, Маршал Советского Союза

Лауреат Нобелевской премии 2015 года по литературе Светлана Алексиевич в своей знаменитой книге «У войны не женское лицо» пишет: «Всѐ, что мы знаем о женщине, лучше всего вмещается в слово «милосердие». Есть и другие слова – сестра, жена, друг и самое высокое – мать. Но разве не присутствует в их содержании и милосердие как суть, как назначение, как конечный смысл? Женщина даѐт жизнь, женщина оберегает жизнь, женщина и жизнь – синонимы.

На самой страшной войне XX века женщине пришлось стать солдатом. Она не только спасала, перевязывала раненых, а и стреляла из «снайперки», бомбила, подрывала мосты, ходила в разведку, брала «языка». Женщина убивала. Она убивала врага, обрушившегося с невиданной жестокостью на еѐ землю, на еѐ дом, на еѐ детей» [1, 12].

Женщина и война. Казалось бы, эти понятия несовместимы. Изначальным предназначением женщины было продолжение челове-

ческого рода, сохранение домашнего очага, воспитание детей. Но когда пришла Великая Отечественная война, в которой решалась судьба народов, более полумиллиона женщин взяли в руки винтовки и надели солдатские шинели.

Советские женщины служили в войсках противовоздушной обороны и во флоте. Они были связистками и лѐтчицами, санинструкторами и врачами, наравне с мужчинами ходили в разведку. Двести тысяч из них награждены боевыми орденами, более 90 стали Героями Советского Союза, свыше двухсот были удостоены ордена Славы, четыре женщины стали полными кавалерами этого ордена [8].

Немало и наших землячек, родившихся на Брянщине, в нашем Дубровском районе, принимали участие в Великой Отечественной войне. Их имена должны быть навечно вписаны в нашу историю. Вот несколько судеб женщин военного поколения.

САНИТАРКА АНЕЧКА

Минакова Анна Игнатьевна родилась 2 августа 1925 года в деревне Жабово Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области в крестьянской многодетной семье. Мать рано умерла, четверых детей воспитывал отец.

Перед войной, после окончания Жабовской неполной средней школы, подала документы в Рязанский авиационный техникум. Но мечте еѐ не суждено было сбыться, так как началась Великая Отечественная война.

Жабово немцы оккупировали 9 августа 1941 года. Сразу же в деревне была создана подпольная комсомольская группа под руководством директора местной школы М.М. Отрокова, в состав которой входила и Аня Минакова. Несмотря на запреты, комсомольцы-подпольщики стали тайно собираться и приняли решение – собирать оружие и начать беспощадную борьбу с фашистами и их приспешниками.

В конце ноября 1941 года подпольщики начали тайно переправлять оружие в лес партизанам. Эти действия комсомольцев обнаружил полицай – местный житель – и установил за ними слежку. По его доносу в апреле 1942 года фашисты расстреляли директора школы Максима Максимовича Отрокова и его жену Ольгу Васильевну, комсомольца Дмитрия Зубцова. В эту роковую ночь комсомольцы-подпольщики, семьи Тришкина, Егора Пинчукова ушли в партизанский отряд, которым командовал Иосиф Исаакович Толочин (Силыч). Среди них была и Аня Минакова.

Когда началась карательная экспедиция гитлеровцев, отряд Толочина разделился, часть бойцов попыталась перейти линию фронта и соединиться с Красной Армией. Раненых партизан с санитарками – Аней Минаковой, Дусей Жутенковой, Аней Тришкиной, передали в отряд капитана Ф.С. Данченкова, который базировался в Бочаровском лесу. 2 августа 1942 года в отряд пришел младший брат Анны – Дмитрий. После объединения с несколькими другими отряд превратился в Первую Клетнянскую партизанскую бригаду.

Аня Минакова была в отряде санитаркой, воевала наряду с мужчинами – участвовала в боевых операциях. В октябре-ноябре 1942 года в составе 3-й роты под командованием Михаила Евдокимовича Астафьева участвовала в боевой операции в южной части Клетнянского лесного массива. 21 января 1943 года отличилась в бою по освобождению зимнего лагеря бригады у деревни Бочары. Ходила в разведку в направлении Рославля. Риск был огромным, но этим маленьким, худеньким, оборванным и босым девочкам удавалось блестяще выполнять задания. С большой точностью они описывали расположение огневых точек противника, количество гитлеровцев и номера воинских частей.

Зимой 1942 года в доме агентурной разведчицы Паши Бакутиной Минакова встретила девушку. Паша назвала еѐ Аней. После войны выяснилось, что это была Анна Морозова, руководитель Сещинского интернационального подполья, получившая звание Героя Советского Союза (посмертно). Партизаны относились к Минаковой, как к младшей сестре, нежно называли Анечкой.

В сентябре 1943 года партизанская бригада соединилась с частями Красной Армии и была расформирована. Анна Минакова так вспоминает об этом событии: «Мы покидали наш лагерь <…>. Мы шли просѐлочными дорогами через деревни и посѐлки. Почти в каждой деревне нас встречали хлебом-солью, целовали. Дошли до деревни Жуково, родины Фѐдора Семѐновича Данченкова, прошли по еѐ окраине и вышли к Алешне, но в саму деревню не заходили. Алешня стоит на шоссе Брянск – Смоленск. Мы перешли шоссе, построились в походную колонну и зашагали в сторону Рославля. Дошли до поворота на Дубровку <…>. Мы перешли железнодорожные пути и подошли к зданию исполкома. Тут состоялся митинг. Место было открытое. И нас, партизан, было много, и народу собралось много. Мы, партизаны, стояли не в строю, а полукругом, так было удобно, чтобы все могли услышать. Выступал Фѐдор Семѐнович, представитель райисполкома. Они стояли на каком-то возвышении, что-то вроде по-

стамента. Фѐдор Семѐнович в своей речи поздравил жителей Дубровки с освобождением, почтил память тех, кого немцы замучили, расстреляли, сожгли <…>. Затем был дан салют.

В отряде было много местных жителей, они разошлись по домам. Было много и бывших окруженцев, скрывавшихся до прихода в отряд у местных жителей. Кто-то из них ушѐл к своим знакомым. Размещали кого где. Телеги поставили на рыночной площади. На них лежали пулемѐты, миномѐты. Была выставлена охрана <…>.

Пока шло расформирование бригады, некоторые партизаны на радостях приняли не одну чарку и похулиганили. За это их поместили на гауптвахту. Я там дежурила два дня. Один из партизан спросил меня: «Эй, малявка, ты что сюда пришла?» – «Я дежурить пришла. А ты что тут сидишь в каземате?» – спрашиваю. «Да я вчера перебрал», – отвечает. И рассказал, что кого-то там обругал. За время моего дежурства на гауптвахте побывало около десяти партизан <…>.

Бригаду расформировали быстро. Когда я вернулись в Дубровку из родной деревни, партизан в посѐлке уже не было. Зашла в дом к двоюродному брату Фѐдора Семѐновича Данченкова – Михаилу Буравилину. Фѐдор Семѐнович ещѐ оставался у него, оформлял документы. Кроме него в комнате находились Буравилин, его жена Дуся и Ольга Петровна Казакова. Фѐдор Семѐнович уже был в военной форме. Он спросил у меня: «Как родичи?» Я рассказала, что в деревне только бабушка и младший брат. Отец из эвакуации ещѐ не вернулся. Фѐдор Семѐнович сказал, что сегодня или завтра уедет, и пожелал мне успехов. На этом наша встреча закончилась. Потом мы встречались с комбригом уже после войны» [6].

Юная партизанка Анечка Минакова с братом Дмитрием вернулась домой. В конце ноября – начале декабря 1943 года еѐ дядя – конструктор бюро Б.И. Шавырина, генерал-майор инженерно-технической службы Григорий Маркелович Новиков – забрал Аню в Москву и направил на работу в Центральную научно-исследовательскую лабораторию пьезотехники (ЦНИЛП), где выращивали искусственные кристаллы. Днѐм работала, вечером училась. В 1951 году окончила вечернюю среднюю школу и поступила на вечернее физико-математическое отделение Московского государственного университета (МГУ). За годы обучения и преподавания в МГУ работу в лаборатории не прерывала. Позже на базе лаборатории был создан научно-исследовательский институт (НИИ) «Фотон», где Минакова возглавляла один из отделов. Защитила кандидатскую диссертацию. В 1991 году по состоянию здоровья ушла на пенсию.

Постоянно приезжала на встречи партизан-«данчат» в Бочары. Проводила Уроки мужества в школах Москвы, Брянска, Дубровки, Сещи, Клетни.

За участие в партизанском движении награждена орденами Отечественной войны первой и второй степеней, медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» второй степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Ныне живѐт в Москве со своим младшим братом Дмитрием Игнатьевичем Минаковым и племянницей Верой. В 2015 году отметила 90-летний юбилей.

ВОЖАК МОЛОДЁЖИ

Кулдыкина Зинаида Николаевна всю свою жизнь отдала воспитанию молодѐжи. Она учила детей читать, писать, считать, учила любить свою Родину, свой народ. А в годы Великой Отечественной войны организовала комсомольско-молодѐжное подполье в Дубровке и руководила его деятельностью с октября 1942 года по сентябрь 1943 года.

Группа структурно не входила в подполье, руководимое учителем местной школы Сергутиным, но знала о его существовании и нередко выполняла задания Алексея Павловича. Наиболее часто юные подпольщики контактировали с Иваном Жариковым, который отвечал за работу с молодѐжью и организацию диверсий.

В состав комсомольского подполья входило 14 старшеклассников Дубровской средней школы. Секретарѐм был избран Олег Шишкарѐв, впоследствии погибший на фронте. В состав организации входили два сына Зинаиды Николаевны, Борис и Юрий Кулдыкины, Александра и Алексей Москвичѐвы, Станислав и Вера Поповы, Леонид Шах, Михаил Мозин, Михаил Гневушев, Пѐтр Лучин, Евгения Юркова, Михаил Зернин, Пѐтр Кондратов [4].

Через связных Т.Е. Солнцеву, Н.А. Соколову (они были учителями) и А.Г. Половинкина группа была связана с Дубровским партизанским отрядом Рогнединской бригады, а через связных А.Н. Давыдова и А.П. Юдакову – с партизанами Первой Клетнянской партизанской бригады.

В начале 1943 года по решению Орловского обкома партии был образован Дубровский подпольный райком комсомола (в Дубровский отряд прибыл представитель ЦК ВЛКСМ Алексей Дудкин). Первым секретарѐм был назначен командир диверсионно-подрывного взвода Алексей Ильич Хадкевич, вторым секретарѐм – Антон Кузьмин (поз-

же погиб в бою), третьим – Василий Симкин. Через связного Дубровского партизанского отряда А.Г. Половинкина (от него молодѐжь чаще всего получала задания командования Дубровского отряда) подпольный райком связался с подпольной комсомольской организацией Дубровки. С этого момента организация подчинялась Дубровскому подпольному райкому комсомола.

Юные подпольщики распространяли советские газеты, листовки и сводки Совинформбюро, вели учѐт фашистских железнодорожных составов, проходивших через станцию Дубровка, автомобилей и воинских формирований, которые двигались через посѐлок на Брянск, Рославль, Рогнедино. Ими были составлены план размещения немецкого гарнизона в п. Дубровка, план-схема фашистских огневых точек, списки жителей, находящихся на службе у фашистов, списки дубровчан, угнанных в Германию.

Зинаида Николаевна выполняла и специальные задания, которые давал ей первый секретарь Дубровского подпольного райкома партии Николай Михайлович Дѐмичев. Так она доставила ему экономическую карту Дубровского района до оккупации и во время неѐ. Эта карта помогла увидеть, к чему привели оккупация и «новый немецкий порядок». Карту составили учителя-подпольщики И.И. Перхунов и А.И. Кабанов. Карта попала в Дубровский партизанский отряд, а оттуда в Орловский подпольный обком партии.

Фашистской службе безопасности так и не удалось напасть на след комсомольско-молодѐжного подполья. Благодаря умелому руководству З.Н. Кулдыкиной и строгой конспирации группа работала до дня освобождения посѐлка Дубровка 19 сентября 1943 года.

В конце сентября 1943 года произошла встреча подпольщиков с Алексеем Ильичом Хадкевичем. Бывший командир диверсионно-подрывного взвода Дубровского партизанского отряда и секретарь подпольного комсомольского райкома был избран первым секретарѐм Дубровского райкома комсомола, бывшая подпольщица Александра Москвичѐва стала вторым секретарѐм, а бывшая партизанка бригады Данченкова Елена Власова была назначена заведующей сектором учѐта.

Родина не забыла подвиг героев. Многие члены подпольной молодѐжной организации были награждены орденами и медалями. З.Н. Кулдыкина была удостоена медали «За боевые заслуги».

После Победы она ещѐ долго преподавала в школе, учила, как и раньше, мальчишек и девчонок читать, писать, считать, любить свою Родину.

ПАРТИЗАНКА

Тюлягина (урождѐнная Рябушева) Нина Андреевна родилась 15 августа 1922 года в деревне Семенцы Деньгубовского сельсовета Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области. Окончив семь классов, поступила учиться в Смоленский финансово-экономический техникум. В июне 1941 года Нина Андреевна была принята на работу в Клетнянский районный финансовый отдел в качестве инспектора госдоходов.

Началась война. Эвакуироваться в тыл не удалось. Вместе с родителями она осталась в оккупации. Уже в первых числах сентября судьба свела еѐ с небольшим партизанским отрядом, который впоследствии перерос в крупную бригаду. С 1 сентября 1941 года Нина Андреевна – боец 2-й Клетнянской партизанской бригады. Читаем в еѐ боевой характеристике: «Службу несла в качестве бойца. Участвовала в целом ряде боевых операций, проводимых бригадой. В бою стойкая и смелая. В промежутки между боями активно помогала ухаживать за ранеными бойцами. Командованием бригады часто посылалась в разведку. Порученные задания выполняла добросовестно. Тов. Рябушева является достойной дочерью русского народа и подлинной патриоткой своей Родины» [3].

За мужество и отвагу была награждена орденом Отечественной войны второй степени, медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» второй степени.

К фашистам у Нины Андреевны был свой личный счѐт. 7 марта 1943 года каратели сожгли еѐ родную деревню Семенцы. В старом сарае на краю деревни заживо сгорели более 140 человек, в том числе одиннадцать родственников Нины Андреевны. Это неизбывная боль жила в еѐ душе всю жизнь.

Многие члены семьи Рябушевых были связаны с партизанами. Отец Нины – Андрей Рябушев – был партизанским агентурным разведчиком, связным и проводником. Он был награждѐн орденом Боевого Красного Знамени.

Умерла героическая партизанка 29 декабря 2003 года после тяжѐлой и продолжительной болезни.

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДЧИЦА

Каплина Мария Григорьевна родилась 6 ноября 1925 года в деревне Новые Фоминичи Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области.

С августа 1941 года по сентябрь 1943 года девушка жила на оккупированной территории. Мать и брата фашисты расстреляли по доносу соседей. Но таких злых и подлых людей, по мнению Марии Григорьевны, было мало. «Помню, что все очень голодали, чтобы выжить собирали колоски и мѐрзлый картофель в поле. Жили трудно, но люди не обозлились, помогали друг другу кто чем мог», – вспоминала она [5].

Мария Григорьевна была связной Второй Клетнянской партизанской бригады. Следила за появлением, передвижением и местоположением немецких танков и другой техники, а также живой силы противника.

Бывшая агентурная разведчица вспоминает: «Всю эту информацию я держала в голове, записывать ничего было нельзя. У меня было два человека, которым я передавала сведения. Один из них – Ермаков Алексей Дмитриевич, мой дядя, родной брат мамы. До войны он работал в Дубровке, заведовал базой. Я приносила ему сведения, а он отправлял их дальше, в лес, к партизанам.

Ещѐ один мой связной был из Смоленской области, из деревни Скороходово. Это Козлов Павел Львович, мой учитель. В этой деревне он родился, а у нас работал директором неполной средней школы и преподавателем естественных наук. Жил при школе. В войну школу сожгли, и он перебрался в Скороходово. Павел Львович давал мне больше всего заданий. Он всегда очень радовался, когда я к нему приходила.

Однажды я отправилась к нему в Скороходово с донесением. В дороге встретила незнакомую девушку, нам с ней оказалось по пути, пошли вместе. И вдруг нас неожиданно задержали полицаи. В деревне Епишево нас поместили в баню, долго держали, допрашивали, били. По чистой случайности нам удалось бежать.

Был ещѐ один мужчина из деревни Макаровка, что в 2-х км от моей деревни. Он несколько раз приходил ко мне в Новые Фоминичи за сведениями. Но фамилии его я, к сожалению, уже не помню.

Самым трудным делом для меня было переправляться через реку (название еѐ я, увы, забыла). Два раза в меня стреляли фашисты. Да, видимо, Бог хранил меня. И люди в окрестных деревнях мне помогали, потому как хорошо знали меня. Но, конечно, они не догадывались о том, что я связная партизан» [5].

После освобождения района от врага по рекомендации партизанки Второй Клетнянской бригады Нины Андреевны Рябушевой, в

замужестве Тюлягиной, Каплина получила бухгалтерское образование в Орле и всю жизнь работала в этой сфере.

За участие в Великой Отечественной войне награждена орденом Отечественной войны второй степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Муж, тоже участник войны, рано умер. Мария Григорьевна жила с младшей дочерью Маргаритой в Костроме. Умерла в 2015 году.

ПАРТИЗАНСКАЯ СЕМЬЯ ДЕНИСОВЫХ

Писарева (урождѐнная Денисова) Татьяна Матвеевна родилась в деревне Тушево ныне Дубровского района Брянской области 25 мая 1925 года. До войны работала в колхозе бригадиром.

Еѐ отец, Денисов Матвей Иванович (1904-1995), до войны работал на радиоузле в Дубровке, так как неплохо разбирался в радиотехнике, хоть и был самоучкой, а потом его назначили председателем колхоза «Утро» Алешенского сельского совета.

С самого начала оккупации Матвей Иванович занимался подпольной работой, в которой ему активно помогала 16-летняя дочь Татьяна. Когда Ф.С. Данченков с образовавшимся отрядом ушѐл в Клетнянские леса, Матвей Иванович остался в родной деревне, чтобы помогать отряду добывать сведения о противнике. Он помогал собирать оружие и доставлять его в отряд, агитировал местных жителей и окруженцев в партизаны, а также добывал и передавал ценные разведданные.

В декабре 1941 года Денисов собрал небольшой двухламповый радиоприѐмник, стал принимать и передавать партизанам сводки Совинформбюро. Так впервые жители района узнали о победе наших войск под Москвой.

Возле своего дома в деревне Утро Денисов вырыл окоп, в котором часто находили убежище партизанские разведчики и связные. Дочь во всѐм помогала отцу. Разведданные и нужные партизанам сведения она передавала в чугунке с картошкой: ставила в определѐнное потайное место, куда потом приходили разведчики и забирали.

Деятельность семьи Денисовых стала вызывать интерес полицаев, пришлось уходить в лес, к партизанам. Так Татьяна Денисова стала партизанкой Первой Клетнянской партизанской бригады под командованием Ф.С. Данченкова. Помимо хозяйственной работы в отряде (стирка белья, бинтов, выпечка хлеба, заготовка продуктов и т.д.), по-прежнему выполняла специальные поручения отца-

разведчика, связанные со сбором разведданных и контактами с партизанскими связными.

Потом Татьяна была отправлена на самолѐте на Большую землю, где работала в одной из воинских частей, базировавшихся за Волгой. Вернулась на малую родину уже после освобождения Дубровского района от оккупантов. В родную деревню шла пешком с берегов Волги.

За участие в партизанском движении имеет правительственные награды.

А отец, Матвей Иванович Денисов, остался в партизанском отряде, участвовал почти во всех боевых операциях, проявляя героизм и бесстрашие в боях. После освобождения Брянщины его оставили организовывать колхоз и поднимать хозяйство. Больше года он проработал председателем колхоза, а потом Матвея Ивановича назначили председателем Алешенского сельского Совета. На этой должности он проработал до самой пенсии.

После войны Татьяна Матвеевна работала в колхозе, вместе с односельчанами восстанавливала разрушенное хозяйство. Сложно проходило восстановление. Какая кругом была бедность! Построек почти не осталось. Но жизнь продолжалась, и надо было пахать и сеять поля, заготавливать корма, разводить скот.

Сейчас у Татьяны Матвеевны большая семья – шестеро детей, девятнадцать внуков и двадцать девять правнуков.

Живѐт она в Дубровке с дочерью и внуками. В 2015 году отметила 90-летний юбилей.

САНИНСТРУКТОР

Шведова Екатерина Александровна родилась 14 ноября 1917 года в посѐлке Ярище Курской области. Была призвана на фронт Новохопѐрским райвоенкоматом Воронежской области 13 мая 1942 года. Воевала в составе Центрального (1942-1943 гг.), Первого Белорусского (1943-1944 гг.), Третьего Белорусского (1944-1945 гг.) фронтов. На фронте была принята кандидатом в члены ВКП(б).

Рядовая Е.А. Шведова была санинструктором 40-го инженерно-санитарного ордена Красной Звезды батальона 36-й инженерно-сапѐрной Брестской бригады. Участвовала в освобождении Белоруссии, Восточной Пруссии.

30 января 1945 года за мужество и отвагу была награждена орденом Красной Звезды. Из наградного листа красноармейца Шведовой Екатерины Александровны: «Санинструктор Шведова при вы-

полнении боевых заданий по проделыванию проходов в минных полях и проволочных заграждениях противника с 12 по 17 января 1945 года, действуя смело и самоотверженно, вынесла с нейтральной полосы 27 бойцов и командиров с оружием. В ночь с 17 на 18 января противник пошѐл в контратаку. Тов. Шведова вынесла и оказала помощь 10 бойцам строительного подразделения. Тов. Шведова достойна правительственной награды ордена Красная Звезда» [7].

За активное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за храбрость и личное мужество Е.А. Шведова была награждена орденами Отечественной войны второй степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне1941-1945 гг.», «За взятие Кѐнигсберга», медалью Жукова и многими другими.

В мирное время Екатерина Александровна работала директором Жирятинского спиртзавода, технологом Дубровского спиртзавода. За многолетний добросовестный труд была награждена ленинской юбилейной медалью, медалью «Ветеран труда», многими Почѐтными грамотами и благодарностями.

Находясь на заслуженном отдыхе, принимала активное участие в военно-патриотическом воспитании молодѐжи. Часто бывала в школах Дубровского района, выступала с воспоминаниями о войне перед учениками, проводила Уроки мужества, Уроки мира.

Умерла в 2014 году.

РАЗВЕДЧИЦА ГРУППЫ «АРКАДИЙ»

Мареина Анна Сергеевна родилась 30 мая 1923 года в деревне Бочары ныне Дубровского района Брянской области. Война застала еѐ в Брянске, где она жила у своего деда Архипа. После оккупации города вместе с ним ушла в Бочары. Там участвовала в организации подпольной группы. Еѐ члены были связаны с Бочаровским партизанским отрядом Н.У. Бородынкина. С декабря 1941 года ходила по деревням и выясняла, кого назначили старостами, их отношение к населению и партизанам.

В 1942 году ушла в лес, была зачислена в партизанский отряд Толочина на подпольную работу. Весной 1942 года прикомандирована к разведгруппе «Аркадий», которой командовал Аркадий Саввич Виницкий (диверсионно-разведывательная воинская часть особого назначения №9903). Выполняла его задания.

В июле 1942 года разведгруппа пришла в отряд Данченкова. Среди особо важных и особо опасных заданий, которые блестяще

выполнила бесстрашная разведчица, было доказательство присутствия в Бежице немецких частей химических войск. Это подтверждало информацию о том, что фашисты намереваются применить на данном участке фронта химоружие.

После войны жила и работала в Брянске. Вышла замуж за бывшего партизана Первой Клетнянской бригады Егора Грибачѐва. Семья воспитала двоих детей: сын живѐт в Брянске, дочь – в Польше.

Анна Сергеевна приезжала на все встречи ветеранов-«данчат» в Дубровке и Бочарах. Принимала участие в съемках документального фильма о Первой Клетнянской партизанской бригаде «Баллада о лесном фронте».

За отвагу и мужество, проявленные в борьбе с фашизмом, имеет боевые награды.

В 1997 году Анна Сергеевна с дочерью и внуком посетила в Польше могилу Героя Советского Союза Анны Афанасьевны Морозовой, которую хорошо знала по подпольной работе.

Ныне бывшая разведчица живѐт в Брянске.

ПАРТИЗАНСКАЯ МАТЬ

Данченкова Ефросинья Поликарповна – мать легендарного командира Первой Клетнянской партизанской бригады Ф.С. Данченкова.

В апреле 1942 года еѐ старший сын, Фѐдор Семѐнович Данченков, участник советско-финской войны, капитан-артиллерист, вышедший из окружения и начавший формирование партизанского отряда в родных краях, вывел из подполья на открытую партизанскую борьбу 120 бойцов.

В августе 1942 года в деревню Жуково Дубровского района – родину Данченковых – нагрянули немцы. Их спецслужбы узнали, что «бандит» Фѐдор возглавил отряд. Каратели увезли всех, кто носил фамилию Данченковы. Среди них была и Ефросинья Поликарповна.

Мать партизанского командира пытали. Когда женщина заболела сыпным тифом, еѐ перевели в тюремный госпиталь. Оттуда еѐ как «умершую» вывезли якобы на кладбище полицаи, сотрудничавшие с партизанами. Ефросинья Поликарповна работала в хозяйственной роте у партизан. «Данчата» уважительно называли еѐ «наша партизанская мать».

Летом 1943 года вместе с младшим сыном Михаилом, тоже партизаном, была эвакуирована на Большую землю. Впоследствии была награждена медалью «За боевые заслуги».

ЗЕНИТЧИЦА

Мамлина Софья Абрамовна родилась в Дубровке в 1914 году. До начала Великой Отечественной войны успела окончить шесть классов Дубровской семилетки и Бежицкое ФЗУ.

После окончания ФЗУ Софья Мамлина работала бухгалтером в разных организациях, а в 1935 году вернулась в Дубровку, где жили родители, и до 1941 года трудилась на шпагатной фабрике. Перед началом оккупации посѐлка Софья Мамлина вместе с другими еврейскими семьями Дубровки успела эвакуироваться. (Те же, кто не успел, были заживо сожжены фашистами в старой кузнице на спиртзаводе 23 февраля 1942 года.)

Эвакуированные прибыли в Тамбовскую область, много, надрывно работали в колхозе. В 1942 году Софья Мамлина была призвана в действующую армию и до окончания войны находилась на фронте. Наша землячка служила в 317-м зенитном артиллерийском полку. О том, как воевала Софья Мамлина, говорят еѐ государственные награды: орден Отечественной войны второй степени, медали за освобождение городов.

Ушѐл на фронт и брат Софьи – Яков Мамлин. После окончания Дубровской школы он работал учителем в одной из деревень недалеко от посѐлка. Дети очень любили молодого, энергичного, образованного учителя. Когда в 1939 году его призвали в армию и направили служить в город Коростень, школьники написали в часть письмо с просьбой вернуть им их любимого учителя.

В годы войны лейтенант Яков Абрамович Мамлин был заместителем командира по политчасти 676-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии. 10 февраля 1943 года он героически погиб в бою на Орловско-Курском направлении близ деревни Семѐновка. В 1991 году был перезахоронен в братской могиле села Протасово Малоархангельского района Орловской области. О гибели брата Софья Мамлина узнала не сразу. В семье сильно переживали смерть Якова. До последнего мгновения, пока могла ходить, Софья ежегодно ездила на могилу брата.

Самой Софье Абрамовне повезло: она выжила и вместе с другими победителями встретила великий и долгожданный День Победы. До осени 1945 года продолжала служить в армии.

После демобилизации вернулась в Бежицу, где до выхода на пенсию работала бухгалтером в разных организациях и учреждениях. Потом (до ухода из жизни) была активным членом общественной организации Бежицкого района города Брянска – клуба «Фронтовичка».

ОТ ЛЕНИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

Жеребицкая (ур. Юркова) Вера Петровна родилась 23 декабря 1923 года в деревне Пузырѐвщина Смоленской области в семье учителей. Окончив Дубровскую среднюю школу в 1941 году, Вера Юркова уехала в Ленинград и поступила в кораблестроительный институт. Вместе с ленинградцами пережила страшную блокадную зиму с сентября 1941 года по март 1942 года. Эвакуация из осаждѐнного города (Кисловодск, Нальчик, Тбилиси) принесла надежду на жизнь и решимость сражаться с фашизмом.

Девушка по вольному найму поступила на службу в Красную Армию. Служила в 389 сд 2-й спецроты 4-й воздушной армии. Участвовала в обороне Кавказа, в Берлинской операции. Награждена орденом Отечественной войны второй степени, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

На фронте очаровательная Верочка встретила свою любовь. Офицер-красавец Александр Степанович Жеребицкий стал верным и надѐжным спутником на всю жизнь.

После Победы супруги Жеребицкие приехали в Дубровку. Более 40 лет Вера Петровна работала учителем русского языка и литературы в Давыдчинской восьмилетней, Дубровской средней и Дубровской вечерней школах. Веру Петровну отличали образованность, широкая эрудиция, высокий профессионализм, безупречный эстетический вкус, преданность делу, любовь к ученикам, которые отвечали ей взаимной любовью и уважением. Редкие человеческие качества, такие как душевная теплота, щедрость, порядочность делали общение с ней незабываемо приятным.

Вера Петровна воспитала не один десяток учителей русской словесности высокой квалификации, многие из которых продолжают еѐ дело и сегодня. Награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда». Отличник народного просвещения.

Последние годы супруги Жеребицкие жили вместе с семьѐй сына Эдуарда, подполковника медицинской службы, в Украине, в городе-герое Севастополе, но связи со своей малой родиной не прерывали до ухода из жизни.

РАЗВЕДЧИЦА «ЖУРАВЕЛЬ»

Партизанская семья Хадкевичей-Журавлѐвых была, пожалуй, самой авторитетной в Дубровской партизанском отряде. Сибиряк-окруженец Алексей Ильич Хадкевич был командиром лучшего в Рогнединской бригаде диверсионно-подрывного взвода и секретарѐм Дубровского подпольного райкома комсомола. Он успешно руководил рискованными операциями в тылу крага. А юная красавица **Анна Ивановна Журавлѐва** из деревни Загорье служила в отряде разведчицей. Вся еѐ семья была связанна с партизанами и погибла от рук фашистов, которые во время карательной операции забросали землянку с укрывавшимися в ней людьми гранатами.

В отряде героически сражалось немало женщин. Но дерзости и отваге разведчицы «Журавель» поражались даже бывалые бойцы. В еѐ обязанности входила ответственная разведывательная работа по линии железной дороги от станции Олсуфьево до станции Старое Узкое. Это была постоянная связь с подпольщиками в ближайших населѐнных пунктах возле железной дороги, сбор разведданных о передвижении войск противника по железной дороге, о системе охраны мостов и многое другое.

Весной 1943 года Анна Хадкевич была схвачена полицаями и отправлена сначала в Рековичи, а затем в Дубровку. Здесь в тюрьме фашисты подвергали еѐ жестоким пыткам, но разведчица не выдала партизанских тайн. При отправке в Рославльскую тюрьму Анна сумела совершить побег и благополучно вернулась в отряд.

В боевой характеристике разведчицы записано: «За время пребывания в отряде с января 1942 года по сентябрь 1943 года А.И. Хадкевич проявила себя отважной и находчивой партизанкой-разведчицей. Она доставляла командованию отряда ценные разведданные» [2].

Агентурной разведчицей Дубровского партизанского отряда была и **Евдокия Стефановна Терехова**. По заданию командования она устроилась работать уборщицей в казарме, в которой размещалась охрана моста через Десну в районе Олсуфьева. Документы, которые Терехова доставляла в отряд, имели особую ценность. Разведчица провела большую разъяснительную работу среди азербайджанского легиона, размещѐнного фашистами в этих краях. Значительная часть легионеров ушла в партизанский отряд. Позже Евдокия Терехова, попавшая под подозрение полицаев, вынуждена была уйти в лес, где стала бойцом Дубровского партизанского отряда.

Медицинскими сестрами отряда были жена командира **Полина Белугина и Полина Подпоренкова**, ранее работавшая фельдшером в Голубеевском медпункте. Ещѐ в самом начале оккупации района она с риском для жизни организовала подпольный госпиталь для девяти тяжелораненых советских солдат-окруженцев. Двоих воинов, имевших ранение в полость живота, спасти не удалось. Остальных, выхоженных ею бойцов, Полина Васильевна Подпоренкова увела с собой в Дубровский партизанский отряд.

Одна из героинь книги Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» написала на стенах поверженного рейхстага: «Я, Софья Кунцевич, пришла в Берлин, чтобы убить войну». То была величайшая жертва, принесѐнная женщинами на алтарь Победы. И бессмертный подвиг, всю глубину которого мы с годами мирной жизни постигаем» [1]. Это наш долг.

Список источников и литературы

1. Алексиевич, С.А. У войны не женское лицо: Повести / Светлана Алексиевич. – М. : Советский писатель, 1988. – 368 с.
2. Боевая характеристика Журавлѐвой Анны Ивановны // Семейный архив Чивиковой Н.А., дочери Хадкевич (Журавлѐвой) А.И. – [Б.в.д.].
3. Боевая характеристика Рябушевой Нины Андреевны // Семейный архив Жигай Е.С., дочери Тюлягиной (Рябушевой) Н.А. – [Б.в.д.].
4. Воспоминания Хадкевича Алексея Ильича. Записаны 15 сентября 1974 года // Архив музея МБОУ Дубровской №1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С. – [Б.в.д.].
5. Письмо Каплиной Марии Григорьевны в МБОУ Дубровская №1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С. от 2 мая 2013 года // Архив музея МБОУ Дубровской №1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С. – [Б.в.д.].
6. Письмо Минаковой Анны Игнатьевны в МБОУ Дубровская №1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С. от 14 марта 2012 года // Архив музея МБОУ Дубровской №1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С. – [Б.в.д.].
7. Санинструктор: Шведова Екатерина Александровна // ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, ед. хр. 1719, № записи: 24231432; Режим доступа:

http://podvignaroda.mil.ru/?#id=24231432&tab=navDetailDocument;
8. [Женщины – полные кавалеры ордена Славы]. – Режим доступа:http://topwar.ru/3602-rol-zhenshin-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-cifry-i-facty.html.

А.В. Зуева,
учитель общественных дисциплин
МБОУ «Холмечская СОШ» (п. Холмечи,
Суземский район Брянской области)

В.В. Цветков,
учитель общественных дисциплин
МБОУ «Холмечская СОШ» (п. Холмечи,
Суземский район Брянской области)

Война в судьбе интернациональной семьи Паскье-Пичевских

Ногами человек должен врасти в землю своей родины, но глаза его пусть обозревают весь мир

Дж. Сантаян

Да, мы живем в другое время, можно свободно путешествовать, жить и работать в чужих странах, но знакомство с этой историей, наверняка, навсегда отобьѐт желание покидать Родину. Это повествование расскажет о рождении франко-русской семьи, появлении франко-русских детей и о дальнейшей судьбе такого необычного союза. Да, насколько бывает жизнь удивительна. Рядом с нами в п. Холмечи почти 60 лет прожила самая настоящая француженка. История этой семьи стала историей нашего посѐлка.

Иван Григорьевич Пичевский родился на Украине, в Черниговской губернии, в селе Жадове 19 октября 1919 года. Рано потерял своих родителей, воспитала его старшая сестра. Закончив 6 классов, устроился сначала чернорабочим, затем шофером. В 1939 году призвали в Красную Армию, а в 1941 году уже началась война. Ивана

командировали в 75-й железнодорожный полк. Но воевать с немцами пришлось недолго, он попал в плен где-то под Белой Церковью. А было это так. Он только оперся на бруствер окопа и приготовился к атаке, когда в виски ударила горячая волна. Пришел в себя от резкого удара сапогом в грудь, услышал чужую речь. И погнали их все дальше и дальше от родного дома. Путь был неблизкий, на захваченные немцами Нормандские острова, на остров Жерси (английские о-ва Джерси), что находится в проливе Ла-Манш. Каждый день в лагере – тяжелый, изнурительный труд и голодное существование. Они были освобождены нашими союзниками по той войне – американцами. Бывшие узники прибыли в город Сен-Мало в октябре 1944 года. Пришли во французский военный комиссариат, где получили карту временного удостоверения, взамен паспорта.

Французы не оставили в беде русских парней, им выдали одежду, продукты. Времени у них было предостаточно, и они, где только можно, подрабатывали, в основном на еду. В один из дней русский солдат познакомился со своей будущей женой, Жоржет-Викторией-Эжен Паскье. Она работала на текстильной фабрике. Девушка грузила свою продукцию в товарные вагоны. С первого взгляда их потянула друг к другу неведомая сила, название которой Любовь. И ничто их уже не могло разлучить, даже война.

Жоржет-Виктория-Эжен Паскье родилась во Франции в городке Сен-Серване 6 мая 1924 года. Жила в большой семье: мать, отец (инвалид Первой мировой войны, получал пенсию), две сестры, два брата, семья со средним достатком. До оккупации закончили 3 ступени обучения, а в 1940 году немцы оккупировали Францию. Жизнь была тяжелая. В стране существовала карточная система. После каждого выступления деятелей Сопротивления начинались репрессии. У влюбленных было немного времени для романтических встреч, но Иван не мучился долгими раздумьями. Очень скоро он заявил Жоржетте, что домой без нее не вернется.

Сен-Мало союзники часто бомбили, в основном богатые имения, в которых жили немцы, но от этих бомбардировок доставалось и мирному населению. Освобождал город американский морской десант «Нормандия». Из Франции стали репатриировать бывших солдат. Чтобы не расставаться, Иван и Жоржетта решили узаконить свои отношения. Регистрация произошла в советском консульстве в Париже 19 сентября 1945 года, но французская сторона не признала этот брак. Мать плакала, провожая дочь в далекую Россию, как будто знала, что дочь не увидит уже никогда. Но молодые решили поехать на

родину Ивана, оглядеться и, если не понравится, вернуться назад. Откуда они могли знать, что не за горами «холодная» война, и, едва молодые люди пересекут границу, как страна Советов на долгие десятилетия отгородится от внешнего мира непроницаемым железным занавесом. Им пришлось пройти через фильтрационный лагерь, где с ними обращались хуже, чем со скотиной. Довезли их до Польши, Жоржетте пришлось продать все свое приданное, чтобы купить билеты на поезд. С горем пополам добрались они до родни Ивана, временно поселились у них. Иван Григорьевич как мог, старался для семьи. Ведь он обещал; «Будешь жить, не нуждаясь ни в чем». В Семеновском районе на Черниговщине Иван устроился шофером в леспромхоз, в котором проработал три года. После ликвидации организации перевелся в другой леспромхоз – в Суземском районе. Пичевские поселились на квартире в поселке Холмечи. Жизнь начала налаживаться. Когда семья стала увеличиваться, построили добротный дом, который стоит и поныне. Иван ни за что не хотел переезжать в город, хотя такая возможность появлялась неоднократно. Ему нравилось жить в деревне, посреди лесной чащобы. А выросшая на морском берегу Жоржетта еще очень долго не могла свыкнуться с подобной глухоманью. «Но раз приехала, надо жить», – утешала сама себя, не позволяя раскисать.

Послевоенная жизнь была нищей, но и к ней сумели приспособиться. Постепенно наладились отношения с деревенскими. Обитатели Холмечей не переставали относиться к Жоржетте как чужестранке. В свою очередь она не могла полностью привыкнуть к особенностям советской действительности. С содроганием она вспоминала ржавую селедку в сельмаге в нагрузку к дефицитной муке. Учитель немецкого языка по первости частенько наведывался к ним, якобы из дружеских побуждений, но на самом деле проверял Жоржетту на благосклонность к советской власти. Не раз и не два Жоржетта обжигала руки и лицо, пока не научилась растапливать русскую печку и управляться с чугунками. Но греться на печке она так и не пробовала – высоко и очень жарко. Соседка-старушка научила Жоржетту доить коров. Как всякий городской житель, она не знала, ни с какой стороны подходить к буренке, ни как взяться за вымя. А потом научилась так доить, что многие могли поучиться. Иван не любил ходить за скотиной, так что все домашнее хозяйство повисло на Жоржетте. Он пресекал любые ее попытки устроиться на работу. Наша француженка потом не раз жалела, что не успела заработать на нормальную пенсию.

Первые несколько лет Жоржетте часто снились Франция и ее родной город Сен-Серван, почти слившиеся с соседним городом Сен-Мало. Во сне Жоржетта слышала гул немецких бомбардировщиков, летевших на Англию и северный Дюнкерк. Во сне она еще и еще раз прощалась с матерью, которая плакала и с перрона махала ей рукой. Словно чувствовала, что расстаются навечно. Почтовые открытки с видами родного города и письмами на французском языке изредка напоминали о далекой родине.

По приезде в Союз у семьи Пичевских родилась Аня. С возрастом, характером и внешностью она стала больше походить на отца. Такая же упорная и независимая. Свою дочь Анна назвала Жанной в честь французского дедушки, которого никогда не видела. Замуж Жанна вышла за грека и подарила Жоржетте Евгеньевне двух внуков. Осевшая в Крыму Анна Ивановна каждый год приезжала в Холмечи. Потеряв мужа, она сильно заболела. Но мадам Паскье, которая сама много болела в последнее время, все же надеялась еще раз проведать дочь. Анне одной досталось имя, которое во Франции не должно было казаться чужим. Других детей Жоржетта и Иван назвали Юрием и Иваном. К тому времени, когда в 1952 году родился Юра, а спустя одиннадцать лет – Ваня, они окончательно поняли, что теперь никогда не вырвутся назад. До конца жизни Иван переживал, что не сдержал данного в Сен-Серване обещания. В паспортах дети Пичевских значатся русскими, хотя вполне могли бы считаться французами. Просто Жоржетта и Иван не отважились на открытую конфронтацию с советскими властями, а французские власти отказались узаконить брак отъезжавшей соотечественнице. Юрий – инвалид детства. У него слабые руки, больные ноги и неважно с речью. Но физические недостатки компенсировались добрым сердцем и редким великодушием. Когда матери не стало, он прожил недолго, умер. Младший сын Иван трудится мастером на одном из брянских заводов, у него крепкая семья: любящая жена и дочь, которая закончила БГУ, изучала французский и английский языки, сейчас живѐт и работает в городе Калининграде. Дважды, когда ему было два года и тринадцать лет, мама брала его с собой во Францию. Из второй поездки он вернулся буквально ошеломлѐнным.

Фото 1. Жоржетта с сыном Иваном в родной Франции.
Ла-Манш. Берег Атлантики. 1976 г.

Другой мир, другие люди, другое отношение ко всему потрясли молодого человека. Сестра убедила Ваню не вступать в пионерскую организацию. Благодаря нетипичному для советской среды происхождению большую часть жизни Иван прожил с мыслью, что не должен говорить лишнего. Любое его неосторожное слово или поступок могли истолковать двояко. В армии, например, после двух лет примерной службы его, командующего взводом сержанта, не взяли на войсковые учения в Капустный Яр, так как боялись утечки секретов. Белых ворон никогда не любили, особенно в СССР. А с матерью-иностранкой Иван был именно таким.

Фото 2. Жоржетта и Иван Паскье-Пичевские. 1982 г.
Письмо от сына Ивана из армии.

До конца жизни Жоржетта не приняла российского гражданства, потому как считала, что «раз родилась француженкой, то такой и умрет». Французское консульство совершенно бесплатно обменяло ей паспорт. Не изменила мадам Паскье и католицизму, хотя четверть века не посещала католический храм. В детстве она училась в католической школе, где преподавали до невозможности строгие монашки. Жоржетта говорила с акцентом. Русский язык, который она изучала в основном по учебникам своих детей, оказался крепким орешком. Но характерный для французского акцента грассирующий «эр», мягкий «эль» и более привычное ударение на последний слог придавали произношению Жоржетты определенную изысканность, даже шарм и явную непохожесть на местный говор. С упоением она каждый раз смотрела телевизионные новости из Франции, внимательно вслушиваясь в проскакивающую с экрана родную речь. Мысленно путешествовала по Франции, изучая карту и обозревая буклеты и фото с видами Франции. В конце 1980-х в Суземку приезжал француз, так его незамедлительно повезли в гости к мадам Паскье. Соотечественники встретились как старые друзья, много разговаривали, расспрашивали друг друга. Позже из Франции пришла посылка с бутылкой настоящего вина. Только через двадцать лет, в 1965 году, когда мамы уже не было в живых, Жоржетта смогла выехать на родину по туристической путевке. Гарантией ее возвращения были оставшиеся в СССР муж и двое детей. Вместе с Ваней она немного погостила у парижских племянниц Моник и Женевьер, принимала ее старшая сестра Мари-Франсуаз. Вначале 1960-х сестра приезжала в Холмечи, где в окрестном лесу впервые побродила среди березок и увидела грибы опята – незабываемое впечатление. Мари-Франсуаз умерла в 1999 году. Позже умер и брат Жан, много прослуживший в Индокитае. Так что в сегодняшней Франции у детей и внуков Жоржетты остались в основном только дальние родственники. Она хотела перед смертью побывать во Франции, но мешало отсутствие денег и боязнь не выдержать перелет. Она понимала, что не будет похоронена на родине, и почти смирились с мыслью, что ее «отволокут на ближайшую горку».

Под конец жизни, как говорила сама француженка «еѐ одолели корреспонденты». Не раз приезжали московские и брянские журналисты. Репортаж о ней снимал канал ТВЦ. Всем хотелось узнать эту на первый взгляд неправдоподобную историю любви. Незадолго до еѐ смерти в заповеднике «Брянский лес» оказался заезжий француз. Узнав о своей соплеменнице, он незамедлительно приехал к ней на

встречу. Сын Иван организовал гостю охоту, а тот записал двухчасовой разговор с Жоржеттой на видео. Видеозапись стала информационным событием во Франции. О ней рассказал французский телеканал «France 2». Судьбой согражданки заинтересовалось французское посольство в Москве. Посольство Французской Республики начало работу по начислению Жоржетте Паскье пенсии. Но получить это денежное пособие наша Жоржетта не успела. Она скончалась в 2003 г. в поселке Холмечи и была похоронена рядом со своим любимым Иваном на поселковом кладбище.

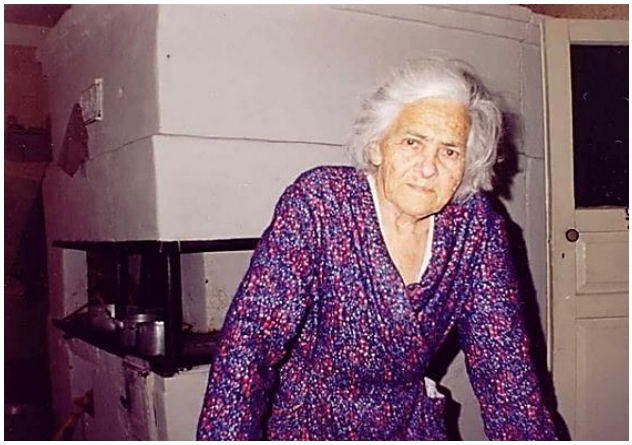


Фото 3. Одно из последних фото Жоржетты Паскье. Начало 2000-х гг.

Авторы этих строк не раз встречались с ней, история, рассказанная самой Жоржеттой, была запечатлена на видео. Не раз она приходила в нашу школу для встреч со старшеклассниками, где на вопрос: «А как бы Вы поступили сейчас? Уехали бы или остались дома во Франции?» – ответила глубоким вздохом и навернувшимися слезами. Свой отъезд Жоржетта назвала «дуростью и ошибкой молодости». Впрочем, она понимала, что случившегося не исправить, а жалеть себя спустя годы бессмысленно. Она не стала русской, эта француженка и католичка, но все односельчане – жители п. Холмечи – вспоминают Жоржетту Паскье и еѐ супруга Ивана Григорьевича с уважением и теплотой. Война навсегда связала эти судьбы. Пусть они, эти судьбы, и не очень героические (Иван Григорьевич недолго воевал и, кроме медали «За победу над Германией», у него больше наград нет), но достойно прожить жизнь – это тоже немало. Будем же всегда помнить ушедших в вечность наших односельчан и будем по-доброму относиться к живущим рядом с нами.

А.И. Кондратенко,
кандидат политических наук, доцент
кафедры журналистики ОГУ
им. И.С. Тургенева (г. Орел)

Фронтовые судьбы журналистов

«Бессмертный полк» – так называется масштабная патриотическая акция, в которой в год 70-летия Великой Победы по всей России приняли участи сотни тысяч наследников поколения победителей. Свою лепту в дело сохранения исторической памяти хочет внести и автор этой небольшой статьи – рассказать о военных судьбах журналистов. Понимая, что рамки подобного рассказа могут быть более чем велики, остановимся на биографиях только трѐх человек, уроженцев Брянского края.

Иван Васильевич Гаврилов родился 24 июня 1904 года в Бежице [1]. После смерти отца в августе 1913 года пошѐл работать на рельсопрокатный завод (подмастерью едва исполнилось девять лет!). На протяжении 14 лет Иван Гаврилов трудился здесь слесарем (в 1923 году завод получил название «Красный Профинтерн»). В октябре 1927 года происходит неожиданный поворот в судьбе молодого кадрового рабочего – Ивана Гаврилова назначают уполномоченным Госиздата в Бежице, с ноября 1930-го по январь 1931 года он работает заместителем директора театра – Дворца культуры. Летом 1930 года становится студентом Всесоюзного коммунистического института журналистики в Москве. По окончании вуза, с июля 1934 года по январь 1935-го – редактор многотиражной газеты на строительстве сталелитейного завода, с февраля 1935 года до осени 1937-го – заместитель редактора городской газеты «Бежицкий рабочий» (в феврале 1936 года переименована в «Орджоникидзеградский рабочий»). После того, как в областной газете «Орловская правда» репрессиям подверглись практически все руководящие сотрудники, Гаврилова 24 октября 1937 года назначают сюда заместителем редактора. В этой должности он не пробыл и года – в июле 1938-го подал заявление о переводе в Орджоникидзеград «по личному желанию, в связи с семейными обстоятельствами». С 1 августа 1938 года Иван Васильевич Гаврилов – редактор ежедневной газеты «Орджоникидзеградский рабочий», по совместительству – корреспондент ТАСС.

На фронте Великой Отечественной войны Гаврилов был литературным сотрудником газеты «За Советскую Родину», издававшейся

в 3-й артиллерийской дивизии Резерва Главного командования 11-й гвардейской армии.

Умер Иван Васильевич Гаврилов во время боевых действий от болезни 12 августа 1943 года, похоронен на кладбище в деревне Обухово Ульяновского района Орловской (с 1944 года – Калужской) области [2]. Посмертно награждѐн медалью «За боевые заслуги» [3].

Василий Михайлович Балев родился в селе Новый Ропск Новозыбковского уезда Черниговской губернии в 1907 году [4]. В 1928 году окончил политехникум в Новозыбкове, работал учителем школы крестьянской молодежи в селе Мякишево Выгоничского района Западной области, с января 1931 года – заместитель редактора районной газеты «Красное знамя» (Выгоничи). С марта 1932-го по май 1935 года – преподаватель обществоведения сельскохозяйственного техникума в селе Кокино. В июне 1935 года Балев В.М. был назначен заместителем редактора газеты «Брянский рабочий», с июля 1937 по август 1938 года – редактор. Затем утверждѐн в должности редактора областной газеты «Орловская правда», был избран делегатом XVIII съезда ВКП(б) с совещательным голосом.

Вместе с редакцией в октябре 1941 года В.М. Балев эвакуировался в город Елец. Это было самое трудное время в истории «Орловской правды» – журналисты работали под бомбѐжками, в крайне сложных условиях прифронтовой полосы. В июне 1942 года В.М. Балев уходит на службу в Красную Армию: в течение четырѐх месяцев учился на высших курсах усовершенствования политсостава в городе Белебей (Татария), с декабря 1942 года – начальник отделения информации организационно-инструкторского отдела политуправления Юго-Западного, а затем 3-го Украинского фронта. В октябре 1943 года майор В.М. Балев был награждѐн орденом Красной Звезды, в октябре 1944 года – орденом Отечественной войны II степени [5], медалью «За взятие Будапешта».

После Великой Отечественной войны В.М. Балев – начальник отделения информации политуправления Южной группы войск (Венгрия), с 1947 года – старший инструктор политотдела армии, с 1948 года – старший инструктор управления по проверке политорганов Главного политуправления Министерства обороны СССР (ГПУМО). С 1954 по 1961 год – начальник бюро писем секретариата начальника ГПУМО. Ушѐл в отставку в звании полковника, в последующие годы работал редактором «Учпедгиза», старшим редактором издательства «Просвещение». Умер в Москве в 1976 году.

Иван Александрович Петрушин родился в 1914 году в деревне Меркульево Брянского уезда Орловской губернии. Рано начал писать стихи, зарисовки, очерки. В конце 1930-х годов работал в редакции «Орловской правды». Когда в 1938 году Орловское издательство выпустило первый областной литературно-художественный сборник «Юность», в нѐм было опубликовано стихотворение Ивана Петрушина «Братья», в следующем году вышел в свет его поэтический сборник «Потомки Прометея». Вот одно из стихотворений – «Строители»:

Вставая с постели рано
И поздно идя ко сну,
Мы на лебѐдках и кранах
Поднимаем свою страну

Строители нашей жизни
Видим мы – каждый час
Могучая мать-отчизна
Сама поднимает нас.

Ещѐ до выхода из печати своей первой книги Иван Петрушин был призван в Красную Армию. Служил заместителем политрука, часто присылал стихи в «Орловскую правду». Даже когда началась Великая Отечественная война, поэтические строки И.А. Петрушина с линии фронта время от времени появлялись на страницах этой газеты. Вскоре он вернулся к своей основной профессии – стал военным журналистом. Был ответственным секретарѐм газеты «Патриот Родины», издававшейся в 120-й гвардейской стрелковой дивизии. Гвардейцы героически сражались за освобождение Белоруссии, все полки дивизии после взятия Белостока получили почѐтное наименование «белостокских». А спустя всего две недели после этой победы, 25 августа 1944 года, капитан Иван Петрушин погиб. В его военных документах было отмечено, что жена Екатерина Петровна жила в Бежице на улице Коммунальной, дом 11… [6].

В «Песне военных корреспондентов» Константина Симонова есть такие строки: **«А не доживѐм, мой дорогой, кто-нибудь услышит, снимет и напишет, кто-нибудь помянет нас с тобой!» Будем надеяться, что имена журналистов, прошедших дорогами великой войны, ещѐ надолго сохранятся в памяти потомков.**

Источники

1. Личное дело И.В. Гаврилова // Государственный архив Орловской области. Ф. П-52. Оп. 11. Д. 538.
2. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 11458. Ед. хр 163. – Режим доступа: http://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3145596.
3. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр 36. – Режим доступа: http://www.podvignaroda.ru/?n=19846833.
4. Архивная справка Российского государственного архива социально-политической истории № 364 от 24.04.2008 г.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 1769. – Режим доступа: http://www.podvignaroda.ru/?n=17410773; ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 1609. – Режим доступа: http://www.podvignaroda.ru/?n=32207709
6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563785. Ед. хр. 6. – Режим доступа: http://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74402451.

А. В. Кукатов,
историк-краевед (г. Брянск)

О формировании Орджоникидзеградского пехотного училища в 1940 году

В связи с «чисткой» Красной Армии в 1937 – 1938 годах и возникшим в связи с этой чисткой дефицитом командных кадров увеличивалось количество военно-учебных заведений в СССР. Способствовал этому увеличению и рост общей численности РККА, связанный с началом Второй мировой войны.

По этим причинам в 1939-1940 гг. в СССР был сформирован целый ряд новых военно-учебных заведений. На основании документов, хранящихся в Российском Государственном Военном Архиве (РГВА), представляется уместным описать процесс формирования одного из таких заведений – Орджоникидзеградского пехотного училища.

В связи с тем, что впоследствии данное училище было преобразовано в автомобильно-мотоциклетное училище, а затем в Рязанское высшее военное автомобильное училище и функционировало до 2010 года, выпускники училища, интересовавшиеся историей его создания,

часто обращались к данной теме и называли датой создания училища январь 1940 года.

Однако здесь необходимо сделать уточнение: 31 декабря 1939 года в директиве Наркома обороны СССР №4/2/103007 Военному Совету Орловского военного округа (ОрВО) было предписано «расформировать 120 и 180 сд, а на базе этих дивизий и свободных жилищных фондов округа сформировать... Елецкое пехотное училище на фонде частей 180 сд по штату 19/10 численностью 1600», хотя в историческом формуляре училища датой данной директивы указано 2 января 1940 года [1].

И лишь только после этого было принято решение о формировании этого училища в городе Орджоникидзеграде Орловской области (ныне – Бежицкий район города Брянска). При этом в первоначальный период (до начала реального формирования училища) в документах округа оно продолжало именоваться Елецким пехотным. Так, временно исполнявший должность начальника штаба округа полковник Рясик (БС1) отмечал в своем приказе о передислокации учебных заведений округа, что «Елецкое пехотное училище – желательно именовать Орджоникидзеградское пехотное училище» [2]. И 25 февраля 1940 года начальник штаба округа комбриг Корнеев (БС2) и военком штаба округа полковой комиссар Михайлов подписали, а командующий ОрВО командарм 2 ранга Ефремов (БС3) и член Военного Совета округа корпусной комиссар Семеновский (БС4) утвердили дислокацию войск ОрВО на летний период 1940 года, где определили летним лагерем Орджоникидзеградского пехотного училища район Курска [3].

Этот документ был подписан еще до официальной директивы Военного Совета ОрВО №007523 от 4 марта 1940 года, в которой предписывалось сформировать училище [4].

А 11 марта 1940 года в официальную дислокацию военных училищ округа официально было добавлено Орджоникидзеградское пехотное училище [5].

Самым ценным и подробным источником о начальном этапе формирования Орджоникидзеградского пехотного училища является донесение «О предварительных итогах комплектования и о состоянии Орджоникидзеградского пехотного училища», которое 5 апреля 1940 года направил временно исполняющий должность комиссара училища начальник политотдела батальонный комиссар Игнатов в адрес начальника Политуправления РККА армейского комиссара 1 ранга Мехлиса (БС5), начальника политуправления ОрВО бригадного ко-

миссара Пигурнова (БС6) и начальника отдела инспекции ВУЗов комкора Смирнова (БС7).

Именно в этом донесении четко зафиксирована дата начала формирования училища – 15 марта 1940 года. Здесь же мы обнаруживаем дату и документ, которые, очевидно, предопределили передислокацию училища из Ельца в Орджоникидзеград: «По постановлению Совнаркома СССР от 29 февраля 1940 г. для размещения училища передано 3 здания: школа №12 (3 этажная), здание охраны завода «Красный Профинтерн» (3 этажное) и клуб Сталелитейного завода, представляющий из себя барак на подпорках» [6].

Проблемы с формированием училища начались уже в момент передачи помещений училищу: «Несмотря на то, что кандидаты в училище начали прибывать с 15 марта, здание заводской охраны было передано только 25 марта. Это создало тяжелую обстановку в смысле размещения поступающих курсантов и своевременной подготовки пищевого блока» [7].

И связано это было, по мнению батальонного комиссара Игнатова, еще и с позицией городских властей: «Первый период времени происходили очень длительные переговоры с местными органами. Секретарь ГК ВКП(б) тов. Котельников и Председатель Горсовета тов. Батуров, несмотря на Постановление Совнаркома СССР, о котором их известил Орловский облисполком, пытались пересмотреть вопрос о возможности размещения училища. Первый вопрос, заданный секретарем Горкома тов. Котельниковым, был: «Почему в Орджоникидзеграде размещать военное училище, почему не в каком-либо другом городе?» Мотивируя тем, что Орджоникидзеград имеет исключительно рабочее население, что никаких особняков «бывших людей» город не имеет и помещений для училища не имеется» [8].

Затем к трудностям размещения училища, с которыми столкнулся формировавший училище полковник Щеднов (БС8), добавились проблемы, которые стали возникать с прибытием курсантов на новое место: «В ходе комплектования училища целый ряд военкоматов и частей подошли недобросовестно к подбору кандидатов. Особенно формально, по казенному подошли к этому вопросу военкоматы ПриВО, такие как ...Чкаловский ...Сталинский и Сормовские военкоматы, направлявшие кандидатов без всякой разъяснительной работы на месте и без всякого отбора лучших, в результате чего многие кандидаты не подходили по возрасту, по грамотности, по состоянию здоровья. Часть кандидатов не желали учиться в военном училище и требовали отправления обратно. Из Хвалынского РВК Саратовской

области ПриВО 8 чел. были присланы не желающие учиться. Причем они были направлены в гор. Орджоникидзе. Приехав в город Вольск, в местном военкомате разобрались, что они должны ехать не в город Орджоникидзе, а в Орджоникидзеград, в результате чего эта группа ехала 7 суток вместо 3-х» [9].

Также военкоматы не извещали направлявшихся курсантов о том, что они едут в военное училище, информируя о том, что они будут проходить 3-х месячный сбор. Возникали проблемы и с курсантами, направлявшимися на учебу из воинских соединений: «824 сп Новохоперск направлял большинство кандидатов с явно недостаточной грамотностью». 5 прибывших кандидатов из 855 сп (гор. Моршанск ОрВО) были откомандированы: 1 по нежеланию, 1 по судимости, трое по справке НКВД [10].

С другой стороны, в училище были направлены красноармейцы, участвовавшие в только что закончившейся советско-финской войне: «...к 1 мая ...выступало на собраниях рабочих 58 курсантов. Из них 21 человек – участники боев с белофиннами» [11].

И, тем не менее, несмотря на трудности, к 3 апреля 1940 года в училище был принят 1431 курсант. Из командно-начальствующего состава прибыло старшего и среднего 113 человек, младшего 84 человека, обслуживающие подразделения красноармейцев – 167 человек. Всего в училище числилось – 1795 человек [12].

4 курсантских батальона размещались: 2 батальона в здании бывшей охраны завода и 2 батальона в здании школы № 12. «При двухъярусном размещении коек и то и другое помещение заняты полностью под общежитие курсантов» [13]. Данные сведения докладной записки подтверждаются свидетельством бывшего курсанта училища Лебедева Е.П. [14].

Безусловно, размещение такого большого количества людей в столь ограниченный промежуток времени в неприспособленных для этого помещениях предопределило проблемы, с которыми столкнулось училище с самого начала своей деятельности.

Эти вопросы ставил в своем донесении батальонный комиссар Игнатов.

В первую очередь он доносил о затруднениях в организации питания как курсантов, красноармейцев, так и командного состава училища: «До сих пор отсутствует свой пищевой блок. Все питание курсантов происходит в городской столовой Фабрики-Кухни. Пропускная способность совершенно неудовлетворительна. Чтобы всю массу курсантов пропустить три раза в день, приходится начинать завтрак с

7 часов утра и беспрерывно в течение всего дня до часу ночи идет питание курсантов очередями по 200 человек. Командованием училища ускоренным темпом готовится пищеблок в здании бывш. заводской охраны, который может пропустить до 1000 чел. Этот пищевой блок сможет начать свою работу 7-го апреля. Это несколько разрядит создавшуюся обстановку. В то же время нами предпринято строительство второго пищевого блока для второй половины курсантов, размещенных в бывш. школе №12...

Питание начсостава до сих пор не организовано. Единственная столовая в городе при Фабрике-Кухне не имеет достаточных фондов на продукты и готовит для начсостава безвкусные и непитательные блюда и очень часто второе блюдо совершенно не подается. Начсостав, не имея других возможностей, часто буквально голодает... Только 3 апреля было заседание Президиума Горсовета, на котором было решено передать одно помещение под магазин, а для подыскания помещения под столовую Горсовет ограничился выделением особой комиссии» [15].

Нужно отметить, что планы по строительству второго пищевого блока так и не были реализованы, так как, согласно воспоминаний курсанта Лебедева Е.П., который обучался в училище в 1941 году и участвовал в эвакуации учебного заведения: «Каждый день мы ходили питаться в Фабрику-Кухню в центр Бежицы» [16].

Размещение и организация проживания такого большого количества курсантов, красноармейцев и лиц командно-начальствующего состава также не могло быть решено беспроблемно в условиях того времени. Автор донесения фиксирует: «Кроватей имеется только 1000 штук. Остальные курсанты спят на полу. Вследствие скученности людей, несмотря на мытье в бане и пропуск через санпропускник, все же имеются отдельные случаи вшивости. Постельное белье еще полностью не получено. Имеется по 2 простыни на курсанта. Бачков для кипяченой воды не имеется. Курсанты пьют сырую и к тому же недоброкачественную воду... Особенно тяжелым остается положение с размещением командно-начальствующего состава и его питанием. Прибывший и прибывающий начсостав размещается в одной комнате-классе. Горсовет отказывает что-либо сделать в отношении предоставления квартир, мотивируя отсутствием свободной жи-

лой площади. Командиры одиночки и семейные ходят по городу и ищут сами квартиры» [17].

Помимо бытовых вопросов справедливое недоумение батальонного комиссара Игнатова вызывали проблемы, связанные с невозможностью организовать учебный процесс в училище: «Наряды на оружие и артимущество имеются, но ничего не получено, так как негде размещать. Конским составом училище не обеспечено из-за отсутствия конюшен. До сих пор не сделаны пирамиды для винтовок... Учебного корпуса нет. Не создано ни одного кабинета. Учебный год начинаем с 15 апреля, но помещения для занятий отсутствуют» [18].

Такие условия, конечно, сказались впоследствии на качестве обучения и проверка огневой подготовки показала плохие результаты. И в конце 1940 года помощник командующего войсками по вузам генерал-майор Кругляков (БС9) по результатам инспекторской проверки отмечал: «Программа пройдена полностью и за учебный год усвоена курсантами на посредственно... Недостатком в обучении ...является плохая отработка техники приемов из всех видов положенного оружия. Учебные пункты не оборудованы. Отмечаю низкую требовательность начальствующего состава всех степеней ...Учебная дисциплина и требовательность низкие... Занятия материально не обеспечены» [19].

Тем не менее, даже при таких условиях училище заняло второе место среди трех пехотных училищ ОрВО, опередив Орловское и уступив Тамбовскому Краснознаменному имени Ашенбреннера училищу [20].

И, конечно, исполняющий должность комиссара училища не мог в своем донесении не затронуть вопросов политической подготовки курсантов: «Клуба, ленинской комнаты ни в одной роте нет. В настоящее время проводим организационное оформление партийных и комсомольских организаций, но все собрания приходится проводить в самих общежитиях. Часть политпросветимущества уже поступило, но типография, присланная из округа еще не работает, так как печатная машина «Американка» требует большого ремонта, а на месте никаких условий к этому не имеется. Художественной литературы совершенно нет. Лимиты на газеты и журналы крайне ограничены. Учебников по истории ВКП(б) не имеется. Уставы и наставления высланы тоже в ограниченном количестве» [21].

Также интересной представляется характеристика, данная комиссаром настроениям среди набранных: «Настроение курсантов в основном хорошее, вся курсантская масса со всей серьезностью

включилась в учебу, которая проходит по предварительно составленному плану до начала общей плановой учебы по программе училища. Отрицательным в настроении курсантов является законное недовольство неорганизованностью питания и среди некоторой части курсантов имеется желание уйти из училища. Последнее вызвано тем обстоятельством, что часть курсантов принималась в училище с одногодичным сроком обучения, а впоследствии согласно полученных указаний эти курсанты будут обучаться также 2 года как и остальные, поэтому поступают ряд заявлений об отчислении. Среди этой части курсантов проведено необходимое разъяснение и ряд заявлений этими курсантами отбираются обратно изъявивши желание остаться учиться» [22].

Заканчивается донесение Игнатова просьбой к Политуправлению ОрВО оказать содействие в решении вопросов, затруднявших жизнедеятельность училища.

Необходимо отметить, что донесение комиссара датировано 5 апреля 1940 года, а в историческом формуляре училища зафиксировано, что его «формирование было закончено 11.4.1940 г. и с 15.4.1940 училище приступило к нормальным занятиям» [23].
Итак, с апреля 1940 года начались трудовые будни Орджоникидзеградского пехотного училища. Как военным нужно было привыкнуть к городу, так и городу нужно было привыкнуть к военным.

Недаром, как отмечалось ранее, руководство города без оптимизма отнеслось к идее размещения училища в Орджоникидзеграде. Несколько ситуаций, возникших уже вскоре отразили изменившуюся обстановку в городе.

Так, 5 апреля 1940 года погиб под колесами грузового автомобиля курсант Трестьян: «Грузовая машина врезалась в строй проходивший мостовую и направлявшийся в казарму колонной по два 5 роты 2 батальона. Меры приняты. Шофер милицией арестован. Ведется следствие. Направляющий переходившего мостовую подразделения предупредил шофера поднятием руки. Машина не остановилась и шла левой стороной дороги... Предупреждены местные органы власти и милиция о необходимости проведения разъяснительной работы с шоферами и о решительной борьбе с лихачеством» [24]. Очевидно, что необходимость перемещаться для приема пищи 3 раза в день через весь город курсантам двух батальонов создала огромный новый военный траффик на улицах Орджоникидзеграда и к этим новым обстоятельствам нужно было привыкнуть местным шоферам. К сожалению, как видим, не обошлось без человеческих жертв.

Пара следующих примеров иллюстрирует дополнительные сложности, которые возникали у вновь созданного училища с местным населением.

В ноябре 1940 года «в результате преступно-халатного отношения со стороны командного состава руководившими занятиями неиспользованные и неразорвавшиеся гранаты, после занятий не были подорваны, а брошены в реку в районе занятий, откуда были выловлены детями граждан, что привело к несчастным случаям среди гражданского населения» [25].

До этого, в сентябре 1940 года начальник отдела политической пропаганды училища полковой комиссар Волик сообщал об инциденте с красноармейцем хозяйственной роты Бородавко, который «сделал самовольную отлучку с вольнонаемными и в момент когда Бородавко шел в кино сапожником Тарасовым красноармейцу Бородавко была нанесена ножевая глубокая рана после чего Бородавко был направлен в Курский госпиталь, вольнонаемный сапожник Тарасов который нанес ранение взят под стражу органами НКВД» [26].

Дисциплина в хозяйственной роте вообще оставляла желать лучшего, и в конце концов ее постоянные нарушения привели к трагическому результату: «17 ноября 1940 года красноармеец хозроты Тишин будучи уволенным в городской отпуск в 23-30 был обнаружен лежащим на линии железной дороги ст. Орджоникидзеград с отрезанным поездом ногами. Тишин был доставлен скорой помощью в больницу, где он после произведенной операции умер. Произведенным расследованием и вскрытием трупа установлено, что тов. Тишин был в нетрезвом состоянии и шел по путям линии жел. дороги, в результате чего и попал под поезд. ...грубое нарушение элементарных правил, хождения через линию железной дороги плюс к тому выпивка – привели бойца Тишина к нелепой смерти...» [27].

Нарушения в среде красноармейцев, конечно, негативно влияли и на курсантов. Тем более что в их среде тоже случались конфликты и спорные ситуации, результатом которых становилось неуставное выяснение отношений: «...в патроннике винтовки обнаружена анонимная записка с угрозой по адресу командира отделения. Содержание ее следующее: «Если не уйдешь с должности командира отделения – заколю штыком нечаянно, хотя и пойду за это куда следует, но другие освободятся от тебя. Второе предупреждение для ускорения в случае замедления. Третье предупреждение +». Подозрение написавшего анонимку падает на курсанта Косцова. Материал направлен уполномоченному ОО» [28].

Конечно, трудно было ожидать требовательности от командиров по вопросам дисциплины по нескольким причинам. Во-первых, командиров элементарно не хватало. В том же самом донесении Игнатова отмечалось, что «из командного состава прибыли главным образом лейтенанты – командиры взводов, недавно окончившие училища. Командиров рот, за исключением одного нет. Политруков рот – то же самое. Отсутствие этого звена создает трудности в деле укрепления воинской дисциплины и четкой организации внутренней жизни подразделения» [29]. Во-вторых, само качество командного состава оставляло желать лучшего. Когда знакомишься с поступками некоторых офицеров, становится понятно, что повышать дисциплину у подчиненных им было сложно по той простой причине, что их собственная дисциплина была не на высоте.

Так, в нескольких скандальных эпизодах был замешан лейтенант училища Мардасов. Вначале он в городском Дворце Культуры «оскорблял зав. буфетом Блинова, разбил с буфета 4 пивных кружки и угрожал перебить всю посуду, вел себя вызывающе и никому не подчинялся» [30]. А затем в городском ресторане вместе с другим лейтенантом училища Иванчиковым Мардасов «устроил в ресторане скандал с вольными гражданами и как говорит постовой милиционер Иванчиков вынимал из кобуры пистолет грозил последним» [31].

Другой офицер, командир курсантской роты старший лейтенант Сергеев «с оружием уехал на квартиру к жене ст. Полужье, где и выпил со своими родственниками. Сергеев во время выпивки попросил родственника принести ему его пистолет, т.к. он был спрятан в другой комнате. При передаче пистолета произошел выстрел, которым был ранен ст. лейтенант Сергеев (прострелил ухо и задел кожу виска), а также ранил сидящую женщину» [32].

Таким образом, неудивительно, что к моменту выпуска из училища, который из-за изменяющейся международной обстановки стал ускоренным (вместо 2 лет курсанты обучались 1 год) из 1431 набранного курсанта было выпущено 794 (по другим данным 800) лейтенанта.

Известен полный список первого и единственного выпуска Орджоникидзеградского военного пехотного училища (весной 1941 года оно было преобразовано в автомобильно-мотоциклетное училище) [33]. Конечно, укороченный срок обучения (1 год вместо двух) и отсутствие условий для качественной учебы (бытовые трудности, некомплект офицерско-преподавательских кадров и др.) отразились на качестве выпуска. Однако большинство лейтенантов первого и един-

ственного выпуска попали в войска Западных округов и приняли участие в первых же битвах 1941 года. Многие из них погибли, многие выжили и сделали карьеру в Красной Армии. И, безусловно, полезно было бы изучить подробнее историю училища, в котором они стали офицерами – Орджоникидзеградского пехотного училища.

1.http://www.rkka.ru/handbook/doc/dnko-311239-orvo.htm РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.1, Л.1.
2. РГВА, Ф.25887, Оп.2, Д.73, Л.105.
3. Там же, Л.33.
4. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.1, Л.1.
5. РГВА, Ф.25887, Оп.2, Д.73, Л.28.
6. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.7, Л.4.
7. Там же.
8. Там же, Л.4-5.
9. Там же, Л.5-6.
10. Там же, Л.6.
11. Там же, Л.25.
12. Там же, Л.6.
13. Там же, Л.6-7.
14. Штоппер С., Кукатов А. Нелегальный Брянск 1941-1943, Брянск, 2014, стр.38-39.
15. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.7, Л.7-9.
16.ЛАА, Беседа с выпускником ОВАМУ 1941 года Воробьевым Е.П. 11.03.2013 года, Л.1.
17. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.7, Л.7-8.
18. Там же.
19. Ф.25887, Оп.2, Д.2, Л.133, 186-188.
20. Там же, Л.133.
21. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.7, Л.8.
22. Там же, Л.9.
23. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.1, Л.1.
24. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.7, Л.2.
25. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.5, Л.10.
26. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.12, Л.62.
27. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.5, Л.19.
28. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.12, Л.71.
29. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.7, Л.6.
30. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.5, Л.17.
31. Там же, Л.23.

32. РГВА, Ф.35519, Оп.1, Д.12, Л.81.
33. http://voenspez.ru/index.php?PHPSESSID=5n5d0rdut7o0rs3i94g43ojfcmtscvs8&topic=8752.0

Биографические справки (БС):

БС1

Рясик Иван Тихонович (1901 (1903?)-1941), полковник, заместитель начальника штаба Орловского военного округа, с началом войны – начальник оперативного отдела, заместитель начальника штаба 20-й Армии. Пропал без вести 13 июля 1941 года под Оршей.

БС2

Корнеев Андрей Дмитриевич (1900-1941), генерал-майор, начальник штаба Орловского военного округа (1938-1941), с началом войны – начальник штаба 20 Армии. Согласно записи в Журнале боевых действий Резервного фронта, 28 июня 1941 года «в результате провокационной паники и стрельбы своей же охраной убит начштарм 20 генерал-майор Корнеев».

БС3

Ефремов Михаил Григорьевич (1897-1942), генерал-лейтенант, командующий Орловским военным округом (1938-1940), с началом войны командующий 21-й Армией, войсками Центрального фронта, зам. командующего Брянским фронтом, командующий 10, 33 Армиями. Погиб в апреле 1942 года.

БС4

Семеновский Федор Алексеевич (1901-1941), корпусной комиссар, член Военного Совета Орловского военного округа (1939-1941), с началом войны член Военного Совета 20-й Армии. Попал в плен 24 октября 1941 года. Расстрелян как комиссар.

БС5

Мехлис Лев Захарович (1889-1953), генерал-полковник, начальник Главного Политуправления РККА (1937-1940, 1941), с началом войны представитель Ставки на Крымском фронте, член военных советов ряда армий и фронтов.

БС6

Пигурнов Афанасий Петрович (1903-1972), дивизионный комиссар, начальник Политуправления Орловского военного округа, с началом войны начальник политуправления Брянского фронта, затем в политуправлениях и военных советах ряда фронтов. Умер в 1972 году.

БС7

Смирнов Илья Корнилович (1887-1964), генерал-лейтенант, начальник управления ВУЗов РККА (1940-1941), во время войны заместитель командующего по тылу, заместитель командующего, командующий ряда армий и фронтов. Умер в 1964 году.

БС8

Щеднов Павел Александрович (1897-1950) Национальность: русский. Полковник, зам. командира 266-й стрелковой Артемовской Кр. дивизии.

Партийность: член ВКП(б) с 1919 года. Участие в боевых действиях: гражданская война с 1917 по 1922 г. На фронтах ВОВ с 04.1944 г. Награды: «Медаль XX лет РККА», Орден Отечественной войны I степени.

Родился 16 февраля 1897 года в деревне Чабышево Миленковского района Ивановской области в семье рабочего винокуренного завода. Отец умер в 1905 году. Мать работала кухаркой, а два старших брата были рабочими. В связи с тяжелым положением семьи Павел проучился в сельской школе всего 3 месяца. С 9 лет был вынужден пойти работать пастухом, а в 14 лет уехал на заработки в Москву. Вначале работал учеником, а впоследствии рабочим-обойщиком и полировщиком мебели у подрядчика Филипкова.

В мае 1916 года был призван в Российскую императорскую армию. До октября служил в 4-м Мариупольском гусарском полку.

После Октябрьской революции в декабре 1917 года добровольно вступил в кавалерийский отряд Красной гвардии при Воронежском Губернском военкомате. Как военнослужащий, имеющий опыт военной службы, был назначен командиром взвода.

В 1918 году при формировании частей РККА в составе кавалерийского отряда добровольно вступил в отдельный Московский кавалерийский дивизион. С 1918 по 1922 год в должности командира взвода принимал участие в боях против войск Краснова, Деникина, Врангеля и Махно.

В 1919 году был принят в ряды РКП (б).

В 1923-1924 годах повторно окончил окружные командные курсы. В 1925-1926 годах – помощник командира эскадрона 59-го кавалерийского полка 10-й кавалерийской дивизии в городе Тамбове. В целях повышения квалификации в 1926 году был направлен на учебу в объединенную Киевскую кавалерийскую школу. После еѐ окончания в 1928 году назначен курсовым командиром (командиром учебного эскадрона) в Тамбовскую кавалерийскую школу, где в 1934 году был

избран ответственным секретарем партийной организации школы. С 1935 года продолжил службу в должности помощника командира отдельного разведывательного дивизиона 55-й стрелковой дивизии. В 1937-1938 годах – слушатель разведывательных курсов командного состава при разведывательном управлении Генерального штаба Красной Армии, после окончания которых был назначен помощником командира 11-й кавалерийской дивизии с присвоением персонального воинского звания полковника.

В 1938 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Павел Александрович награжден орденом Красного Знамени и медалью «20 лет РККА».

В феврале 1940 года Приказом НКО СССР назначен помощником, а затем заместителем начальника Орджоникидзеградского пехотного училища. В период его формирования исполнял обязанности начальника училища до прибытия полковника А.Н. Нечаева.

В должности заместителя начальника училища находился до февраля 1944 года. В этот период он принимал самое активное и непосредственное участие в реорганизации училища из пехотного в автомобильно-мотоциклетное, в его становлении и развитии в нем учебно-воспитательной работы, в передислокации училища на восток из Орджоникидзеграда в Острогожск, далее – в Минусинск, а в последующем вновь на запад – в г. Рязань. Являлся одним из основных организаторов подготовки командных кадров автомобильной специализации по сокращенным программам в сложнейших условиях военного времени.

В марте 1944 года добивается отправки на фронт и назначается заместителем командира 266-й стрелковой Артемовской краснознаменной ордена Суворова дивизии, которая вела активные наступательные действия в составе дивизии 3-го, а позднее 1-го Украинского фронта при освобождении Правобережной Украины от немецко-фашистских оккупантов.

В боевой характеристике, данной командиром дивизии Павлу Александровичу, говорится: «Товарищ Щеднов дисциплинированный, тактически подготовлен достаточно. В обстановке разбирается и ориентируется быстро. В решениях принципиален, принятые решения доводит до конца. Организовать неприступную оборону на участке дивизии умеет. Грамотно руководил наступательными операциями частей дивизии, а также организовывал взаимодействие с другими родами войск. Политически грамотен, идеологически выдержан, смел, решителен, энергичен, обладает высокими волевыми качества-

ми. Методикой обучения и организаторскими способностями обладает».
За умелое исполнение обязанностей заместителя командира дивизии и боевые отличия полковник П.А. Щеднов был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени.
В связи с ухудшением здоровья в апреле 1945 года был назначен начальником отдела боевой подготовки 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. В мае 1945 года был награжден орденом Кутузова II степени.
После Победы в Великой Отечественной войне полковник П.А. Щеднов находится в распоряжении командующего и Военного Совета оккупационной группы войск и выполняет служебные задания в комендатуре г. Берлина.
В июне 1945 года тяжелая болезнь уложила Павла Александровича на больничную койку, а 15 января 1946 года он был уволен из Вооруженных Сил в отставку по болезни.
В семье Павла Александровича родилось двое детей: сын Юрий в 1932 году и дочь Клара в 1937 году. Умер полковник Щеднов Павел Александрович 23 сентября 1950 года и похоронен в городе Рязани на Лазаревском кладбище. Немногочисленные родственники Павла Александровича проживают в Рязани.
Архивные реквизиты: ЦАМО, Ф.33, Оп. 690155, ед. хр. 1609, номер записи в базе данных: 32207911, Общедоступный электронный банк документов 'Подвиг народа', Рязанский военный автомобильный институт: Люди. События.Факты, http://voenspez.ru/index.php?topic=20581.0

БС9

Кругляков Тимофей Петрович (1890-1966), генерал-майор, помощник командующего Орловского военного округа по ВУЗам (1940-1941), с началом войны занимал ряд должностей в управлении войсками ПВО, был заместителем командующего армиями, командиром корпусов. Умер в 1966 году.

Приложение:

Именной список командно-начальствующего состава Орджоникидзеградского пехотного училища
10 декабря 1940 года

Начальник училища полковник Нечаев Алек. Николаевич
Зам. нач. училища полковник Щеднов Павел Александрович

Зам. нач. училища по полит части полковой комиссар Волик Ефим Илларионович
Зам. нач. по МТО интендант 2 ранга Галибин Иван Григорьевич
Нач. учебного отдела майор Смирнов Николай Васильевич
Зам. нач. уч. отд. майор Вихров Евгений Васильевич
Зам. нач. уч. отд. капитан Архипов Аркадий Афанасьевич
Преподаватель артиллерии полковник Дюков Павел Алексеевич
Нач. строевого отдела майор Трембицкий Алекс. Ив.
Командир 1 батальона полковник Лыков Иван Иванович
Зам. командира батальона по политчасти старший политрук Соломенцев Сергей Васильевич
Командир 2 батальона майор Сушко Алексей Алекс.
Командир 3 батальона майор Буйнов Михаил Ник.

РГВА, Ф. 25887, Оп. 2, Д. 135, Л. 36

А. В. Кукатов,
историк-краевед (г. Брянск)

Образование Брянской области РСФСР в 1944 году: причины и этапы реализации решения

В 2014 году 8 российских областей отметили 70-летие со дня своего образования. Еще 4 области праздновали такой юбилей в году 2013. Всего же в 1943-1944 гг. было образовано 14 новых областей РСФСР (Грозненская и Великолукская области позднее были упразднены), 3 новых области БССР (плюс переименованная из Вилейской в Молодечненскую область), Херсонская область УССР, 2 новых области в Казахстане и по одной в Киргизии, Туркмении, Узбекистане и Таджикистане.

Помимо этого 14 октября 1944 года к СССР была присоединена Тувинская народная республика и включена в состав РСФСР как автономная область. Кроме того, в РСФСР были ликвидированы одна автономная социалистическая республика и одна автономная область, еще одна автономная социалистическая республика была переименована.

Чем объяснить такое количество преобразований административно-территориальных единиц (АТЕ)? Просто «административный зуд» в качестве объяснения вряд ли подойдет, так как очевидно, что

во время войны реализуются существенно важные для страны организационные мероприятия.

Исследователи, специализировавшиеся на изучении изменений административно-территориального деления, отмечают, что в 1943 году началась вторая фаза процесса «разукрупнения «больших» областей и краев, возникших в 1920-е годы, в «малые»» [1]. Этот процесс «был завершен перед войной (не до конца была раскассирована лишь Ленинградская). Однако некоторые вновь выделенные «малые» области в ряде регионов тем не менее имели большие размеры и ими трудно было управлять. Поэтому во второй половине войны прошла еще одна волна размельчения этих не до конца «удобоваримых» областей» [2].

Конечно, нужно иметь в виду, что в каждом конкретном случае на принятие решения влияли и другие обстоятельства.

Так, в конце января – феврале 1943 года были созданы Ульяновская, Кемеровская и Курганская области РСФСР, а также Кашкадарьинская область Узбекской ССР. Помимо задачи разукрупнения Куйбышевской, Новосибирской и Челябинской областей при создании данных АТЕ, безусловно, сыграл роль фактор эвакуации населения промышленных предприятий из центра страны в регионы: Поволжье, Урал, Сибирь и Среднюю Азию. Как представляется, для улучшения управляемости территориями, которые стали в большей степени значимыми с экономической точки зрения, и были созданы новые АТЕ зимой 1943 года.

Следующая волна преобразований датируется осенью 1943 – весной 1944 года. Это были преобразования карательного характера, не имевшие ничего общего с процессом «разукрупнения» регионов. Эти изменения сопровождались «ликвидацией ряда автономий тех народов, которые аппаратом высшей государственной власти были признаны нелояльными (эти народы были депортированы в Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь, а территории их автономий разделялись между соседними русскими областями и лояльными автономиями)» [3].

Так, 12 октября 1943 года была ликвидирована Карачаевская автономная область, ее территории отошли к Грузии и Ставропольскому краю, а уже 2 ноября 1943 года карачаевский народ был подвергнут депортации в отдаленные районы Казахстана и Киргизии.

Затем 27 декабря 1943 года подобная операция была проведена уже не с автономной областью, а с автономной республикой – Калмыцкая АССР была ликвидирована, ее территория была поделена

между Ростовской, Сталинградской областями, Ставропольским краем, а также на части территории Калмыцкой АССР была образована новая Астраханская область, в которую также вошла часть территории Сталинградской области. Как и в случае с карачаевцами административные преобразования сопровождались карательной акцией – депортацией калмыцкого народа в восточные районы РСФСР.

7 марта 1944 года пришла очередь следующих народов, обвиненных в нелояльности. В этот день была ликвидирована Чечено-Ингушская АССР, ее территорию поделили между Грузинской ССР, Северо-Осетинской и Дагестанской АССР и Ставропольским краем. На оставшейся территории 22 марта 1944 года была образована Грозненская область РСФСР с прирезкой к ней некоторых земель Ставропольского края. В этом случае депортация чеченцев и ингушей в районы Казахстана проводилась в конце февраля – начале марта 1944 года и предшествовала решению о ликвидации АТЕ.

Наконец, 8 апреля 1944 года Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую АССР в связи с депортацией балкарского народа в Среднюю Азию, которая была проведена 8 марта 1944 года. При этом юго-западные районы республики были переданы Грузинской ССР.

В основном высылки депортированных народов производились в республики Средней Азии, в основном Казахстан. Возможно, образование 16 марта 1944 года Кокчетавской и Талды-Курганской областей Казахской ССР связано именно с этим обстоятельством.

Также стоит отметить один случай, когда депортация не привела к немедленному изменению статуса территории. Высылка в мае-июне 1944 года из Крымской АССР в составе РСФСР крымских татар, а также армян, болгар и греков привела к ликвидации автономной республики и созданию на ее месте Крымской области РСФСР только в 1946 году. Скорее всего, это было обусловлено внешнеполитическими факторами, в частности важностью отношений между союзниками и Турцией во время войны.

Однако одно преобразование АТЕ этого периода выбивается из общей «карательной» канвы. Интересно, что в то время как на территории РСФСР и БССР изменения АТЕ во время войны производились очень активно, на территории Украины зафиксирован только один случай создания новой области. 30 марта 1944 года была образована Херсонская область УССР. Да и та была основана... по ошибке. «13 марта 1944 года, в день освобождения города войсками Советской Армии от немецко-фашистских оккупантов, диктор Всесоюзного ра-

дио Юрий Левитан зачитал оперативную сводку Советского Информбюро. В ней Херсон был отмечен как областной центр, что не соответствовало истине. Об этом узнал Сталин и, чтобы это сообщение не стало дезинформацией, сказал приблизительно так: «Говорите, нет Херсонской области? Значит будет». Слово вождя – закон. Руководство УССР, вооружившись «ножницами», быстренько отрезало 13 районов от Николаевской области и 6 – от Запорожской. «Сплав» этих районов был обведен красным карандашом и наречен Херсонской областью. Все это произошло в течение полутора недель. А уже 30 марта 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Херсонской области в составе Украинской ССР» [4]. Удивительным образом эта история перекликается с таким же переименованием на основе сводки Совинформбюро города Орджоникидзеграда в Бежицу. Официальное переименование состоялось уже после того, как на всю страну прозвучала информация об освобождении городов Брянска и Бежицы.

Наконец, июль-август 1944 года был ознаменован образованием 9 новых областей РСФСР и 3 новых областей БССР (плюс переименование Вилейской в Молодечненскую область). Каковы же были причины этого блока изменений административно-территориального деления страны?

Практически каждый из 12 примеров можно сопроводить иллюстрацией соответствия линии на «разукрупнение». Так, наконец-то была «раскассирована» Ленинградская область – последняя из крупных мегаобластей, созданных в 20-е годы. На ее территории теперь расположились земли трех новых областей – Псковской, Новгородской и Великолукской. Также можно говорить об актуальности «разукрупнения» на примере новых сибирских областей: Тюменской, «размельчившей» огромную Омскую область и Томской, выделившейся из Новосибирской. Брянская и Калужская область «разукрупнили» Орловскую область, а Владимирская и Костромская – Ивановскую с Горьковской.

Однако представляется, что в отдельных случаях существовали и некоторые дополнительные факторы. Так, образование Брянской, Калужской, Новгородской, Псковской, Великолукской областей наверняка было связано с необходимостью восстановления народного хозяйства этих областей, чрезвычайно пострадавшего во время военных действий и оккупации. То же самое можно сказать и о новосозданных Полоцкой, Гродненской и Бобруйской областях Белорусской ССР.

Отдельные исследователи выделяют еще одну возможную причину преобразований АТЕ летом 1944 года. Орловский ученый А.Ю. Саран формулирует эту причину так: «Обращает на себя внимание дата очередной реформы АТД. Летом 1944 года судьба войны была практически решена... Пришла пора подумать о послевоенном устройстве страны, естественно, что И.В. Сталин должен в первую очередь подумать о прочности собственной власти... Региональные элиты военного периода можно уже и укоротить, они свою задачу выполнили – фашистский враг изгнан, власть коммунистов восстановлена. Испытанный веками римский принцип «разделяй и властвуй» вновь используется...» [5]. Анализ назначений на посты первых секретарей новообразованных областей позволяет не согласиться с таким выводом исследователя. Во-первых, «региональные элиты военного периода» не очень-то и теряли от потери окраинных районов своих областей. А во-вторых, руководить новыми АТЕ назначались те самые представители «региональных элит». В Псковскую область был выброшен руководящий десант из Ленинградской области, первые секретари Орловского и Ивановского обкомов Матвеев и Пальцев, возглавив новообразованные Брянскую и Владимирскую область, соответственно перевезли с собой в Брянск и Владимир массу работников, знакомых им по работе в Орле и Иваново. Кроме того, обращает на себя внимание активное использование на руководящей работе недавних партизанских командиров: Матвеев (Брянская область) возглавлял Брянский штаб партизанского движения, Федоров (Херсонская область) был командиром знаменитого партизанского соединения, Калинин (Гродненская область) и Баранов (Бобруйская область) возглавляли партизанское движение в районах Белорусской ССР, Мазин (Кабардинская АССР) также возглавлял местный штаб партизанского движения. При этом все они были ответственными партработниками – представителями тех самых региональных элит. И новые назначения скорее усиливали их позиции, либо оставляли такими же, как прежде, но вряд ли ослабляли.

Среди версий, бытующих на предмет причин проведения преобразований АТЕ летом 1944 года, выделим еще одну. Официальный сайт Администрации Владимирской области говорит о том, что «вероятно, при принятии подобного решения сыграл определенную роль и поворот во внутренней политике СССР в сторону патриотизма и исторических традиций. Учреждение орденов в честь великих полководцев прошлого, погоны в армии и флоте, восстановление Патриаршества были в одном ряду с воссозданием области, центр которой на

протяжении нескольких веков считался столицей Владимиро-Суздальской Руси и Великого княжества Московского. Изменение воззрений Сталина по этим вопросам и стало решающим для рождения Владимирской области в 1944-м» [6]. Если добавить к Владимирской еще Псковскую, Новгородскую и Костромскую области, то, возможно, на самом деле получится разглядеть такую «патриотическую» версию создания некоторых новых областей. Однако представляется, что к середине 1944 года все знаки, сигнализирующие о корректировке отношения власти к своему прошлому, уже были сделаны. Причем в виде гораздо более «сигнальном» нежели образование «исторических» областей РСФСР.

Наконец, в октябре 1944 года присоединением к СССР Тувинской народной республики, которая была включена в состав РСФСР как автономная область был открыт блок создания новых АТЕ, присоединяемых к СССР по результатам Второй мировой войны. Позднее к ним добавятся Кенигсбергская (Калининградская), Южно-Сахалинская области РСФСР.

Таким видится перечень причин преобразований АТЕ в СССР в 1943-1944 гг. Теперь представляется возможным перейти к конкретным обстоятельствам образования одной из административно-территориальных единиц, созданных в то время – Брянской области РСФСР.

Краткая предыстория административной принадлежности Брянщины такова: «Районы, прилегающие к городу Брянску, издавна являлись пограничными. Здесь проходили рубежи вначале между Московским царством и Великим княжеством Литовским, а затем Речью Посполитой. Окончательно вошли в состав России данные территории только в XVI веке, но еще в период Смутного времени симпатии местных жителей к антимосковским силам были заметны и отмечались историками. В имперский период территории вокруг Брянска имели разную административную принадлежность: сам Брянск с 1709 по 1778 был городом Киевской губернии, а затем стал уездным городом Орловской губернии. После октябрьского переворота 1917 года город ненадолго стал центром Брянской губернии (1920-1929), а затем как город областного подчинения вошел в Западную область с центром в Смоленске. Наконец, в 1937 году в том же статусе (города областного подчинения) вошел в состав Орловской области... При этом территории к западу от Брянска, входящие сегодня в состав России, до 1919 года входили в состав Черниговской губернии. Но в 1919 году 4 северных уезда этой губернии вошли в состав Гомельской гу-

бернии РСФСР. А в течение 1923-1926 годов были переданы в состав Брянской губернии и далее разделили судьбу своего административного центра в части присоединения вначале к Западной, а затем и к Орловской областям» [7].

Необходимо отметить, что Западная область была той самой мега-административно-территориальной единицей, которую потом пришлось «разукрупнять». Российские исследователи, специально занимавшиеся реформой районирования (ее итогом стало укрупнение регионов в 20-е годы), так формулируют причины того, что начался обратный процесс «размельчения» регионов: «Допущенная при проведении реформы районирования децентрализация власти стала рассматриваться как претензия на автономию региональной элиты. В процессе централизации региональный механизм власти утратил гибкость в отношениях с центральными органами. Центр ощутил неадекватность реакции на свои запросы и требования и использовал Большой террор, чтобы раз и навсегда устранить угрозу для своего могущества... Сталинская модернизация, потребовав централизации, унификации и бюрократизации аппарата власти и управления, просто удушила российский регионализм» [8].

Однако «размельчение» в 1937 году проводилось не кардинальными методами: «Западная и Курская область были поделены таким образом, чтобы образовались 3 равновеликие области – Смоленская, Орловская и Курская» [9]. Правда, при этом надо помнить, что Курская область с 1934 года являлась уже продуктом деления огромной Центрально-Черноземной области, а вот Западная была самой настоящей первичной мега-областью, образца 20-х годов.

Безусловно, представляются существенными и обоснованными соображения современных исследователей о том, что «создание огромной Орловской области можно рассматривать как политическую плату сталинского руководства страны новой региональной элите за поддержку ликвидации старых региональных элит, которые стали представлять для И.В. Сталина потенциальную, а по некоторым сведениям, и актуальную опасность» [10].

Орловская область «в 1937 году по численности населения находилась на 4-5 месте среди АТЕ высшего уровня в составе Российской Федерации (всего их было 53). Таким образом, к началу Великой Отечественной войны Орловская область имела в своем составе 66 районов и 5 городов, не входивших в состав районов: Брянск, Елец, Клинцы, Орджоникидзеград (Бежица), Орел (всего же городов в области было 22), и 1264 сельсовета. Ее площадь в 1941 году соста-

вила 67,8 тыс. кв. км. В 107 областях и краях СССР в 1941 г. насчитывалось 4007 районов и 59 уездов (в Прибалтике), т.е. на одну АТЕ высшего уровня в среднем приходилось 38 АТЕ среднего уровня. На этом фоне Орловская область с ее 66 районами выглядит крупным образованием» [11].

«К декабрю 1941 года противником были захвачены 64 из 66 районов Орловской области, но уже в январе 1942 года Красная армия освободила 8 районов, а линия фронта разделила... других 7 районов Орловской области. Через год, в начале 1943 года разделенные районы вместе с еще тремя были очищены от оккупантов. А 25 сентября 1943 года уже все районы Орловской области были освобождены от неприятеля» [12].

Руководство Орловской области находилось в городе Ельце и одновременно возглавляло партизанскую борьбу на оккупированной территории Орловской области. Первый секретарь Орловского обкома ВКП(б) Александр Павлович Матвеев одновременно являлся начальником Брянского штаба партизанского движения. Природные особенности Орловской области предопределили тот факт, что партизанская борьба велась в основном в районе к югу и к северу от города Брянска, там, где располагались большие лесные массивы, облегчавшие партизанам ведение вооруженной борьбы с противником.

Итак, 17 сентября 1943 года был освобожден Брянск, а уже 19 сентября в Орле состоялся митинг-парад орловских партизан. И, по некоторым свидетельствам, уже на этом мероприятии шли разговоры о том, что в будущем будет создана Брянская область. М. Мирошин рассказывал: «Мы, руководители районов, знали, что готовится образование Брянской области после парада в Орле. Приветствовали это и ждали указа» [13]. Трудно сказать, насколько обоснованы были такие предположения на столь раннем этапе. К сожалению, в Брянском и Орловском архивах пока не удалось обнаружить инициативных документов, датированных до 5 июля 1944 года, которые обосновывали бы необходимость выделения Брянской области из состава Орловской.

Далее представляется правильным остановиться на конкретных этапах подготовки и реализации решения об образовании Брянской области.

Журналисты, готовившие юбилейные материалы к 70-летию образования Брянской области, а также исследователи, описывающие создание области в работах общего характера отмечают только финишный документ – Указ Президиума Верховного Совета СССР

№118/3 от 5 июля 1944 года «Об образовании Брянской области в составе РСФСР». Это несколько странно, поскольку известно, что Президиум Верховного Совета СССР, будучи по Конституции СССР высшим органом государственной власти в СССР на самом деле был органом декоративным и реальные решения принимались в других местах. И правильным было бы обнаружить настоящие решения полномочных органов, которые и привели к образованию Брянской области.

Прежде всего необходимо ознакомиться с архивными фондами Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). Именно эти два органа «командовали всей советской государственной машиной. Политбюро и Секретариат...вместе и составляют подлинное правительство Советского Союза» [14].

При этом нужно отличать полномочия этих двух органов, так как их взаимоотношения далеки от обычной вертикали власти и в советской истории было как минимум 3 примера, когда Секретариат ЦК одерживал аппаратные победы над Политбюро [15].

В свое время исследователям были недоступны архивные фонды Политбюро и Секретариата ЦК, но они предвкушали открытие этих фондов, «повествующих о том, как неделя за неделей, день за днем на протяжении ряда десятилетий эти два органа управляли огромной страной…» [16].

В нашем случае первые следы подготовки решения по образованию Брянской области в составе РСФСР мы обнаруживаем в Протоколе №158 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1944 года. Именно тогда в присутствии 11 высокопоставленных партийных работников (Тт. Шкирятов, Косыгин, Поспелов, Горкин, Шамберг (зав. Оргинстротделом ЦК ВКП(б)), Александров (нач. Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)), Ицков (зам. зав. сельхозотделом ЦК ВКП(б)), Яковлев (зав. отделом школ ЦК ВКП(б)), Сторожев (зам. зав. Оргинстротделом ЦК ВКП(б)), Ратнер (зам. зав. Оргинстротделом ЦК ВКП(б), Бутов (зам. нач. Управления кадров ЦК ВКП(б)) и было решено внести на рассмотрение Политбюро предложение «Об образовании Брянской области в составе РСФСР» [17]. Подписан протокол членом Оргбюро ЦК ВКП(б) Маленковым Г.М.

Следующий фонд Оргбюро позволяет нам оценить сопровождающие материалы, которые были представлены вниманию членов Оргбюро и которые были направлены ими членам Политбюро для принятия окончательного решения.

Первый из этих документов представляет из себя письмо т. Сталину И.В. В данном письме (к сожалению, оно не подписано) обосновывается необходимость создания Брянской области таким образом: «Орловская область занимает территорию 65,4 тыс.кв.км., вытянута с запада на восток на 540 км., многие районы удалены от областного центра на 300-360 км.

Территориальная разбросанность районов области, а также отсутствие нормальных средств связи и транспорта, разрушенных немецкими оккупантами, затрудняет руководство по восстановлению народного хозяйства области со стороны обкома партии и облисполкома.

В связи с этим вносим предложение о разукрупнении Орловской области и образовании за счет этого новой, Брянской области, с центром в гор. Брянске». (18) Кроме того, именно в письме вносятся предложения по кадровому составу: «Первым секретарем Брянского обкома ВКП(б) предлагаем утвердить т. Матвеева А.П., нынешнего первого секретаря Орловского обкома ВКП(б).

Председателем Брянского облисполкома предлагаем утвердить т. Коваленко Г.Е., нынешнего первого заместителя председателя Орловского облисполкома.

Первым секретарем Орловского обкома ВКП(б) предлагаем утвердить т. Игнатьева Н.Г., нынешнего второго секретаря этого же обкома партии» [19].

Помимо этого письма в Политбюро были посланы следующие документы: проект Указа Президиума Верх. Совета СССР, Проект постановления ЦК ВКП(б), Основные показатели Орловской и проектируемой к образованию Брянской обл., справка о т. Матвееве А.П., о т. Коваленко Г.Е., о т. Игнатове Н.Г., карта Брянской области [20].

Один из документов дополняет наши сведения о том, как готовилось решение об образовании Брянской области – на письме тов. Сталину вверху мы видим пометку: «К п. 4 пов. заседания Секретариата ЦК ВКП(б) 21.VI.44 г.». (21) Таким образом, вопрос был внесен в повестку дня заседания Оргбюро 21 июня 1944 года, но по каким-то причинам решение тогда не было принято и понадобилось дополнительное рассмотрение этого вопроса 28 июня.

Наконец, 5 июля 1944 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Результатом его стало оформление выписки из Протокола №43/264 «Об образовании Брянской области в составе РСФСР», в котором помимо текста полностью вошедшего в Указ Президиума Верховного Совета СССР вошли и решения о кадровых назначениях,

предложенные Оргбюро. (22) Именно этот документ, подписанный оригинальной подписью Иосифа Сталина является настоящим решением об образовании Брянской области. Так как именно на базе этого решения тут же Политбюро утвердило проекты Указа Президиума Верховного Совета СССР, а также Постановления ЦК ВКП(б) [23].

Президиуму Верховного Совета СССР оставалось только проштамповать решение Политбюро, что и было сделано в тот же день – 5 июля 1944 года. При этом Президиуму Верховного Совета СССР пришлось еще задействовать своих младших коллег из Президиума Верховного Совета РСФСР, так как они должны были внести в Президиум Верховного Совета СССР представление о создании Брянской области. После решения Политбюро, проблем с подписями Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Шверника Н.М. и секретаря Президиума Верховного Совета РСФСР Бахмурова П.В., очевидно, не возникло. Тем более, Шверник был одновременно членом Президиума Верховного Совета СССР.

На обороте Указа Президиума Верховного Совета СССР мы можем прочесть перечень руководителей, проголосовавших «ЗА» образование Брянской области.

Это были:

т. Калинин

т. Шверник

т. Горкин

т. Москатов

т. Буденный

т. Куусинен

т. Сталин

т. Маленков [24].

Чуть позже, 11 июля 1944 года, Политбюро утвердило состав Бюро Брянского обкома ВКП(б). В него вошли: Матвеев (1 секр), Коваленко Г.К. (пред. облисполкома), Суэтин М.С. (2 секр.), Житков И.К. (3 секр.), Бондаренко А.Д. (секр. по кадрам), Чернявский М.Е. (секр.по пропаганде и агитации), Степаненко К.Л. (секр. Брянского Горкома), Фирсанов К.Ф. (НКВД), Бызов А.П. (НКГБ) [25].

К сожалению, пока не удалось обнаружить материалов аппарата ЦК, который готовил сведения для заседания Оргбюро. Эти материалы, конечно, могли бы пролить больше света на истинные причины образования Брянской области, так как неизбежно будут включать в себя более подробную информацию на эту тему.

Может быть, там и содержатся ответы, которые подтвердят или

опровергнут некоторые гипотезы, которые высказываются некоторыми исследователями данной темы, да и просто заинтересованными лицами.

Например, некоторые считают, что создание Брянской области нужно рассматривать в пандан с карательными преобразованиями конца 1943 – начала 1944 года. И что это тоже некая месть за нелояльность, которая выразилась в частности в функционировании на территории Орловской области Локотского округа самоуправления. Уже упоминавшийся орловский исследователь Саран А.Ю. формулирует эту мысль таким образом: «С началом Великой Отечественной войны уже руководство гитлеровской Германии стало делать ставку на Орел – оккупированный противником город готовится на роль административного центра покоренной России, на ее территории проводится ряд экспериментов в области административно-территориального деления (восстановление губернии, правда в границах Орловской области 1937 г., создание округов, образование самоуправления). Такого внимания со стороны противника И.В. Сталин простить не смог, и вскоре после освобождения последовала расплата – не дожидаясь окончания войны, в 1944 г. Орловская область делится надвое, ее отсеченные части передаются новосозданным Брянской и Калужской областям» [26].

Другая гипотеза состоит в том, что, якобы, проект создания Брянской области был личным проектом Матвеева А.П., который, во-первых, горел желанием побыстрее восстановить Брянщину, ставшую столь близкой его сердцу после работы по руководству партизанским движением, а, во-вторых, не хотел расставаться со своими друзьями-партизанами и поэтому не только вознаградил их, пролоббировав создание самостоятельного региона, но и сам лично возглавил область, назначив на важные посты в новосозданной Брянской области многих партизанских командиров. Николай Федорович Стручков, со слов партизанских командиров М. Мирошина и И. Воропая, так формулирует эту гипотезу: «Матвеев мог оставаться секретарем обкома большой Орловской области. Но пошел на ее разделение. Он видел в этом фактор ускорения возрождения выжженного врагом брянского края, считал, что надо поднять его статус до областного. Хотел быть всегда рядом со своими партизанами, помогать им» [27].

Трудно оценить достоверность такой гипотезы, но сразу бросается в глаза то обстоятельство, что Матвеев руководил огромной Орловской областью и по собственной инициативе уменьшать сферу своего влияния ему, казалось бы, не с руки. Кроме того, создание но-

вой АТЕ в составе РСФСР представляется вопросом слишком важным для руководства страны. И, думается, что в данном вопросе личное мнение регионального руководителя не могло быть решающим. Однако, в фонде Политбюро ЦК были обнаружены следующие материалы, датированные октябрем 1943 года: письмо Матвеева секретарю ЦК Маленкову «О разделении Орловской области на Орловскую и Брянскую», а также масса статистических материалов, справок, подписанных Председателем Облплана Орловской области Марченковым [28]. Завершается данная подборка документов справкой, подписанной 27 декабря 1943 года заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) Шамбергом в которой содержался итог рассмотрения письма Матвеева: «Вопрос о разукрупнении Орловской области в настоящее время рассматриваться в ЦК ВКП(б) не будет» [29]. Получается, что точка зрения Н.Ф. Стручкова обоснована и подкрепляется данными источников. Конечно, следует отметить при этом, что в письме Матвеева предлагалось добавить к вновь создаваемой Брянской области 5 районов: Жиздринский, Людиновский, Ульяновский, Хвастовичский (которые в результате остались в составе Орловской области, а затем вошли в состав Калужской) и Думиничский (тогда входивший в состав Смоленской области, а затем также вошедший в состав Калужской) [30]. Возможно, как раз неготовность материалов к образованию Калужской области и стала причиной задержки с решением о разделении Орловской области.

Представляется, что введение в научный оборот новых источников позволит нам еще более досконально разобраться с данным вопросом.

Источники

1. Тархов, С. Изменение административно-территориального деления России в XIII-XX вв. / С. Тархов // Логос. – 2005. – № 1(46). – С. 84.

2. Там же.

3. Там же.

4. www.mycity.kherson.ua.

5. Саран, А.Ю. Большая Орловщина. История административных границ. (1566-2012) / А.Ю. Саран. – Орел, 2013. – С. 64-65.

6. http://avo.ru/region/70let/15338.

7. Штоппер, С. Нелегальный Брянск 1941-1943 / С. Штоппер, А. Кукатов. – Брянск, 2014. – С.18.

8. Карелин, Е. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917-1937 гг.) / Е. Карелин. – М., 2014. – С. 381-382.

9. Там же, с. 371.

10. Саран, А.Ю. Большая Орловщина. История административных границ. (1566-2012) / А.Ю. Саран. – Орел, 2013. – С. 60.

11. Там же, с. 57-59.

12. Там же, с. 60.

13. Стручков, Н.Ф. Он создавал Брянскую область /Н.Ф. Стручков // Брянский рабочий. – 2014. – 7 ноября. – С. 11.

14. Восленский, М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М.С. Восленский. – М., 1991. – С. 363-364.

15. Там же, с.388-389 (Три примера: победа сталинского секретариата над ленинским Политбюро, победа хрущевского секретариата над промаленковским Президиумом ЦК, победа прохрущевского секретариата над Политбюро, решившим снять Хрущева в 1957 году).

16. Там же, с.385.

17. РГАСПИ, Ф.17, Оп.116, Д.158, Л.2.

18. РГАСПИ, Ф.17, Оп.117, Д.422, Л.6.

19. Там же, Л.7.

20. Там же, Л.3.

21. Там же, Л.6.

22.Там же, Л.4.

23. Там же, Л.5, 8.

24. ГАРФ, Ф.7523, Оп.4, Д.801/1, Л.3(об).

25. РГАСПИ, Ф.17, Оп.3, Д.1050, Л.70.

26. Саран, А.Ю. Большая Орловщина. История административных границ. (1566-2012) / А.Ю. Саран. – Орел, 2013. – С. 75.

27. Стручков, Н.Ф. Он создавал Брянскую область / Н.Ф. Стручков // Брянский рабочий. – 2014. – 7 ноября. – С. 11.

28. РГАСПИ, Ф.17, Оп.122, Д.54, Л.62-63, Л.70-112.

29. РГАСПИ, Ф.17, Оп.122, Д.54, Л.62-63, Л.113.

30. РГАСПИ, Ф.17, Оп.122, Д.54, Л.68-69.

А.Е. Пастухова,
руководитель музея истории
Брянского фронта школы №60
А.В. Кобазева,
член «Клуба любителей
истории родного края»

Кому решать судьбу людей дано

Совсем недавно Брянщина отмечала со всей страной Великий праздник Победы. Праздновала широко, красиво, торжественно. Не просто большое, а огромное количество мероприятий прошло замечательно, объединив десятки тысяч благодарных брянцев. Не только цветы и улыбки соединяли людей, главным чувством единения была память.

На Брянщине умеют чтить и хранить память, но как же получилось, что мы оказались неблагодарными к главному человеку в военной судьбе нашего города – Маркиану Михайловичу Попову, командующему Брянским фронтом, под руководством которого освобождался город Брянск и 2/3 территории Брянщины? У нас на слуху фамилии К.К. Рокоссовского, А.В. Горбатова, И.И. Федюнинского, И.Х. Баграмяна, А.И. Ерѐменко, но почти никому не известна фамилия Попов, под командованием которого воевали все эти полководцы на брянской земле. Как случилось, что в Брянске ничто и нигде не напоминает о самом главном для Брянска и Брянщины полководце М.М. Попове. Нет в городе ни памятной доски, ни бюста, ни улицы, названной его именем. И вопрос об этом не поднимается, даже не ставится на той же комиссии по топонимике. У нас есть улицы Горбатова, Федюнинского, Абашева, Петрова, но ведь армиями Горбатова, Федюнинского, Болдина, Баграмяна командовал Попов. Почему же оказалось в тени и забвении имя этого удивительного человека, талантливого военного специалиста?

В центре города, на бульваре Гагарина к юбилею оформили прекрасный стенд, называется он «Полководцы Великой Победы», где помещены 16 цветных крупных портретов, качественно и красиво выполненных, половина из которых не имеет отношения к Брянщине. Это ладно, они внесли свой вклад в общую Победу, но где же Попов?

Музееведы школы №60 под руководством председателя Совета школы Дмитрия Свиридова опросили на улицах города 220 жителей (в центре и в районе мини рынка). Ни один из 220 не смог сказать,

кто такой Попов М.М., хотя в вопросе была подсказка, что это имя связано с Великой Отечественной войной. Почему оно оказалось в тени забвения у нас на Брянщине? Вот почему слова «благодарная Брянщина» хочется взять в кавычки.

Очень бы хотелось в дни празднования дня города и дня освобождения Брянска отдать хоть малую толику нашей благодарной памяти замечательному человеку.

И это всѐ о нем...

Попов Маркиан Михайлович. Генерал армии. К сожалению, незаслуженно малоизвестная фигура в ряду советских полководцев, хотя во всех энциклопедиях подчѐркивается, что М.М. Попов – один из виднейших. Он во всех отношениях нестандартная фигура. Маркиан Михайлович, пожалуй, единственный из военачальников, кто, будучи понижен в должности, сумел вернуться на уровень командующего фронтом.

Первую характеристику-рекомендацию на М.М. Попова мы встречаем, изучая его биографию ещѐ в далѐкие предвоенные годы. Автор еѐ, командир 11-й стрелковой дивизии С.А. Туровский, дата – 1931 год. «Выдающийся командир, способный, инициативный и работающий над собой. Хорошо ориентируется в обстановке и быстро реагирует на еѐ изменение. Несколько горяч, но в работе ему это не мешает. Достоин на выдвижение командира части». Возможно, именно эта аттестация дала старт дальнейшему его продвижению по служебной лестнице.

Из воспоминаний дочери М.М. Попова Ирины Баталеевой об отце: «Отец рассказывал, что уже после успешных действий по разгрому японской группировки в районе реки Халхин-Гол Сталин вызвал к себе его и других военачальников. Выйдя к генералам, Сталин с удивлением сказал отцу: «Впервые вижу генерала без живота и орденов», – на что отец ответил: «Живота не нажил, орденов не заслужил». Сталину понравился его ответ, и он приказал наградить отца орденом Ленина». Так М.М. Попов получил свою первую боевую награду.

Интересны отзывы о нѐм тех, с кем пришлось быть рядом в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы.

Гвардии генерал-полковник И. М. Чистяков:

«*Командующего 2-м Прибалтийским фронтом генерала Маркиана Михайловича Попова я хорошо знал. В отличие от большинства наших военачальников той поры*

он в детстве получил хорошее образование, прекрасно играл на рояле, и я ещѐ в ту пору с почтением и даже с некоторой долей зависти относился к его обширным знаниям, не только военным, но и общим. На редкость уживчивый с людьми, Маркиан Михайлович как-то откровенно, если можно так сказать, любил своих товарищей, и они платили ему тем же».

Маршал Советского Союза А.М. Василевский в книге «Дело всей жизни» пишет:

«Маркиан Михайлович Попов был человеком большого военного дарования, умел хорошо разбираться в оперативных, стратегических вопросах. Много мне приходилось встречаться с ним при проведении серьѐзных стратегических операций. Он был разносторонне образованным военачальником, интересным собеседником и к тому же добрым человеком».

Начальник Генерального штаба генерал армии С.М. Штеменко подчѐркивает, что в годы Великой Отечественной войны выдвинулась замечательная плеяда военных руководителей, среди которых находится и имя М.М. Попова:

«*В тяжелейших условиях обстановки Маркиан Михайлович использовал всю полноту власти заместителя командующего фронтом, проявил личную храбрость, настойчивость и умение организовать отпор врагу… в точности следуя завету Владимира Равноапостольного «Станем крепко, не посрамим земли русской».*

Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский отзывался о нѐм,

«как о здравомыслящем военном руководителе, приятном собеседнике, когда в дружеской беседе легко договаривались о взаимодействии своих армий».

Маршал Советского Союза Л.А. Говоров отмечает:

«энергичность, работоспособность, большой боевой опыт и превосходную оперативно-стратегическую подготовку М.М. Попова».

Главный маршал авиации А.Е. Голованов:

«*Маркиан Михайлович был огромного таланта и эрудиции человек, самородок, имевший блестящие способности в военном деле. Будучи совсем молодым человеком, он ещѐ до войны командовал военным округом. Однако его слабость к «живительной влаге» и прекрасному по-*

лу всю жизнь, как говорится, вставала ему поперѐк дороги…»

Командующий 11-й гвардейской армией И.Х. Баграмян вспоминал, как Попов, будучи командующим Брянским фронтом, проводил совещание:

«Видно было, что перед этим он тщательно продумывал замысел военной операции и задачу в ней войск. Докладывал и подводил итоги коротко, чѐтко, ясно, без каких-либо записей. Производила впечатление уверенность, с какой ставилась задача. Обращал на себя внимание внешний вид командующего фронтом. Он был высокого роста, стройный и подтянутый, форма – как влитая. Красивое благородное лицо, чѐткая речь подчѐркивали его волю и решимость».

Сложно складывались отношения у Попова с Г.К. Жуковым, особенно в послевоенные годы, и это несмотря на то, что Жуков докладывал Сталину в самые трудные времена под Сталинградом: *«Попов работает неплохо. Дело свое знает».* Эта краткая формулировка включала в себя в его понимании ѐмкое содержание: гибкий ум и верный глаз, волю и упорство, организаторские способности, знания и умение хорошо разбираться в оперативно-стратегических вопросах и добиваться их воплощения в жизнь. Заслужить от Жукова такие слова много значило. И когда войсками Ленинградского фронта стал командовать Жуков, он начальником штаба оставляет Попова. Послевоенные сложности в их отношениях, возможно, возникли из-за того, что семья Попова, как и многие другие, подверглась репрессиям.

Не менее лестную оценку даѐт несколько ранее газета «Ленинградская правда» в передовице «Военачальники Красной Армии в связи с награждением только что установленного Орденом Суворова I степени выдающихся военачальников, чьѐ зрелое, уверенное мастерство венчает успехами на поле сражений с немецко-фашистскими захватчиками». Среди первых награждѐнных Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, маршал артиллерии Н.Н. Воронов, генералы П.И. Батов, А.М. Василевский, Н.Ф. Ватутин, Л.А. Говоров, К.К. Рокоссовский, М.М. Попов и другие.

Что же это за человек такой М.М. Попов, о котором все высказываются с теплотой и уважением, отмечая в первую очередь его военный талант и человеческие качества? Познакомимся поближе.

Вехи жизненного пути

Будущий полководец, Герой Советского Союза, генерал армии М.М. Попов родился в семье учителя в станице Усть-Медведицкой (ныне г. Серафимович Волгоградской области) вопреки официальной дате не в 1902 г., как значится в его документах, а в 1904 году 15 ноября, о чѐм свидетельствует его отец. Это письменно подтверждают и его сѐстры Валентина и Лидия, его родственники. Он прибавил себе два года, чтобы попасть в Красную Армию. По сообщению официальных органов, подлинного документа о дате его рождения не сохранилось.

Отец его Михаил Петрович был сыном надворного советника. По окончании Московского университета в 1900 году он женился на дочери секретаря Новоржевского дворянского собрания Марии Алексеевне Соловской. Некоторое время он служил в Москве, затем в Харькове, а вначале лета 1916 года по ходатайству Думы города Новоржева Михаил Петрович назначается директором только что открывшейся мужской гимназии. В квартире при ней, большой и неуютной, он поселился вместе с сыновьями Мотей и Петро – так их называли на Дону. Затем приехала его жена с тремя дочерьми Ниной, Валей и Лидой, и семья воссоединилась.

Братья на зависть всем городским мальчишкам щеголяли в казачьих брюках навыпуск с красными лампасами, попыхивали папиросами «дядя Костя», названными так в честь знаменитого артиста Варламова. Особенно выделялся Мотя, Марком его начнут называть позже – после женитьбы и войны. Внешне интересный, весѐлый, с открытой улыбкой и оригинальной «мушкой» на щеке (родимым пятном), он был предметом «обожания» многих девчонок. Осенью этого же года мальчики были приняты в Новоржевское Высшее начальное училище – Маркиан в третий класс, а Петро в первый.

Шла война и мальчишки увлечѐнно играли в военные игры, верховодил всегда Маркиан. Ещѐ в детстве у него появилась способность находить выход из труднейшего положения, какая-то мгновенная реакция – и решение найдено.

Случай первый.

За кузницами, на краю городка, находилось большое поле, где проводились ребячьи военные игры. Здесь было сооружено несколько крепостей – добротно сделанных землянок. В одной из таких игр партия ребят во главе с Маркианом погнала противника. Часть из них бежала за подмогой, а другая – со знаменем укрылась в крепости. Нужно было захватить их до прибытия помощи. По команде Маркиа-

на из ям, где обжигался уголь (в метрах трѐхстах), была притащена огромная дымящая головня и засунута в землянку сверху. Перепуганные и заплаканные «враги» сдались со знаменем вместе.

Случай второй.

На уроках фон Горст, преподававшей немецкий язык, произошѐл скандал. Она выпорхнула из класса и устремилась к инспектору училища А.К. Даву. Классу грозила по тем временам большая неприятность, вплоть до вызова родителей. Маркиан бросился за нею, догнал у самой учительской, схватил в охапку и принѐс в класс, где все коленопреклонѐнно извинились перед Леопольдиной Юлиановной, и инцидент был исчерпан. Шла масленица 1917 года.

И ещѐ. По существовавшей традиции в состоятельных семьях отмечались дни рождения каждого из его членов и особенно торжественно дни ангелов и именин. На 14 году жизни в день святого Маркиана Мотя получил от деда подарок – серебряные часы. Они были на цепочке, заводились ключиком и являлись для него предметом гордости. У мальчика тех времѐн – часы! Ни у кого их не было, и как мы ему завидовали, когда он со звоном открывал крышку. И случилось нечто такое, что открыло присущую ему черту характера. Все мы хорошо знали горбатенького мальчика, сынишку очень бедной женщины, жившей в убогом домишке на берегу реки. В самый канун Рождества, он, захватив топорик, направился через озеро в лес, а когда возвращался, сильно завьюжило, сбился с дороги и замѐрз. По ѐлочке его лишь и обнаружили. Весть эта всех нас ужаснула. Устроили складчину на похороны. Среди собравшихся мальчиков были Мотя и Петро. Денег у них не было. Маркиан достаѐт часы, отстѐгивает цепочку от кармана и говорит:

– Вот возьмите, заложите их у часового мастера и возьмите деньги на похороны. Я потом часы выкуплю.

Ни у кого из присутствующих не поднялась рука принять этот дар сердца. Кто-то из вошедших взрослых восполнил образовавшуюся прореху.

Школьные годы тогда (1917-1918) отличались необыкновенной кипучестью и широтой интересов и взглядов. В происходящих спорах и диспутах Маркиан оказывался на стороне наиболее революционно настроенных юношей и девушек, принимавших самое живое участие в строительстве новой жизни молодой России, без деления на богатых и бедных.

После окончания в 1918 году Новоржевского Высшего начального училища под влиянием своих друзей-комсомольцев (будущих

профессоров, директоров институтов, ответственных работников губкомов РКП(б) Маркиан вступает в комсомол и получает направление на должность избача Туровской волости. Так началась самостоятельная жизнь. Туровская волостная библиотека, которую он организовал, скоро стала притягательным центром для молодѐжи села. Нередко в ней проходили заседания Комбеда, через который шло пополнение Красной Армии.

В 1920 году по путѐвке комсомола М.М. Попов 6 мая вступает в ряды Красной Армии, принимает присягу, с которой была связана вся его дальнейшая жизнь.

Фронтовые будни. Успехи и поражения

14 января 1941 г. М.М. Попов назначен командующим войсками Ленинградского военного округа. «В те дни, – говорил Маркиан Михайлович, – уже пахло грозой, но никто из нас не подозревал, что война буквально на носу». Во время полевой поездки на Мурманском направлении он лично имел возможность с пограничной вышки убедиться, что войска противника двигаются к границе. На свой страх и риск (вопреки запретам) приказал войскам 14-й армии скрытно выдвинуться к границе и принять оборону, приказал войскам ПВО не допускать безнаказанно полѐтов военных самолѐтов других государств над нашей территорией, и немедленно проверить систему противовоздушной обороны Ленинграда и Петрозаводска. Входящие в округ флоты приведены в готовность №1. Случись подобное на других участках границы, война могла бы пойти совсем по иному сценарию. И в этом убеждают нас боевые действия Северного фронта, в который 24 июня 1941 г. был преобразован Ленинградский военный округ. Когда вражеские войска перешли в наступление: 29 июня немецко-фашистские на Мурманском и Кандалакшском направлениях, а 1 июля финны севернее Ладожского озера, то они успеха не имели. После ожесточѐнных 15-дневных боѐв враг был остановлен. Угроза Ленинграду с севера на время была снята.

До начала июня 1943 г. Брянским фронтом командовал генерал-полковник М.А. Рейтер, очень неудачно и с большими потерями провели Орловскую наступательную операцию (февраль-март 1943 г.). Кроме того, проверка со стороны Генерального штаба показала слабую подготовку войск Брянского фронта к предстоящим летним наступлениям. Понимая грандиозность и значимость грядущих событий, которые должны были переломить ход всей войны, Ставка подыскивала нового командующего, который имел бы опыт подго-

товки и проведения крупных наступательных операций. Им стал генерал М.М. Попов. Это было 7 июня 1943 г. на КП фронта в Юрьево.

Впоследствии Г.К. Жуков писал: «Вечером 9 июля, как было указано Верховным, я был в штабе фронта, где встретился с командующим М.М. Поповым. Уже было получено указание ставки о переходе в наступление войск фронта. Планирование было заранее продумано и подготовлено. Во главе армий стояли исключительно способные и опытные генералы».

А.М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни» также отмечает, что приняв командование войсками Брянского фронта, М.М. Попов показал себя с лучшей стороны»

Среди трѐх командующих фронтами, участвующих в операции «Кутузов», М.М. Попов был самым молодым, ему едва исполнилось сорок лет, но образованием и талантом он не уступал ни Рокоссовскому, ни Соколовскому.

Дважды начиналась Брянская наступательная операция. И дважды комфронта Попов останавливал еѐ ход. Такого ещѐ не было. По его просьбе Ставка изменяла направление главного удара по прорыву рубежа обороны войск противника «Хаген». Отодвигались и сроки проведения операции.

Верховный Главнокомандующий Сталин не раз задавал тогда Генеральному штабу вопрос: какая вероятность успеха третьего штурма обороны противника в этой операции? Ответ был неоднозначным. Не все были убеждены в успехе замысла командующего Брянским фронтом. Только комфронта Попов и его начальник штаба Сандалов не сомневались в положительном результате.

Войска Брянского фронта, непрерывно, практически без пауз наступая в течение 33 суток, продвинулись на запад до 280 км, освободив при этом от немецких захватчиков территорию в 40 000 квадратных километров. Она в полтора раза превышала территорию, освобождѐнную за такое же время (37 суток) в результате Орловской операции «Кутузов» войсками трѐх фронтов.

В Брянской операции ежесуточный темп наступления составил 8 километров, а войска 50-й Армии продвигались вперѐд со скоростью 10 километров в сутки. Потери войск Брянского фронта в этой операции 56 657 человек или 2,4%. Ни в одной наступательной операции по очищению территории СССР от противника войска других фронтов не имели таких минимальных потерь в боях. Для сравнения: в Орловской операции «Кутузов» безвозвратные потери войск трѐх фронтов составили 112 529 человек или 7,4%.

Как видим, операция по разгрому и ликвидации брянской группировки противника, проведѐнная войсками Брянского фронта, под руководством самого молодого генерала армии М.М. Попова, была поучительной для всех остальных командующих фронтами. М.М. Попов, проявляя разумную инициативу, поставил в этой операции первостепенную задачу: при минимальных затратах сил и средств добиться максимального результата. На первоначальном этапе операции он, дважды изменяя места прорыва, и в связи с этим дважды перенося сроки, затем в результате успешного и почти бескровного прорыва и последовавшего за ним стремительного наступления наверстал упущенное время. Но главное: при минимальных затратах материальных ресурсов, освободив огромную территорию, он сохранил тысячи человеческих жизней.

Генералу Попову на посту командующего Брянским фронтом принадлежит честь и заслуга проведения самых успешных, с точки зрения соотношения потерь с достигнутым успехом, военных операций – Орловской и Брянской, а также заслуга прорыва глубиной в 200 км, с выходом на территорию Белоруссии. За 2 месяца боѐв – потери всего 13 тысяч человек. Это когда среднесуточный уровень потерь Красной армии на протяжении войны составлял от 3 до 6 тысяч человек в день.

За весь период войны на советско-германском фронте не было столь огромного объединения войск, каким был Брянский фронт, в августе-сентябре его войска насчитывали около миллиона человек, и командовал ими самый молодой генерал армии.

Теперь имя полководца Попова было у всех на устах. Именно войска Брянского фронта внесли самый существенный вклад в победу, увенчавшуюся Первым салютом.

Миф и реальность

20 апреля 1944 года Попов М.М. был понижен в звании с генерала армии до генерал-полковника за злоупотребление спиртным и поступки, порочащие честь командира Красной Армии.

Вот так творец первых победных салютов, автор и творец Брянской операции, которая явилась лавровым венцом полководца Попова, оказался в опале.

Цитирую маршала авиации Голованова, который пишет: «Самородок, он имел блестящие способности в военном деле, образованный, эрудированный, на редкость уживчивый с людьми. Однако его

слабость к «живительной влаге» и прекрасному полу всю жизнь вставала ему поперѐк дороги…»

Маршал А.М. Василевский В своей книге «Дело всей жизни», давая Попову весьма доброжелательную лестную характеристику отмечает: «Думаю, что не допущу ошибки, если скажу, что только этот недостаток помешал ему в полной мере раскрыть свой военный талант», иными словами стать маршалом.

И всѐ же он допустил ошибку, анализируя следствие, а не причину. А первооснова лежала гораздо глубже и была сложнее, сочетая в себе целый комплекс фактов. Василевский не знал побудительных мотивов того, что знал Жуков или догадывался: об «особом отношении Сталина» и о грозившей Попову долгие годы расправе. Даже после войны была арестована целая группа генералов, адмиралов и офицеров.

А как отозвалось на его душевном состоянии разжалование и понижение в должности? Какие переживания испытал он, узнав об исключении отца из партии, о лишении свободы на 8 лет своего двоюродного брата. И как усложнились эти переживания, когда и младший брат Пѐтр – генерал-майор – понѐс наказание за «неискренность перед партией», указав в анкете: «сын мещанина». Ведь также заполнена эта злополучная графа и в его давнишней анкете. Очередь была за ним. А сколько седин прибавила ни с чем не сравнимая ответственность за десятки тысяч жизней, доверенных ему, его уму, воле, за право решать их судьбу, бросать их в бой, обрекать на смерть, на увечье… Все эти зарубки на сердце такого доброго, мягкого по натуре человека. Ошибки, просчѐты оплачивались уже немалой кровью, завися, в свою очередь, не всегда от его воли. Всѐ это тоже лежит на совести, ведь пошел на сделку с нею, как это было под Идрицей, выполняя приказ Ставки.

Конечно, были некоторые факты, которые дали основание думать о Попове, как о человеке, который может где-то сорваться, где-то снять стресс, как многие русские мужики, «живительной влагой». Вот случай, связанный с назначением Попова командующим войсками Брянского фронта.

После завершения Сталинградской битвы, в ходе которой Попов, в который раз уже проявил большие организаторские и боевые таланты, было решено назначить его командующим фронтом. Попова вызвали в Ставку. Непреложным и всеми хорошо усвоенным правилом являлось то, что всякое распоряжение Ставки выполнялось незамедлительно. Прибытие Попова ожидалось на следующий день. Од-

нако день прошѐл, а Попова не было. Позвонили узнать, убыл ли. Получили доклад, что ещѐ вчера вылетел в Москву… Лететь из-под Сталинграда в Москву требуется всего несколько часов, но прошли сутки, а Попов не появлялся. На другой день его тоже не было. Появился он лишь на третьи сутки! Как говорят в полном здравии, но «застрял» где-то по дороге. Это было невиданное ЧП. Что-то сейчас с ним будет… Зная о нѐм много хорошего, товарищи искренне его жалели.

Но всѐ обошлось. Сталин нередко говорил, что «можно мириться со многими недостатками человека, лишь бы голова была на плечах. С недостатками бороться можно и исправить их можно, новой же головы человеку не поставишь».

Но поступал так Сталин лишь тогда, когда не затрагивались интересы дела. Попов был назначен командующим. Войска Брянского фронта под его командованием успешно справились со своей задачей. А теперь давайте посмотрим на эту проблему с другой стороны.

Вот что говорит Валентина Михайловна, сестра Маркиана Михайловича: «В роду Поповых все пили, но не упивались… И Марк прибегал к этому, чтобы снять напряжение нервов, когда они на пределе, чтобы отвлечься от засевшей в душе муки – обиды, несправедливости. Заметна стала эта привычка вслед за разводом и разлукой с сыном».

Если же взыскательно проанализировать всѐ сказанное о Попове людьми, соприкасавшимися с ним, то окажется, что на фронте, в боевых условиях об этой склонности генерала не может быть и речи. Об этом ни звука не упоминает маршал Жуков, у которого Попов был командармом. И к жизни, и к работе Попова маршал присматривался (по заданию сверху) на Сталинградском и Брянском фронтах. Не говорит об этом и начальник его штаба на двух фронтах генерал Сандалов «почти год живший с ним бок о бок», а также этот факт не находит места и в воспоминаниях генерала Штеменко, знавшего его с 1942 года и более месяца пробывшего в штабе 2-го Прибалтийского фронта весной 1944 года; не говорят об этом ближайшие помощники М.М. Попова по Ленинградскому фронту в 1941, 1944-1945 годах.

Очень веским является свидетельство его первой жены: «За 18 лет совместной жизни, – признавалась Клавдия Ильинична, – я ни разу не видела Марка пьяным. Выпивать – выпивал, как все русские люди, и предосудительного в этом нет ничего. Но чтобы его тянуло к выпивке – такого не было ни в мирное время, ни в военное».

Таким образом, не эта «склонность» помешала продвижению Маркиана Михайловича на высшую ступень служебной лестницы, а нечто другое.

А теперь слово самому Маркиану Михайловичу, который, поясняя причины неудачи на Идрицком направлении, сказал: «Я захватил Новоржев, в районе Пудровки, помните такую деревеньку по дороге в Пушкинские горы, немцы меня остановили. Правда, пожертвовав двумя-тремя дивизиями, можно было их оборону прорвать, но на эти жертвы я не пошѐл». Можно предположить, что всѐ сказанное Маркианом Михайловичем имело место в действительности, как объективная реальность. Не исключено, что решение это ускорило его падение. А уложи он эти три дивизии при прорыве обороны, наверное, судьба сложилась бы иначе.

И вот ещѐ одна удивительная и непонятная история. Автор книги «Когда решать судьбу людей дано…», попытался разыскать в архивах приказ о смещении Попова. Но начальник архива Ленинградского военного округа Б.М. Рагозин поставил автора в известность, что у них нет приказа о смещении М.М. Попова с командования 2-м Прибалтийским фронтом и назначении его начальником штаба Ленинградского фронта. Имеется лишь распоряжение, подписанное самим Поповым 27 апреля 1944 года. В свою очередь и ЦГСА сообщил, что подобными документами не располагает. Наконец и Российский Центр хранения и изучения документов Новейшей Истории письменно уведомил, что в центре «не обнаружено приказов о понижении и перемещении Попова Маркиана Михайловича».

Нет таких документов и в Главном Управлении кадров Министерства Обороны Российской Федерации.

Таким образом, документов в подтверждение причин случившегося пока нет, и будут ли они найдены неизвестно.

О том, что понижение в должности и звании, да ещѐ по притянутым за уши причинам, было, мягко говоря, неправомерным, говорят следующие факты: уже в феврале 1945 года Попова вновь назначают командующим 2-го Прибалтийского фронта, из пяти орденов Ленина четыре получены после факта смещения (1945, 1952, 1962, 1965 гг.), один из трѐх орденов Красного знамени (5.10.1944 г.), два ордена Кутузова (22.06.1944 г., 29.06.1945 г.), орден Красной Звезды (22.02.1968 г.) и звание Героя Советского Союза (1965 г.) с формулировкой «За умелое командование войсками в годы Великой Отечественной войны и личное мужество, проявленное в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками». Даже обычно импульсивный и жѐсткий

Жуков осознавал неправоту смещения командарма. Наветы и зависть недоброжелателей сыграли свою роль. Нестандартный командарм был остановлен на пути к Маршальской звезде, как догадываемся, не из-за такого уж прямо безудержного пристрастия к спиртному, а за то, что в принципе был белой вороной.

Так почему же всѐ-таки был понижен в должности и звании Попов М.М.?

Сам Попов и все его сотоварищи считают, что всѐ дело в неудачных боевых действиях под Идрицей. Ставка поставила задачу деблокировать Ленинград, очистить от врага оккупированные районы Ленинградской области и создать необходимые условия для освобождения Прибалтики. В этой операции задействованы были три фронта: Ленинградский, Волховской и 2-й Прибалтийский. 1 марта 1944 года войска фронтов атаковали противника, результаты были неудовлетворительными. На следующий день повторные удары тоже оказались малоэффективными. 10 марта наступление возобновилось, но опять очень малый успех и очень большие потери в людях и технике. Командующие фронтами, собравшись на КП 2-го Прибалтийского фронта, пришли к выводу, что прорыв очень сильной обороны противника на Идрицком направлении не может дать желаемого результата без большого перевеса в силе и средствах.

Но перед этой операцией Попов докладывал в ставку, что для еѐ проведения требовалась более тщательная подготовка: пополнение фронтов боеприпасами и доведение численности дивизий хотя бы до 5-6 тысяч человек. Ставка согласилась, однако, по предложению 1-го заместителя начальника Генерального штаба генерала Антонова, ставка предписала командованию фронта вернуться к нанесению главного удара на Идрицу. После такого решения командующий фронтом Попов уже не находил взаимопонимания с Генеральным штабом (с Антоновым) и обязан был выполнить волю Ставки, хотя отчѐтливо представлял себе, чего будут стоить эти бои. Они принесут ничем не оправданную гибель множества людей. Но не выполнить это требование Ставки он не мог. Приказ есть приказ.

Плохие отношения с Антоновым, который был очень близок к Сталину, проводил с ним долгие часы, обсуждая положение на фронтах, планировал будущие операции, сыграли свою роль.

Нелады с Антоновым, предвзятые высказывания члена Военного совета Булганина сделали своѐ дело: из 3-х командующих фронтами в Идрицкой операции «козлом отпущения» стал Попов М.М., ко-

торый всегда стремился сохранить жизнь своих солдат и с болью и горечью вспоминал огромные потери под Идрицей.

Из всего изложенного выше как вывод, возможно, следует понимать то, почему приказа о его понижении с указанием причин в архивах нет.

Завершилась ли на этом его военная деятельность? Нет, не завершилась. До конца войны он успешно командовал армиями и штабами, а после Победы был командующим ряда военных округов. Одно бесспорно, что, несмотря на свои личные слабости, он внѐс достойный вклад в разгром врага.

Прощание

Несчастье случилось 22 апреля 1969 года. Трагическая случайность оборвала жизнь Маркиана Михайловича Попова. Трагедия произошла на даче. Дни стояли погожие и они вместе с женой Серафимой Алексеевной уже несколько дней, как перебрались в Подмосковье. 21 апреля он приехал из Москвы поздно вечером. Как показал порученец, они с женой поужинали после прогулки и, как обычно, легли спать. Утром порученец никак не мог достучаться, разбудить своего генерала и его жену. Обеспокоенный, он позвал людей. Они вскрыли дверь и обнаружили в квартире газ, зашли в спальню, а они оба мертвы. Газ каким-то образом из полуподвала, где находились баллоны, проник в спальню. Специальная комиссия не нашла «умысла», приписав всѐ несчастному случаю. Так закончил свой жизненный путь этот незаурядный человек.

В некрологе, появившемся в центральной газете страны, сказано много тѐплых слов, отмечены его партийная принципиальность, личная скромность, обаяние и чуткость к людям, его талант полководца, обладающего широким военным кругозором. Некролог подписали 39 виднейших военачальников, его боевых товарищей, и среди них такие как бывшие Наркомы и Министры обороны, маршалы С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.А. Гречко, И.Х. Баграмян, С.М. Будѐнный, А.И. Ерѐменко, И.С. Конев, В.И. Чуйков, Н.А. Батов, А.В. Горбатов, Д.Д. Лелюшенко, И.М. Федюнинский. Особо значима подпись Г.К. Жукова, характеризующая его отношение к покойному и далеко не всем даваемая маршалом.

Гроб с телом генерала армии М.М. Попова был установлен в Краснознамѐнном зале Центрального Дома Советской Армии. Похороны состоялись 25 апреля в 15 часов на Новодевичьем кладбище. Приблизительно через год-полтора на могиле был поставлен памят-

ник. Это фундаментальный бюст, по-настоящему похожий на Маркиана Михайловича.

История расставит всѐ по своим местам и воздаст людям, показывающим образцы исполнения долга, людям храбрым, честным и неподкупным. Сейчас уже открыты многие архивные материалы, много появилось мемуарной литературы и мы можем однозначно и полно судить об этой непростой личности. Совершенно бесспорно: в достижении нашей исторической победы в Великой Отечественной войне есть и его значительный вклад.

Всю свою жизнь он посвятил беззаветному служению народу, Родине, укреплению еѐ оборонного могущества. Есть люди, которые подвигами и делами украшают Отечество и его время. Достойное место в этом ряду занимает и Герой Советского Союза, генерал армии М.М. Попов. Кому решать судьбу людей дано, с того многое и спросится. И не всякий выдержит это тяжелейшее испытание на ответственность перед судом времени, собственной совестью, людским судом! Он же удостоился чести быть внесѐнным за свою деятельность ещѐ при жизни в отечественные и зарубежные справочники.

И, наверное, рассказ об этом замечательном человеке, отважном воине следует закончить словами многотомной военной энциклопедии: «Генерал армии М.М. Попов участвовал в планировании операций и успешно руководил войсками под Ленинградом и под Москвой, в Сталинградской и Курской битвах, при освобождении Карелии и Прибалтики. Он вошѐл в плеяду полководцев и военачальников, которые «успешно осуществляли руководство операциями на суше, на море и в воздухе», оставаясь верными раз и навсегда принятой присяге».

Приложение
(Послужной список и этапы жизненного пути Попова М.М.)

Попов Маркиан Михайлович – военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, генерал армии.

Родился 2 (15) ноября 1902 года в станице Усть-Медведицкая области Войска Донского, ныне город Серафимович Волгоградской области, в семье служащего. Русский. Окончил начальное училище.

В Красной Армии с 1920 года. Участник Гражданской войны, воевал на Западном фронте рядовым. В 1922 году окончил 74-е Псковские пехотные курсы комсостава, в 1925 году – Стрелково-

тактические курсы усовершенствования комсостава РККА имени Коминтерна (впоследствии известные как курсы «Выстрел»), в 1936 году – Военную академию РККА имени М.В. Фрунзе. Член РКП(б) с 1921 года.

С августа 1922 года М.М. Попов – командир взвода на 74-х курсах комсостава и позднее – в учебной роте 11-й дивизионной школы. С августа 1924 года – помощник начальника, а с февраля 1926 года – начальник полковой школы 33-го стрелкового полка. С октября 1927 года – командир батальона в том же полку. С сентября 1928 года – преподаватель школы переподготовки командиров запаса РККА, с декабря 1928 года вновь командовал батальоном. С марта 1932 года – инспектор моторизации военно-учебных заведений Московского военного округа.

После окончания академии, с мая 1936 года – начальник штаба 9-й отдельной механизированной бригады, с июля 1937 года – начальник штаба 5-го механизированного корпуса. С января 1938 года – для особых поручений при начальнике Управления по командному и начальствующему составу РККА.

С июня 1938 года Попов М.М. – заместитель командующего, с сентября – начальник штаба, с июля 1939 года – командующий 1-й Отдельной Краснознамѐнной армией на Дальнем Востоке. С января 1941 года – командующий войсками Ленинградского военного округа.

Во время Великой Отечественной войны генерал Попов М.М. командовал Северным и Ленинградским фронтами (июнь-сентябрь 1941 года), 61-й армией на Западном, Юго-Западном и Брянском фронтах (ноябрь 1941 – июль 1942), 40-й армией Брянского фронта (июль-октябрь 1942 года). С октября 1942 года – заместитель командующего Сталинградским и Юго-Западным фронтами. Командовал 5-й ударной армией (декабрь 1942 года – апрель 1943 года), Резервным фронтом и войсками Степного военного округа (апрель-май 1943 года), Брянским (июнь-октябрь 1943 года), Прибалтийским и 2-м Прибалтийским (октябрь 1943 года – апрель 1944 года) фронтами. 26 августа 1943 года М.М. Попову было присвоено звание «генерал армии», но 20 апреля 1944 года из-за неудачных действий в Прибалтике Попов был понижен в воинском звании до генерал-полковника.

С 23 апреля 1944 года и до конца войны генерал-полковник Попов М.М. – начальник штаба Ленинградского фронта (в марте 1945 года также и 2-го Прибалтийского фронта).

Генерал Попов М.М. участвовал в планировании операций и успешно руководил войсками в битвах под Ленинградом и под Москвой, в Сталинградской и Курской битвах, при освобождении Карелии и Прибалтики. Войска под его командованием отличились при освобождении городов Орѐл, Брянск, Бежица, Унеча, Дно, а также при форсировании реки Десна.

В послевоенный период продолжил службу в Советской армии, командовал войсками Львовского (с июля 1945 года) и Таврического (с мая 1946 по июль 1954 годов) военных округов. В 1953 году генерал-полковнику Попову М.М. вторично было присвоено воинское звание «генерал армии».

С января 1955 года М.М. Попов – заместитель начальника, затем начальник главного управления боевой подготовки, с августа 1956 года начальник главного штаба – первый заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками. С июля 1962 года – военный инспектор – советник Группы генеральных инспекторов МО СССР. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 2-6 созывов (1946 – 1966 гг.).

За умелое командование войсками в годы Великой Отечественной войны и личное мужество, проявленное в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 года генералу армии Попову Маркиану Михайловичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

Заслуженный советский военачальник генерал армии Попов М.М. скончался 22 апреля 1969 года. Похоронен в городе-герое Москве на Новодевичьем кладбище (участок 7).

Воинские звания:
Полковник (1936),
Комбриг (14.06.1938),
Комдив (25.04.1939),
Комкор (13.08.1939),
Генерал-лейтенант (04.06.1940),
Генерал-полковник (23.04.1943),
Генерал армии (06.08.1943),
Генерал-полковник (20.04.1944),
Генерал армии (3.08.1953).

Награждѐн пятью орденами Ленина (22.02.1941 г., 30.04.1945 г., 14.11.1952 г., 16.11.1962 г., 07.05.1965 г.), тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-ой степени (28.01.1943 г.,

27.08.1943 г.), двумя орденами Кутузова 1-ой степени (22.06.1944 г., 29.06.1945 г.), орденом Красной Звезды (22.02.1968 г.), медалями, а также иностранными орденами.

Мемориальная доска в память о славном земляке – Герое Советского Союза Попове М.М. – установлена в городе Серафимович Волгоградской области.

На Юго-Западе

- (18 декабря 1941 года – 28 июня 1942 года) с небольшим перерывом (30 января – 11 февраля 1942 года) командовал войсками 61-й армии на Юго-Западном и Брянском фронтах,
- (28 июня - 3 июля 1942 года) генерал-лейтенант М.М. Попов возглавил 48- армию Брянского фронта,
- С 3 июля 1942 года командовал войсками 40-й армии Брянского фронта. В этот день под его командование передали 40-ю армию, которая находилась в тяжѐлом положении после прорыва на еѐ стыке с 13-й армией немецких войск во время Воронежско-Ворошиловградской операции. Под их натиском 40-я армия отошла более чем на 150 км. В дальнейшем фронт в полосе армии относительно стабилизировался.
- С 13 октября 1942 года – заместитель командующего войсками Сталинградского фронта. На этой должности он, вместе с командующим А.И. Ерѐменко, участвовал в организации действий оборонявшихся войск в Сталинграде, подготовке контрнаступления и его реализации, начавшегося 20 ноября 1942 года.
- После успешного окружения группировки противника под Сталинградом, М.М. Попов активно участвовал в организации управления войсками по расширению полосы между внутренним и наружным фронтами окружения.
- 8 декабря 1942 года он возглавил 5-ю ударную армию с оставлением поста заместителя командующего фронтом. С этой армией, прибывшей из РГК, М.М. Попов участвовал в Котельниковской операции.
- 26 декабря 1942 года его ставят на должность заместителя командующего Юго-Западным фронтом,
- А 28 декабря 1942 года поручают командование 5-й танковой армией Юго-Западного фронта с оставлением должности заместителя командующего фронтом.

- Однако уже в январе 1943 года он оставляет эти посты и уходит в резерв Ставки.
- Возглавлял оперативную группу Юго-Западного фронта в операции «Скачок». Подвижная группа генерал-лейтенанта М.М. Попова.
- С 10 апреля по 15 апреля 1943 года – командующий войсками Резервного фронта (3-го формирования). 15 апреля того же года Резервный фронт переименовали в Степной военный округ.
- С 5 июня по 10 октября 1943 года – командующий войсками Брянского фронта, Орловской операции, Брянской операции.
- Генерал армии с 26 августа 1943 года.

Вновь на Северо-Западе.

Управление Брянского фронта было переброшено в Прибалтику и переименовано в Прибалтийский фронт.

- С 10 октября 1943 года по 23 апреля 1944 года – командующий войсками Прибалтийского фронта.
- 20 октября 1943 Прибалтийский фронт переименован во 2-ой Прибалтийский фронт.

14 января 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов начали Ленинградско-Новгородскую наступательную операцию. 2-ой Прибалтийский фронт в начале операции выполнял отвлекающую функцию, не давая перебросить противнику войска на направление основного удара, активно действуя соединениями лишь 1-ой ударной армии. В дальнейшем, когда соседи стали развивать успех, войска, вверенные М.М. Попову, активно участвовали в наступлении. Однако им не удалось вовремя обнаружить отход 16-ой немецкой армии и воспрепятствовать ему. К 1 марта войска фронта по приказу Ставки перешли к обороне.

Соединения 2-го Прибалтийского фронта готовились к новым боям.

- 20 апреля 1944 года командующий фронтом М.М. Попов был понижен в звании с генерала армии до генерал-полковника за злоупотребление спиртным и поступки, порочащие честь командира Красной Армии.
- 23 апреля того же года он был переведѐн на должность начальника штаба Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов.

Находясь на этом посту, он активно участвовал в организации действий войск фронтов во всех проводимых ими операциях. Это были Выборгско-Петрозаводская операция, в которой Ленинградский

фронт участвовал своим правым крылом, Режицко-Двинская операция 2-го Прибалтийского фронта, в которой участвовали оба фронта.

- С 4 по 9 февраля 1945 года М.М. Попов вновь командовал 2-ым Прибалтийским фронтом,
- А затем вновь руководил штабом Ленинградского фронта.

Наиболее выдающейся является Брянская наступательная операция в августе-сентябре 1943 года, проведѐнная войсками Брянского фронта под его командованием. В этой операции Попов осуществил ввод войск в прорыв на участке соседнего Западного фронта, а затем ударом маневренной группы разрезал оборону врага. Потери фронта в этой операции – одни из наиболее малых в аналогичных операциях советских войск (безвозвратные – 13033 человек, санитарные – 43624 человек) при значительных результатах (продвижение до 200 километров, прорыв в Белоруссию, освобождение Брянска, Бежицы, форсирование рек Сож и Десна).

После войны командовал войсками Львовского (1945-1946 гг.) и Таврического (1946-1954 гг.) военных округов. Голованов: в 1951 году на Украине проводились большие штабные учения с участием ряда округов, где М.М. Попов, возглавляя «синих», так и не дал возможности «красным», несмотря на их значительное превосходство, одержать победу, вновь блеснув своим полководческим талантом.

В 1953 году Попову М.М. было вторично присвоено воинское звание генерал армии (03.08.1953).

С января 1955 года – заместитель начальника, а затем начальник Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск.

С августа 1956 года – начальник Главного штаба – 1-й заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками.

С июля 1962 года – военный инспектор – советник Группы Генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Депутат Верховного Совета СССР 2-6-го созывов.

О Маркиане Михайловиче Попове
(рассказывает маршал авиации Голованов А.Е.)

За несколько дней до начала наступательных действий войск его фронта довелось мне вместе с Г.К. Жуковым быть у М.М. Попова, о котором я уже был наслышан по одному весьма необычному случаю…

Присутствуя при докладе Попова Жукову о положении дел на фронте и намѐтках предварительного решения на предстоящее

наступление войск фронта, слушая его ответы на задаваемые Жуковым вопросы, я увидел человека необычного склада ума. Попов отлично знал свои войска, не задумываясь, со знанием дела, коротко и ясно отвечал на любые вопросы Жукова, не являвшиеся для него неожиданностью. Для ответа командующему Брянским фронтом не требовалось времени и каких-либо уточнений, предельно ясный, немногословный доклад шѐл без бумаг или записей.

Всѐ это показывало, что перед нами недюжинных способностей человек, не только отлично знающий дело, на которое он поставлен, но и прекрасно образованный в военном отношении. В то же время доклад Попова носил, я бы сказал, какой-то несколько театральный, показной характер. Мне не приходилось видеть до этого ни одного командующего, который столь свободно держался и говорил таким тоном, который необычен в общении подчинѐнного со своим начальником. Положительного впечатления такой тон на меня не произвѐл, хотя и каких-либо претензий предъявить было нельзя.

Присутствуя не один раз при докладах различных командующих Жукову, я по его поведению и выражению лица совершенно отчетливо видел в данном случае удовлетворенность, как докладом, так и ответами Попова. Когда мы остались одни, я сказал Жукову о том необычном впечатлении, которое у меня осталось от знакомства с Поповым. Георгий Константинович улыбнулся и сказал: «Это кажется поначалу, когда его как следует ещѐ не знаешь. В действительности это дисциплинированный, образованный и очень способный командующий. Таких не особо много. Узнаешь его ближе и впечатление у тебя о нѐм будет совсем другое».

Во время обеда, за дружеской беседой я увидел перед собой очень простого, добродушного и весѐлого собеседника. Находясь некоторое время в штабе Брянского фронта, как во время подготовки операции, так и в ходе еѐ, я отметил и то, что Маркиан Михайлович Попов резко отличался от некоторых командующих в своѐм общении с подчинѐнными. Даже во время наступления, когда, встречая упорное сопротивление, войска не на всех участках фронта могли полностью выполнить поставленные перед ним задачи, несмотря на нажим сверху, Попов не переносил имевшую место некоторую нервозность на своих подчинѐнных. Он весьма вежливо разговаривал со своего командного пункта с командующими армиями, поддерживал у некоторых необходимую бодрость, когда не всѐ получалось так, как было предусмотрено. Такая моральная поддержка, на мой взгляд, ценнее иной раз любой награды.

Умение держать себя в руках в самые напряжѐнные, самые ответственные моменты боя или сражения, исходом которых может быть и возможный отход войск, держать себя так, чтобы подчинѐнный видел в тебе силу и уверенность, видел в тебе, может быть, только внешне, но спокойного человека, не впадающего ни в какие крайности, – это долг и обязанность военачальника. Уверенные и спокойные распоряжения вселяют, как правило, веру в подчинѐнных, и они могут сделать то, чего не сделают войска при проявлении неуравновешенности своего командира или командующего, хотя и численностью они больше и позиции у них лучше. В данном случае М.М. Попов своим поведением и общением с подчинѐнными очень походил на К.К. Рокоссовского.

У каждого свой стиль работы, но в глазах подчиненных, безусловно, непоколебимый авторитет и доверие имеют тот командующий или командир, которые не теряют присутствие духа и уравновешенности даже в наисложнейших обстоятельствах. За таким командиром солдат пойдѐт, как говорится, и в огонь и в воду. В этих вопросах авторитет Маркиана Михайловича Попова в войсках был на высоте (см. фото на вклейке).

Список литературы

1. Попов, А.А. Когда решать судьбу людей дано… / А.А. Попов. – М., 1974.
2. Андрей Светенко. Спецпроект «Полководцы» // «Вести FM». – Режим доступа: http://radiovesti.ru/
3. Василевский, А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. – Москва, 1973. – С. 93, 127-132, 170.
4. Кузнецов, А. Обходной маневр / А. Кузнецов // Брянский рабочий. – 2004. – 17 сентября (№ 178-179). – С. 1, 4.
6. Селезнѐв, С. Вводная статья к книге «Когда решать судьбу людей дано…» / С. Селезнев // Попов, А.А. Когда решать судьбу людей дано… / А.А. Попов. – М., 1974. - С. 4-5.
7. Голованов, А.Е. Воспоминания / А.Е. Голованов. - М., 1971. - С. 112-123.
8. Щекотихин, Е.С. Полководец М.М. Попов – творец первых победных салютов / Е.С. Щекотихин // Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Люди. События. Факты : материалы круглого стола, посвященного 65-летию освобождения Брянщины от

немецко-фашистских захватчиков (12 сентября 2008 г.). – Брянск, 2008. – С. 32-43.
9. Имена Победы / авт.- сост.: Н. Малиновская, Е. Юрина. – М. : Кучково поле, 2015. – С. 348-358.

А.М. Родкин,
член Союза журналистов России,
подполковник внутренней службы в отставке

Письма с войны

Иван Демочкин: «Враг понесет заслуженную кару...»

С горечью приходится констатировать, что эпистолярный жанр умирает. А вместе с тем, письма во все времена несли неповторимую печать своего времени. В том числе и военного, ибо родились в атмосфере военного лихолетья, удивительно точно передают атмосферу на фронте и в тылу, думы и чаяния наших солдат и офицеров во время тяжелого испытания. В моем личном архиве как бесценные реликвии хранятся более десятка писем с фронта. Всякий раз, когда беру в руки эти пожелтевшие, хрупкие листки, убеждаюсь, что они действительно несут неповторимую печать своего времени. Написанные в перерывах между боями или на привале во время марша, в блиндаже или просто окопе послания с минувшей войны, естественно, не отличаются красотой почерка, изысканностью слога. Большей частью это маленький листок бумаги с текстом, написанным химическим карандашом на одной стороне и адресом на другой. Если лист был большим по размеру, то его укладывали в традиционный треугольник. В отдельных случаях солдат приобретал в военторге для своего письма стандартный листок с картинкой. В моем архиве есть такой, с горячим приветом в честь 27-й годовщины Октября. Рядом помещались высказывания великих русских писателей о... немцах. В частности, на конверте письма, которое держу сейчас в руках, слово «предоставлено» М.Е. Салтыкову-Щедрину. Все венчает призыв «Смерть немецким оккупантам!». Чуть ниже – черная печать военной цензуры.

В большинстве своем погибли геройской смертью авторы посланий, нет в живых родственников и друзей, которым они адресовались. Только остались письма с передовой, осталось живое, ис-

креннее слово о минувшей войне. «Жди меня и я вернусь»... симоновская поэтическая строка стала лейтмотивом многих писем фронтовиков, которые адресованы их родным и близким, ожидавшим отцов, мужей, желанных, любимых с войны живыми и невредимыми...

«Дорогие, – пишет, обращаясь к родственникам, проживавшим в деревне Чернетово Брянского района, пехотинец, младший сержант Иван Демочкин, – сильно не беспокойтесь, потому что я все равно вернусь живым или раненым, а если моя судьба такая, то погибну в боях за нашу прекрасную Родину...»

Иван Дмитриевич Демочкин родился в мае 1926 года в деревне Чернетово Брянского района тогда Орловской области, расположенной на правом живописном берегу реки Десны. Окончил восьмилетку в соседнем поселке Сельцо. А вскоре, после изгнания гитлеровцев из родного края его позвала в дальний путь повестка из военкомата. В родные края полетели треугольники солдатских писем. За время службы Ивана в дом Демочкиных почтальон принес восемь его посланий. Скупые на эмоции, простые по слогу, солдатские письма нельзя читать без волнения. В них цвет, запах, звук того времени...

«Здравствуйте дорогие родители, отец, мать, и братишка Шурик. В первых строках своего письма сообщаю, что я жив-здоров и того вам желаю. Дорогой отец, ты на меня не обижайся, что долгое время не писал вам писем. Ты должен сам знать, что дело наше военное, мы все время находились в пути. Папаша, ты мне напиши, как у вас там дома...

Я еще вас прошу: обо мне сильно не беспокойтесь. Бог даст, может война скоро окончится, и тогда мы с вами увидимся, – выражал надежду солдат в своем письме от 3 марта 1944 года. – Передаю вам последние новости. Нашими солдатами взяты города Новгород, Дно и тысячи населенных пунктов. Немецкая свора, которая хотела поработить русский народ, скоро будет разбита наголову».

«Добрый день, дорогие родители, отец и мать, и дорогой братишка Шурик. Папаша, я был ранен в левую руку, но сейчас она у меня совсем здорова и я ею могу все делать. Сейчас я нахожусь недалеко от города Рославля и учусь на красного сержанта. Дорогой отец, напиши, какие у вас новости и кем ты работаешь в колхозе – это все меня интересует», – просил боец в другом своем письме от 25 апреля 1944 года.

«...Передаю всем-всем горячий красноармейский привет. Во-первых, сообщаю, что я ранен и нахожусь в госпитале. Ранило меня

26 мая. Дорогие родители, сильно не беспокойтесь, ибо раны мои стали заживать и я чувствую себя гораздо лучше.

Был в прекрасной нашей столице в городе Москве, где меня все очень поразило...», – делился впечатлениями воин в письме от 14 июля 1944 года».

«...Это письмо пишу утром 30 августа перед отъездом из госпиталя. Дорогие родители, раны мои зажили, здоровье хорошее. Становлюсь в ряды доблестной Красной армии. ...Теперь еще сообщу, что по всей Белоруссии, где был немец, видны его злодеяния: сожженные села, разрушенные города, тысячи застреленных и замученных советских граждан – стариков, женщин и детей, но за все это враг понесет заслуженную кару», – обещал младший сержант Иван Демочкин в своем очередном письме от 8 сентября 1944 года. «Дорогие родители, пишу это письмо из далекого края. Нахожусь на «передке», где и бьем фашистского зверя до последнего его разгрома. Пишите, что у вас нового. Всего вам счастливого и хорошего», – желал своему ближайшему окружению молодой защитник в послании от 18 января 1945 года, словно предчувствуя что-то. Солдатский век пехотинца, находившегося на переднем крае или «передке» был короток. За две-три атаки противник выбивал целые отделения, взводы, а случалось роты и батальоны. Это письмо И. Демочкина из Пруссии стало последним. Следом пришла похоронка. «Ваш сын, – сообщалось в ней, – младший сержант Демочкин Иван Дмитриевич, находясь на фронте, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб. 8 февраля 1945 года похоронен».

Федор Сомкин: «Трудностей не боюсь…»

Федор Сомкин был одним из сыновей в большой крестьянской семье, проживавшей в селе Страшевичи Жирятинского района. Отца Фрола Григорьевича не стало за год до начала войны, а мать с сыновьями и дочерьми вынесла все тяготы фашистской оккупации. Им и адресовано письмо старшего сына, который вначале учился в школе, затем работал в местном колхозе «Пятилетка». В августе сорок первого Федор был призван в армию. Кстати, у данного фронтового письма интересная биография. Отправить его родным молодому офицеру было нельзя, ибо на родной земле еще хозяйничали фашисты. Потому свое послание с фотографией он оставил у Марии Михайловны Куликовой из села Березова Чапаевского района Саратовской области. Она, в свою очередь, переслала его на Брянщину. Родственни-

ки Федора Сомкина хранят в своих сердцах великую благодарность к этой женщине, сохранившей для них дорогую память, в письме, датированном 2 мая 1943 года, их сын и брат, выпускник офицерского училища (по ускоренной программе), писал: «...Добрый день, многоуважаемые родные! Всем вам шлю командирский привет и всего хорошего. Мама, перед отъездом на фронт я решил написать вам. Завтра уезжаю в район боевых действий, приближать час освобождения нас от гитлеровских захватчиков. Трудностей не боюсь, ведь я уже побывал на фронте и бил фашистских гадов».

Виктор Кочергин: «Жарко бывает в боях...»

Нет на нашей многострадальной брянской земле семьи, которая бы в годы минувшей войны не потеряла мужа, сына, дочь. В дом жительницы поселка Пятилетка Анны Филипповны Кочергиной оно постучалось трижды. Ушли на фронт и погибли в боях сыновья Иван, Виктор, муж Андрей Маркович. При жизни, а Анна Филипповна умерла в 1984 году, она часто просматривала полученные от них письма, подолгу читала солдатские треугольники.

К сожалению, таких армейских посланий держала она в руках не так много. Более других сохранилось от старшего сына Виктора. Обращаясь к матери и младшим братьям, в письме от 23 февраля 1944 года, он писал: «Добрый день, дорогие мама и братья Коля и Вася! С приветом к вам сын и брат Виктор!

Благодарю, что не забываете. Я тоже всегда вспоминаю о вас, о доме, об отце. Много писем написал ему, но ответа не получал. Жарко бывает в боях, но мы не унываем, бьем фашистскую нечисть. Мстим за наших погибших людей...»

В другой раз, в письме от 18 июля 1944 года, обращаясь ко всем родственникам, Виктор пишет: «...В настоящее время нахожусь в госпитале в Рязанской области. Со мной вместе Коля Моряков, Васю Литвинова направили в другую часть.

Скоро поправимся и поедем бить фашистов. Часто ругаемся с врачами, но они не выписывают нас. Очень хочется встретиться с вами, но... добьем гитлеровцев, тогда и встретимся...»

Желание вырваться из госпиталя и воевать с фашистами сбылось. Об этом родные узнали из письма солдата от 7 сентября 1944 года: «...мама, сейчас я нахожусь на фронте. Уже неделю как на передовой. Вначале было страшно, а сейчас привык. Летит снаряд – и не замечаешь. Думаешь лишь о том, как разбить фрицев. Живем мечтой

как можно скорее покончить с ними и вернуться домой. Не даем ему покоя ни днем ни ночью. Берегите себя...»

К великому горю себя солдат не уберег. В одном из контратак на прибалтийской земле он погиб. О том, как это произошло, нам рассказал его односельчанин и ровесник Николай Моряков, о котором упоминается в одном из писем. Выкопав могилу, он похоронил товарища. К наспех сооруженному кресту прикрепил вырезанную из котелка табличку с выцарапанными фамилией и именем погибшего товарища...

Сергей Кочергин: «Дойдем до Берлина...»

Также жителя поселка Пятилетка Брянского района С.И. Кочергина война задела своим черным крылом. Ему довелось участвовать в разгроме гитлеровских группировок на заключительном этапе войны. О том он поведал в письме домой, датированном 10 февраля 1945 года: «Дорогая, любимая мама! Вы может на меня обижаетесь, что я долго не писал. Письма, дорогая мама, мне писать некогда. 13 января вступили в бой и громили фашистскую гадину день и ночь. Меня ранило в обе ноги, но не тяжело. Скоро опять пойдем бить фашистского зверя. Уже скоро дойдем до Берлина, осталось 70 километров».

О кровопролитных боях речь идет и в другом письме от 19 апреля 1945 года. «...Был в бою, писать письмо было некогда. Взяли в плен много фашистских гадов. Много и русских вырвали из фашистских рук. Были четыре дня на отдыхе, теперь опять вступили в бой...»

Геннадий Луговой: «Специальность моя – пулеметчик»
Вячеслав Луговой: « Нахожусь в пулеметной школе»

Жительница Брянского района Вера Денисовна Луговая в довоенное время жила и работала в одном из населенных пунктов его, воспитывала двоих сыновей. Старший из них Геннадий был призван в армейские ряды в 1943 году. Затем стал в солдатский строй младший Вячеслав. И полетели в родные края весточки от них.

«Мама, сейчас нахожусь в дороге на запад, – сообщал первый в своем солдатском послании от 13 декабря 1943 года. – Я отстал от своих, которые ушли немного вперед. Специальность моя – пулеметчик». «Немножко приболел, но это все ерунда, – по-юношески бравировал он в следующем письме. – Еще два дня побуду в санчасти и пойду воевать. Я получил награду, – медаль «За отвагу».

Не преминул Геннадий сообщить матери, в письме от 7 февраля 1944 года, и о других своих успехах: «Сейчас нахожусь в должности

командира пулеметного расчета. Мама меня приняли кандидатом в члены партии». «Здравствуйте, дорогая мама и сестра Рая! Шлю вам курсантский привет, – приветствовал родных, в письме от 24 марта 1944 года, младший сын и брат Вячеслав. – Нахожусь я в Мичуринске в пулеметной школе младшего командного состава. Скоро примем присягу и нас будут отпускать в город. Сфотографируюсь и пришлю фотокарточку...»

Эти письма передала участникам проводившейся в 70-е годы молодежной экспедиции «Никто не забыт. Ничто не забыто» ветеран педагогического труда Антонина Гуторова. К великому сожалению, больше о судьбе авторов посланий ничего не известно, но так хочется верить, что у них сложилось все хорошо. Только и можно сказать, что майора Владимира Удалова и его знакомую девушку Антонину Гуторову разлучила война. Она заставила по иному взглянуть на отношения друг к другу, оценить чувства дружеского локтя, товарищеского участия в делах и заботах друг друга. «Здравствуй, Тося! Когда прочел твое письмо, мне стало радостнее. Я давно перестал думать, что чьи-нибудь убеждения и доводы могут на меня подействовать, наверное, потому, что давно уже не имею разумного твердого друга. Как я рад, что ошибался! Признаюсь, что, получив твое письмо, хотя я и не очень ждал его, не думал найти в нем что-либо утешительное, ободряющее. Просто приятно было получить весточку от старого уважаемого друга, вспомнить все давно-давно ушедшее. Это дни чистой, светлой юности. И теперь удивляюсь, почему стал веселее, увереннее и крепче, даже не услышав, а прочитав простые слова, написанные тобою где-то за тысячу километров.

Тося, много уже лет прошло, но я тебя помню и представляю такой, какой ты была, когда вместе учились: откровенным и чутким товарищем и другом. Потому я чувствую, верю, что твои пожелания, вообще все сказанное – искренне. Это очень дорого. Это теплое участие, а не соблюдение формы вежливости. Как мало сейчас можно этого встретить.

Тося, ты просишь побольше написать о себе. Дорогая моя подруга, что же я могу тебе рассказать? Абсолютно ничего интересного. Воюем. Об этом ты, конечно, сама читаешь в газетах…»

«Тося, Вы удивлены? Да, можно быть удивленной – одно письмо, вслед за ним другое. В этом виновно мое настроение, а притом мы обещали писать друг другу чаще. Правда? Эта тоскливая осень, с постоянным дождем, вечно мокрый ходишь по солдатским траншеям и думаешь только об одном, как тяжела солдатская жизнь, и как вы-

нослив русский человек. Много дней прошло с тех пор, как я потерял возможность ощущать себя в обществе друзей в мирной, конечно, обстановке, и как-то по-особенному хочется вспомнить старое, но, увы! Война всех разогнала, связь с друзьями потеряна. Где они, что с ними, не знаю.

Спокоен фронт, молчалив и угрюм, только кое-где одиноко воют мины. Но в этом спокойствии есть что-то зловещее, дни бегут, как осенние воды холодной и широкой реки Вислы, с каждым днем приближая нас к развязке, спокойные дни сменяются бессонными ночами, маршами. И если сейчас меня отделяет от Вас одна река – чужая нам и незнакомая, то в скором времени прибавится еще и Одер...»

«С новым годом, Тося! (если первые два письма не датированы, то цитируемое поздравление было отправлено с фронта на большую землю 15 декабря 1944 года – Авт.). Пусть последние часы уходящего года унесут с собой всю горечь пережитых дней, будем надеяться, что новый год будет мирным и ясным для всего нашего народа, будем верить, что в новом году мы вернемся к созидательному труду, навсегда покончив с кошмаром военных дней...»

Завершая свой обзор, хочу сказать, что буду рад, если мне удалось таким вот образом пополнить сокровищницу эпистолярного жанра письмами с фронта, а самое главное сохранить при этом не только документальную точность, а и стилистический строй, индивидуальность речи авторов, строй их мыслей и чувств.

А.В. Сазоненко,
краевед (г. Почеп)

Применение стрелковых боеприпасов третьих стран на территории Брянской области в период боевых действий 1941 – 1943 гг.

В экспозициях музеев Брянской области в качестве экспонатов используются боеприпасы стрелкового оружия (патроны), как наиболее часто встречающиеся предметы периода Великой Отечественной войны. Типаж не ограничивается только системами СССР и Германии. Только на первый взгляд они выглядят одинаково. При детальном изучении можно обнаружить образцы иностранного производ-

ства в широком ассортименте. Как предметы, несущие информацию, они не менее интересны, чем монеты.

К сожалению, расшифровка клейм связана с определенными трудностями, что происходит из-за недостатка информации. Этот каталог, созданный на основе материалов поисковых работ, собранных в течение почти 20 лет, поможет сотрудникам музеев.

Для удобства пользования каталогом названия патронов приведены в виде формулы. К примеру, 8 X 50 R Лебель: первая цифра обозначает калибр патрона в миллиметрах, вторая длину гильзы в миллиметрах, далее дополнительная информация, тип донной части и уточнение системы. Литера R означает, что гильза имеет на донной части закраину (рант), гильзы имеющие и закраину и проточку обозначаются литерами SR, гильзы имеющие проточку дополнительной информации не имеют, только длину гильзы. Далее следует название по фамилии конструктора или по году принятия на вооружение. Калибр патронов английского производства обозначается в тысячных долях дюйма, американского производства – в сотых долях дюйма. Название фирм производителей дано на языке оригинала.

Краткая история

Как бы тщательно ни готовились СССР и Германия к войне, точно учесть расход боеприпасов по разным причинам не удалось ни одной из сторон. Поэтому для устранения дефицита обе стороны использовали боеприпасы иностранного производства.

Во время боевых действий на территории Брянской области в 1941 – 1943 годах обе воюющие стороны широко применяли стрелковые боеприпасы не собственного производства.

Для Красной армии, после неудачного начала кампании 1941 г., когда у западной границы были потеряны огромные склады боеприпасов, уже в начале осени остро встал вопрос о снабжении патронами. Еще более усложнялась ситуация после захвата немецкими войсками патронного завода в г. Ворошиловград и порохового завода в г. Шостка на Украине, а также эвакуация заводов Москвы и Тулы. Для вновь формируемых дивизий требовалось колоссальное количество оружия и боеприпасов. И если регулярные дивизии все же удавалось, хотя и не в полной мере, снабдить штатным вооружением, то для дивизий народного ополчения это уже представляло большие трудности. Тогда со складов Наркомата обороны были затребованы запасы устаревшего и иностранного оружия. Так в войска попало оружие производства Франции, Австро-Венгрии, Великобритании, Германии,

Италии, Японии – оставшееся после Первой мировой и Гражданской войн. А также оружие бывших армий Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, отчасти трофейное из Финляндии доставшееся Советскому Союзу после событий конца 30-х годов.

В подавляющем большинстве это было качественное и вполне современное оружие, но боеприпасы к нему в СССР не производились. А запасы оригинальных были ограничены, порой до нескольких обойм на винтовку. Второй источник иностранного оружия появился с началом поставок по ленд-лизу в 1941 г. из Великобритании, Канады и США. Стрелкового оружия поставлялось мало, в основном упор делался на артиллерию, танки, и авиацию. Но вся техника шла со штатным стрелковым вооружением экипажей. Так на советско-германский фронт попали оружие и боеприпасы из Великобритании и США. Очень часто оружие иностранного производства поставлялось в партизанские отряды.

Для Германии ситуация была несколько другой. Начиная с 1939 года, события развивались столь стремительно, что даже мощная промышленность Германии не справлялась с поставками боеприпасов. Поставки компенсировались захватом арсеналов оккупированных стран. Упрощало дело то, что в Чехословакии, Польше, Бельгии, Югославии патроны стрелкового оружия были аналогичны немецким. Применялись и французские, и голландские, и норвежские патроны, в основном с оригинальным оружием, как правило, для вооружения второразрядных частей, несших оккупационную службу, и коллаборационистских формирований. На территории Брянской области для несения караульной службы, для проведения карательных акций против партизан широко использовались подразделения союзников Германии – Венгрии, Румынии и Италии с собственным оружием.

В свою очередь советские партизаны часто использовали трофейное оружие этих стран.

Австро-Венгрия

8 X 50 R патроны производства Австро-Венгрии попали в Россию в качестве трофеев во время I Мировой войны. Клеймо разделено на четыре сектора, содержит информацию о фирме производителе, год и месяц производства 1914-1917 гг. Использовались дивизиями народного ополчения и партизанскими отрядами, возможно, венгерскими оккупационными частями. Применялись для стрельбы из винтовок Маннлихер образца 1888, 1890 и 1895 гг., а также пулеметов

Шварцлозе 1907 г. Встречаются клейма и иностранных производителей Франции, Италии, Венгрии и Чехословакии после 1918 г.

Бельгия

Трофейные боеприпасы бельгийской армии являлись аналогом немецкого патрона 7.92 X 57 и использовались регулярной армией Германии. Клеймо содержит информацию о фирме-производителе и год производства.

7.65 X 53 применялись для стрельбы из винтовок Маузер образца 1889, 1898, 1924 гг., а также пулеметов Браунинг М1930 и др. бельгийского производства. Использовались для вооружения оккупационных частей.

Великобритания

303 (7.7 X 56 R) английские патроны можно разделить на две категории по времени поставки.

К первой категории относятся патроны, поставленные в Россию во время I Мировой и Гражданской войн. Они датируются 1914-1918 гг. Применялись для стрельбы из винтовок 7.7 мм. Ли-Энфилд и Росс-Энфилд обр. 1914 г., ручных пулеметов Льюис 1915 г., станковых пулеметов Виккерс. Особо следует отметить произведенные в Англии 6.5 X 51 SR японские патроны, изготовленные по заказу военного ведомства России для использования в японских винтовках Арисака, в 1916-17 гг. Использовались для вооружения дивизий народного ополчения и партизанских отрядов.

Ко второй категории относятся патроны, поставлявшиеся с 1941 г. по ленд-лизу. 7.7 X 56 R использовались регулярными частями Красной армии и ограниченно авиацией, в небольших количествах поставлялись партизанам. 7.92 X 57 BESA использовались для стрельбы из танковых пулеметов 7.92 мм BESA, а поскольку являлись аналогом немецкого патрона, то использовались и в немецком трофейном оружии.

Клеймо содержит данные о производителе, тип пули и вид порохового заряда.

Венгрия

В 1931 году армия суверенной Венгрии принимает на вооружение новый патрон 8 X 56 R 31M. Он широко применялся на советско-германском фронте частями венгерской армии. В качестве трофея – партизанами. Использовался для стрельбы из винтовок Маннлихер

35М, ручных пулеметов Солотурн 31М, станковых пулеметов 34АМ. Клеймо содержит данные о фирме-производителе и год изготовления. Встречается сокращенное обозначение года, к примеру, 3 соответствует 1933 г.

Италия

Патроны Италии так же можно разделить на две категории.

Во время I Мировой войны правительство России закупило в Италии большую партию винтовок 10.35 мм. Веттерли-Витали образца 1870\87 гг. и патронов к ним. В 1941 г., когда войска испытывали острый недостаток в стрелковом оружии, эти устаревшие винтовки были затребованы со складов, и использовались для вооружения дивизий народного ополчения.

Будучи союзником Германии, Италия ввела в 1941 г. свои войска на территорию СССР. В Брянской области итальянские части использовались как оккупационные. Основной боеприпас итальянской армии был 6.5 X 52 Маннлихер-Каркано. Использовался для стрельбы из винтовок Маннлихер-Каркано 91\24, ручных пулеметов Бреда 1924, 1930 гг., станковых пулеметов Фиат-Ревелли 1914 г. Клеймо содержит данные о фирме-производителе, год производства, а так же инициалы государственного приемщика.

Латвия

Армия суверенной Латвии была вооружена преимущественно оружием английского производства. Латвийский патрон 7.7 X 56 R был аналогом английского 303 British. После присоединения Латвии в 1939 году к СССР арсеналы латвийской армии использовались в 1941 г. для вооружения дивизий народного ополчения. Клеймо содержит данные о производителе и год выпуска.

Литва

Армия Литвы вооружалась оружием немецкого и бельгийского производства. Литовский патрон 7.92 X 57 был аналогом немецкого.

После присоединения к СССР, оружие литовских арсеналов использовалось для вооружения дивизий народного ополчения, поставлялось в партизанские отряды, применялось для специальных операций НКВД. Клеймо содержит данные о производителе, год выпуска, а на поздних образцах и номер партии.

Нидерланды

Патроны 6.5 X 54 R Маннлихер, голландского производства, трофеи германской армии после 1940 г. Использовались оккупационными частями. Применялись для стрельбы из винтовок 6.5 мм. Маннлихер обр. 1895 г.

Норвегия

Патроны 6.5 X 55 Маузер, немецкие трофеи бывшей армии Норвегии. Использовались оккупационными частями и для вооружения полицейских формирований. Применялись для стрельбы из винтовок 6.5 мм. Краг-Йоргенсен обр. 1895 г. Клеймо разделено на четыре сектора, содержит информацию о фирме-производителе, год и месяц выпуска.

Польша

Польская армия в 30-е годы обладала широким спектром вооружения немецкого, австро-венгерского, российского и французского производства различного калибра. Боеприпасы бывшей польской армии после событий 1939 г. использовали обе воюющие стороны. Патроны 7.92 X 57 Маузер были аналогом немецких и широко использовались регулярными частями германской армии. Попавшие в Советский союз оружие и боеприпасы использовались для вооружения дивизий народного ополчения и партизанских отрядов. Кроме 7.92 X 57, встречаются патроны 8 X 50 R Лебель польского производства, которые постепенно выходили из употребления в начале 30-х годов, но сохранялись на складах. Клеймо содержит информацию о фирме производителе, поставщике латуни для изготовления гильзы, процентное содержание меди в латуни, чаще 67% реже 70-72%, год изготовления. Отдельно следует отметить продукцию акционерного общества HASAG в г. Скаржиско-Каменна, выпускавшуюся с подобным клеймом только в 1940 г. Позднее обозначалась буквенным кодом, подобно немецким.

Румыния

Подразделения румынской армии использовались в качестве оккупационных частей для охраны дорог и ведения боевых действий против партизан. Румынский патрон 7.92 X 57 являлся аналогом немецкого. Клеймо содержит информацию о фирме производителе, год производства, а так же обозначен калибр и тип пули. Литера «D»

обозначает, что гильза имеет два затравочных отверстия, без литеры одно.

Соединенные Штаты Америки

В декабре 1941 года Соединенные Штаты присоединились к соглашению о предоставлении помощи странам антигитлеровской коалиции (Ленд-лиз). В Советский союз стрелковое оружие поставлялось ограниченно, так как патроны, используемые в нем, с советскими не взаимозаменяемые. Но военная техника, танки, артиллерийские системы, самолеты, автомашины шли в полной комплектации со штатным вооружением экипажей и расчетов и с соответствующим боекомплектом. Таким образом, патроны 30 – 06 Спрингфилд попали на советско-германский фронт и использовались регулярными частями Красной армии. По мере возможности оружие на технике заменялось отечественным. А американское, в основном это касалось пулеметов Браунинг, перебрасывалось за линию фронта для вооружения партизанских отрядов. По этой причине патроны датируются только 1941, 1942 гг. Клеймо содержит информацию о фирме-производителе и год производства.

Финляндия

После Советско-Финской войны 1939-40 гг. небольшое количество патронов финской армии в качестве трофеев попало в Советский союз и сохранялось на складах. Осенью 1941 года эти боеприпасы выдавались бойцам дивизий народного ополчения. Финский патрон являлся аналогом советского и использовался в советском оружии. Клеймо содержит информацию о фирме-производителе и год выпуска.

Франция

Французские боеприпасы можно разделить на две категории. В период I Мировой войны Франция в больших масштабах осуществляла поставки в Россию оружия и боеприпасов. Не приспособленное к стрельбе отечественным патроном оружие в конце 20-х было снято с вооружения Красной армии и сдано на склады. В 1941 году это оружие и боеприпасы использовалось для вооружения дивизий народного ополчения и партизанских отрядов. Патроны 8 X 50 R Лебель этой категории датируются не позднее 1917 г.

Ко второй категории относятся трофеи 1940 г. После скорого поражения Франции в войне, Германии достались гигантские запасы

оружия и боеприпасов. Хотя боеприпасы были не взаимозаменяемые, французское оружие официально стояло на вооружении германских вооруженных сил. Патроны 8 X 50 R Лебель датируются 30-ми годами до 1940 г. включительно. Использовались для стрельбы из 8 мм. винтовок Лебель, обр. 1886 г., и их модификаций, а также пулеметов Гочкисс и Сен-Этьен и др. В конце 20-х годов во Франции принимается на вооружение патрон 7.5 X 54 M29, под который создавались новые системы винтовок, к примеру, MAS 36, пулеметов Шатолеро и других. Клеймо содержит информацию о производителе, поставщике латуни, год и квартал изготовления. Ассортимент представлен очень широко, около 100 фирм-производителей.

Чехословакия

После присоединения в 1939 году к Германии арсеналы чехословацкой армии были включены в систему снабжения германской армии. Чехословацкий патрон был аналогом немецкого и широко применялся регулярной армией на советско-германском фронте. Клеймо содержит информацию о производителе, год и месяц производства. Небольшое отличие в клеймении имеют филиалы фирмы Zbrojovka. Филиал в г. Брно обозначал месяц выпуска римской цифрой, а филиал в г. Поважска-Быстрица арабской. Производство боеприпасов продолжалось и после оккупации. С 1941 года клеймение было аналогично немецкому.

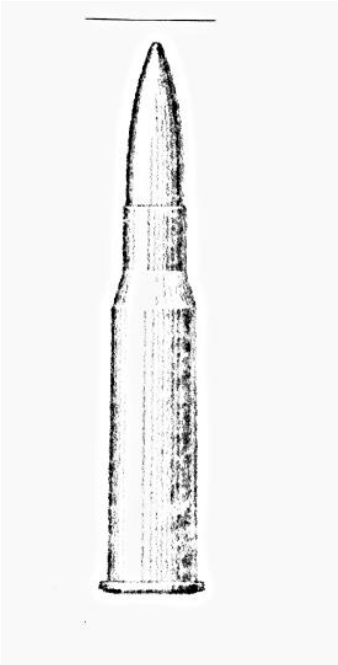
Югославия

В мае 1941 г. югославская армия была разгромлена, а ее арсеналы поступили на вооружение немецкой армии. Патроны югославского производства являлись аналогом немецких, но качество было крайне низким. По типажу клейм можно проследить всю историю развития производства патронов в Югославии в 30-е годы. Клеймо содержит информацию о производителе и год выпуска.

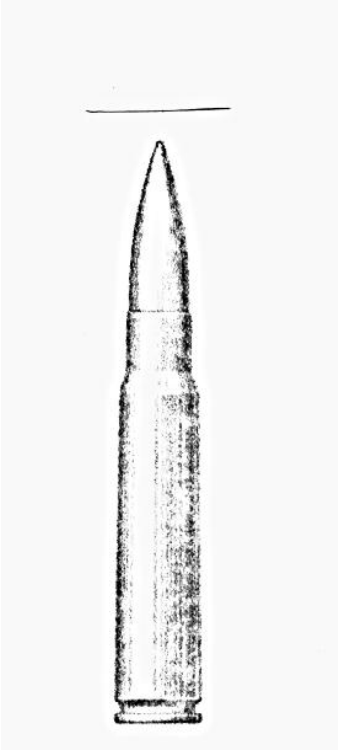
Япония

Во время I Мировой войны правительство России закупило в Японии большую партию винтовок Арисака тип 30 обр. 1897 г. и тип 38 обр. 1905 г., а также боеприпасы к ним. В 1941 году этим оружием вооружались дивизии народного ополчения. Патроны японского производства клейма не имеют.

Основные винтовочно-пулеметные патроны СССР и Германии



7.62 X 54 R
Мосин
Образец 1891 – 30 гг.
Длина гильзы 53.6 мм
Общая длина 76.9 мм



7.92 X 57 Маузер
Образец 1888 – 05 гг.
Длина гильзы 56.8 мм
Общая длина 79.7 мм

10.35 X 47 R
Веттерли – Витали
Образец 1870 – 87 гг.
Длина гильзы 47 мм
Общая длина 60 мм.

8 X 50 R
Маннлихер
Образец 1886 г. Длина гильзы 50.6 мм
Общая длина 76.2 мм

8 X 50 R
Лебель
Образец 1886 г.
Длина гильзы 50.7 мм
Общая длина 74.9 мм

303 British (7.7 X 56R)
Образец 1889 – 10 гг.
Длина гильзы 56.1 мм
Общая длина 76.7 мм

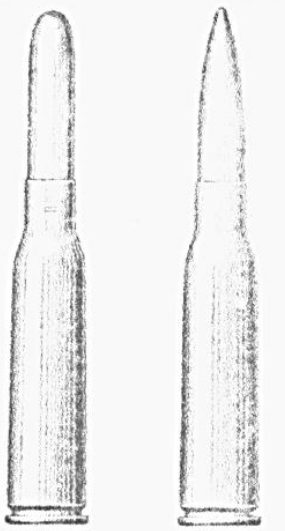
7.65 X 53
Маузер
Образец 1889 – 24 гг.
Длина гильзы 53.5 мм
Общая длина 77.8 мм

6.5 X 54 R
Маннлихер
Образец 1892 г.
Длина гильзы 53.7 мм
Общая длина 78.8 мм

Патроны третьих стран, использовавшиеся в боевых действиях на территории Брянской области в 1941 – 43 гг.

6.5 X 55
Маузер
Образец 1894 г
Длина гильзы 54.9 мм

6.5 X 52
Маннлихер – Каркано
Образец 1891 г.
Длина гильзы 52.5 мм

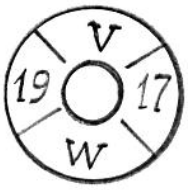


6.5 X 51 SR
Арисака
Образец (сл) Тип 30 – 1897 г.
Тип 38 – 1905 г.
Длина гильзы 50.7 мм
Общая длина 76 – 76.3 мм

8 X 56 R M 31
Образец 1931 г.
Длина гильзы 55.8 мм
Общая длина 76 мм

7.5 X 54 M 29
Образец 1929 г.
Длина гильзы 54 мм
Общая длина 76 мм

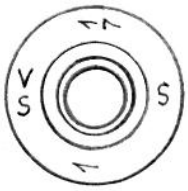
.30 – 06 (7.62 X63)
Спрингфилд
Образец 1906 г
Длина гильзы 63.3 мм
Общая длина 84.5 мм



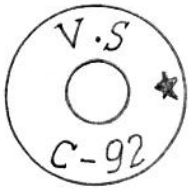
8 X 50R Маннлихер.
Производство фирмы Manfred Weiss Patronenfabrik.
г. Будапешт. Австро-Венгрия.
Произведен в мае 1917 г.

8 X 50R Маннлихер.
Производство фирмы Hirtenberger Patronen-
Zundhutchen und Metallwarenfabrik AG.
г. Хиртенберг. Австро-Венгрия.
Произведен в январе 1916 г.

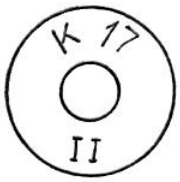
8 X 50R Маннлихер.
Производство фирмы Roth, G.
г. Вена. Австро-Венгрия.
Произведен в ноябре 1915 г.



8 X 50R Лебель.
Производство фирмы Atelier de Construction
de Versailles.
г. Версаль. Франция
Произведен в 1 квартале 1917 г.

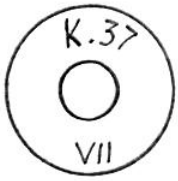


10.35 X 47R Веттерли-Витали.
Производство фирмы Pirotehnico di Capua.
г. Капуа. Италия.
Произведен в 1892 г.



6.5 X 51 SR. Тип 30. Арисака.
Производство фирмы Kynoch, Limited.
г. Бирмингем. Великобритания.
Произведен по заказу военного ведомства России в 1917 г.

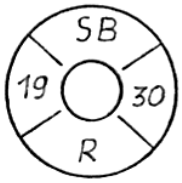
.303 British (7.7 X 56R) Британский.
Производство фирмы Ministry of Supply Factory.
г. Радвей-Грин. Великобритания.
Произведен в 1942 г.



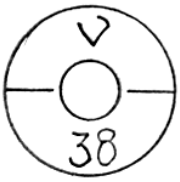
.303 British (7.7 X 56R) Британский.
Производство фирмы Kynoch Factories, Imperial Chemical Industries.
г. Бирмингем. Великобритания.
Произведен в 1937 г.

.303 British (7.7 X 56R) Британский.
Производство фирмы Royal Laboratory.
г. Вулвич. Великобритания.
Произведен в 1941 г.

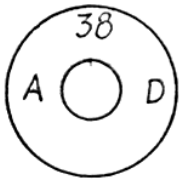
7.92 X 57 BESA.
Производство фирмы Kynoch Factories, Imperial Chemical Industries.
г. Бирмингем. Великобритания.
Произведен в 1941 г. Трассер Мк.1.



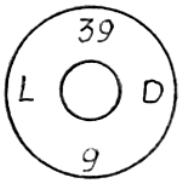
7.7 X 56 R Британский.
Производство фирмы Sellier & Bellot.
г. Рига. Латвия.
Произведен в 1930 г.



7.7 X 56R Британский.
Производство фирмы Veroks. Национализированная S.&B. С 1937 г.
г. Рига. Латвия.
Произведен в 1938 г.

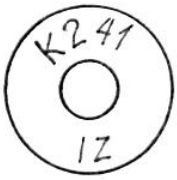


7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Artileri Dirbtuvès.
г. Каунас. Литва.
Произведен в 1938 г.



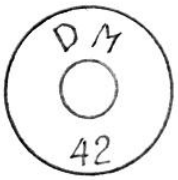
7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Linkacuai Dirbtuvès.
г. Каунас. Литва.
Произведен в 1939 г.

7.62 X 54R Мосин.
Производство фирмы Valtion Patruunatehdas.
г. Лапуа. Финляндия.
Произведен в 1936 г.

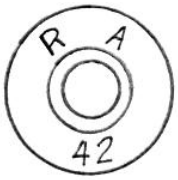


7.92 X 57 BESA.
Производство фирмы Imperial Chemical Industries.
г. Йединг. Великобритания.
Произведен в 1941 г. Тяжелая пуля Мк.1.

.30 – 06. (7.62 X 63) Спрингфилд.
Производство фирмы Lace Citi Ordnance Plant.
г. Индепенденс. Миссури. США.
Произведен в 1942 г.



.30 – 06. (7.62 X 63) Спрингфилд.
Производство фирмы Artillery factory.
г. Де-Мойенс. Айова. США.
Произведен в 1942 г.

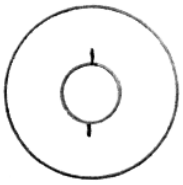


.30 – 06. (7.62 X 63) Спрингфилд.
Производство фирмы Remington arms Co. Inc.
г. Бриджпорт. Коннектикут. США.
Произведен в 1942 г.

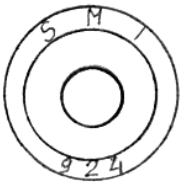
.30 – 06. (7.62 X 63) Спрингфилд.
Производство фирмы Artillery factory.
г. Денвер. Колорадо. США.
Произведен в 1942 г

.30 – 06. (7.62 X 63) Спрингфилд.
Производство фирмы Winchester Repeating Arms Company.
г. Нью-Хэвен. Коннектикут. США.
Произведен в 1942 г.

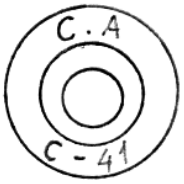
.30 – 06. (7.62 X 63) Спрингфилд.
Производство фирмы Western Cartridge Company.
г. Ист-Альтон. Илинойс. США.
Произведен в 1942 г.



6.5 X 51 SR. Тип 30. Тип 38. Арисака.
Патроны японского производства клейма не имеют



6.5 X 52 Манлихер – Каркано.
Производство фирмы Societa Metallurgica Italiana.
г. Флоренция. Италия.
Произведен в 1924 г.



6.5 X 52 Манлихер – Каркано.
Производство фирмы Pirotechnico di Capua.
г. Капуа. Италия.
Произведен в 1941 г.

8 X 50R Лебель.
Производство фирмы Pocisk, Spolka Akcyjna.
г. Варшава. Польша.
Произведен в 1929 г.

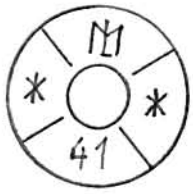
7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы P.W.U. Fabryka Amunicji.
г. Скаржиско-Каменна. Польша.
Произведен в 1934 г.

7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Pocisk, Spolka Akcyina.
г. Варшава. Польша.
Произведен в 1935 г.

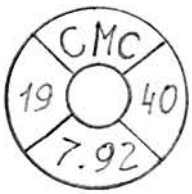
7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Norblin.
г. Варшава. Польша.
Произведен в 1937 г.

7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Hasag, Eisen-und Metallwerke G.m.b.H.
г. Скаржиско-Каменна. Польша.
Произведен в 1940 г.

8 X 56R 31M.
Производство фирмы Csepel Arsenal.
г. Будапешт. Венгрия.
Произведен в 1938 г.

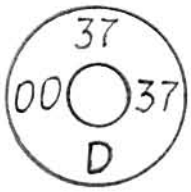


8 X 56R 31M.
Производство фирмы Magyar Loszermuvek R.T.
г. Веспрен. Венгрия.
Произведен в 1941 г.

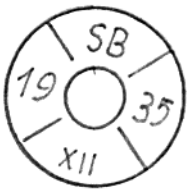


7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Uzinale Metalurgica SR di Copsa Mica.
г. Кугир. Румыния.
Произведен в 1940 г.

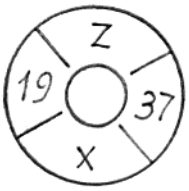
7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Pumitra Voina Societate Antonima Romana Fabrica di Armament.
г. Брашов. Румыния.
Произведен в 1940 г.



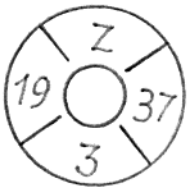
6.5 X 54R Маннлихер.
Производство фирмы Nederland Wapen & Munitiefabriek.
г. Хертогенбос. Нидерланды.
Произведен в 1937 г.



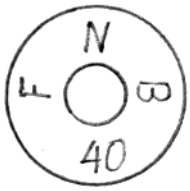
7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Sellier & Bellot.
г. Прага. Чехословакия.
Произведен в декабре 1935 г.



7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Zbrojovka.
г. Брно. Чехословакия.
Произведен в октябре 1937 г.

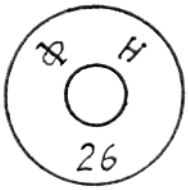


7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Zbrojovka.
г. Поважска-Быстрица. Чехословакия.
Произведен в марте 1937 г.



7.65 X 53 Маузер.
Производство фирмы Fabrique Nationale d`
Armes de Guerre.
г. Герсталь. Бельгия.
Произведен в 1940 г.

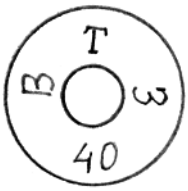
7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Fabrique Nationale
d`Armes de Guerre.
г. Герсталь. Бельгия.
Произведен в 1940 г.



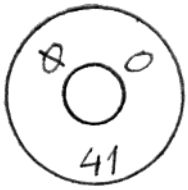
7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Fabrikue Nationale
d` Armes de Guerre.
г. Герсталь. Бельгия.
Заказ Югославии в Бельгии в 1925 – 26 гг.

7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Артиллерийско-Технический завод.
г. Крагуевац. Югославия.
Произведен в 1929 г.

7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Артиллерийско-Технический завод.
г. Крагуевац. Югославия.
Произведен в 1930 г.

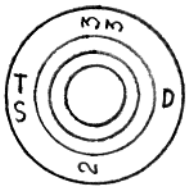


7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Военно-Технический завод.
г. Крагуевац. Югославия.
Произведен в 1940 г.



7.92 X 57 Маузер.
Производство фирмы Fabrika oruzja i municije AD.
г. Ужице. Югославия.
Произведен в 1941 г.

8 X 50R Лебель.
Производство фирмы Cartoucherie de Toulouse.
г. Тулуза. Франция.
Произведен в 1 квартале 1931 г.

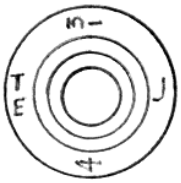


8 X 50R Лебель.
Производство фирмы Atelier de Construchion de Tarbe.
г. Тарб. Франция.
Произведен во 2 квартале 1933 г.

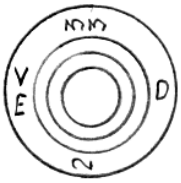
8 X 50R Лебель.
Производство фирмы Cartoucherie Panlet.
г. Марсель. Франция.
Произведен в 1 квартале 1937 г.

8 X 50R Лебель.
Производство фирмы Cartoucherie Seine.
г. Сена. Франция.
Произведен в первом квартале 1940 г.

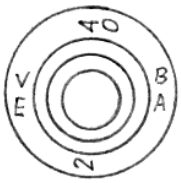
6.5 X 55 Маузер.
Производство фирмы Raufoss Ammunisjonsfabrikker.
г. Рауфосс. Норвегия
Произведен в июне 1920 г.



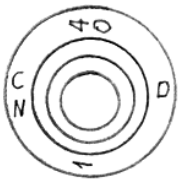
7.5 X 54 M29.
Производство фирмы Cartoucherie de Toulouse.
г. Тулуза. Франция.
Произведен в 4 квартале 1931 г.



7.5 X 54 M29.
Производство фирмы Cartoucherie de Valence.
г. Валанс. Франция.
Произведен во 2 квартале 1933 г.



7.5 X 54 M29.
Производство фирмы Cartoucherie de Valence.
г. Валанс. Франция.
Произведен во 2 квартале 1940 г.



7.5 X 54 M29.
Производство фирмы Atelier Mecanique de Normandie.
г. Шамлон. Франция.
Произведен в 1 квартале 1940 г.

7.5 X 54 M29.
Производство фирмы Gevelot et Gaupillat.
г. Париж. Франция.
Произведен в 4 квартале 1939 г.

Библиография

Жук, А.Б. Стрелковое оружие / А.Б. Жук. – М.: Воениздат, 1992. – 736 с.

Клейма на патронах и оружии: справочное пособие для экспертов-криминалистов: в IV ч. / авт.: Е.В. Шаульский, А.Г. Лебардин, П.В. Бердняк, В.А. Гуздуп. – М.: ТОО «Можайск-Терра», 1995 – 2000 с.

Лидшун, Р. Стрелковое оружие вчера / Р. Лидшун, Г. Воллерт. – Минск: Попурри, 2003. – 608 с.

Справочник по патронам, ручным и специальным гранатам иностранных армий. – М.: Воениздат, 1946. – 134 с.

German 7.9 mm. Military ammunition 1888 – 1945.

Huon, J. Military rifle and machine gun cartridges / J. Huon. – Alexandria, 1988. – 378 с.

Л.А. Терушкин,
руководитель архивного отдела
Российского НПЦ «Холокост»

Письма и дневники советских евреев периода Второй мировой войны как источник по истории Холокоста

Нацисты преследовали и убивали своих противников по политическим или религиозным взглядам; уничтожили миллионы советских военнопленных и «недостаточно лояльных «новому порядку» граждан захваченных государств Европы. Но только евреи должны были полностью исчезнуть с лица земли. Их уничтожение приняло в годы Второй мировой войны тотальный характер.

В израильской историографии трагедия еврейского народа обозначена термином Шоа (Катастрофа). Он получил достаточно широкое распространение также во Франции. Данный термин употребляется и в США. В последние годы к нему стали прибегать чаще, чтобы показать специфически еврейский характер жертв нацистского геноцида. Но Катастрофа XX века была поистине беспрецедентной, причѐм не только в истории евреев. Холокост отличался биологической основой ненависти, продолжительностью, широкой географией; числом жертв; попыткой оформить его легитимность – в отличие от стихийных всплесков ненависти. Жертвы не могли спастись, сменив веру или покинув страну, где подвергались преследованиям. Впервые

все евреи, независимо от возраста, вероисповедания, политических взглядов, места проживания были приговорены нацистами к полному уничтожению. В нацистской идеологии вина еврея была предопределена самим фактом его рождения.

В России официально признан Холокост, ведется активное изучение этой темы, сбор исторических источников, свидетельств и установка памятников жертвам. Поиск и изучение писем, дневников и других документов личного происхождения периода 1939-1945 гг. составляют одно из главных направлений деятельности Архива Российского Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост». На протяжении 20 лет эта работа ведется постоянно, прежде всего, в плане общего комплектования архива. Но последние 10 лет собирание, изучение и использование именно эпистолярных документов стало самостоятельным и целенаправленным. Они поступают в Архив НПЦ «Холокост» как в составе личных фондов, комплексов семейной переписки (предвоенные письма, письма с фронта, из эвакуации, из тыловых районов), так и отдельными, порой чудом сохранившимися экземплярами. Работа по поиску, изучению и изданию писем, дневников, фотографий и воспоминаний периода Холокоста имеет не только огромное мемориальное значение, но и большие перспективы. Тем более, нам удалось организовать тесное сотрудничество как с представителями государственных архивов и музеев, так и с еврейскими общинными и культурными центрами (Рига, Киев, Нижний Новгород, Брянск, Ростов-на-Дону, Томск, Владикавказ, Биробиджан).

В рядах Красной Армии и партизанских отрядов было около 550000 евреев. Прежде всего, нас интересовала переписка воинов-евреев с их родными и товарищами по оружию. Это основной массив сохранившихся в семейных и личных архивах писем. Сопредседатель НПЦ «Холокост» И.А. Альтман подчеркнул, что письма евреев были опубликованы в десятках сборников, но «отдельного издания – в отличие от представителей многих других народов или регионов страны – они до сих пор удостоены не были» [1; 4].

Выход в свет трех выпусков сборника «Сохрани мои письма. Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны» в 2007, 2010 и 2013 гг. [2], их широкое распространение и популяризация создали благоприятные условия для дальнейшего пополнения архива: с 2007 г. по 2014 г. из России и других государств – Германии, Израиля, Канады, Латвии, США, Украины – поступило свыше 1,1 тыс. новых документов. При этом только часть из них слу-

жила продолжением ранее переданной переписки, большинство писем и дневников принадлежало новым авторам. Живой пример, что предоставленные материалы (письма, дневники, очерки, литературные наброски, стихи, фотографии, личные вещи) не просто хранятся в фондах и коллекциях, оказался очень убедительным и продолжает работать до сих пор. Мы всегда старались найти какой-либо способ использовать поступившие документы (публикации, выставки, предоставление материалов исследователям – отечественным и зарубежным) и информировать об этом тех, от кого они поступили. Это способствовало тому, что пошла «цепная реакция» – к нам стали обращаться друзья и знакомые тех, чьи материалы изучались и использовались нами. Таким образом, Архив НПЦ «Холокост» пополнил не только существующие коллекции, но и получил еще ряд самостоятельных личных фондов.

Публикации писем способствовали тому, что некоторые их авторы, дожившие до наших дней, написали воспоминания.

Особо хочется отметить предвоенную переписку 1939-1941 гг. Здесь в письмах евреев, начавших службу в Красной Армии еще до войны, можно встретить сведения об отношении к евреям в армии, о жизни евреев там, где служили авторы писем (в частности, в Прибалтике, в западных областях Украины и Белоруссии). При изучении писем можно заметить, что нападение Германии, уничтожение еврейского населения (информация об этом постепенно распространялась, особенно среди фронтовиков) вызвали определенный всплеск национального самосознания солдат и офицеров – евреев. Во многих письмах есть строки о судьбе еврейского населения оккупированных территорий (не только родственниках), о большой ответственности воинов-евреев перед собственным народом («являясь сыном еврейского народа… я сражался с врагом, не щадя своих сил и жизни, для народного дела»). Подобные строки можно встретить в письмах даже весьма юных (18-19 лет) солдат. Хочется отметить, что многие письма имеют следы цензурных пометок (поправок) – зачеркнутые и вымаранные строки и отдельные слова. Авторы писем с фронта были весьма изобретательны в уловках, чтобы обмануть цензоров. Например, писали о себе в третьем лице, как о знакомом с указанием места службы. Многие авторы пользовались случаями, чтобы отправить письма домой не через полевую, а через гражданскую почту или с оказией. Подобные письма часто содержат весьма откровенные строки.

На фронт уходили целыми семьями – отец, сыновья, дочери. В семье Карпуль из Ростова-на-Дону воевали (и, к счастью, вернулись живыми) трое. Борис ушел на фронт добровольцем 23 июня 1941 г., а закончил ее в звании подполковника. Его брат Яков – лейтенант. Сестра Цецилия была военным врачом 3-го ранга. В письме из Ленинграда от 30 июня 1941 г. к родным в Ростов Я. Карпуль сообщал: «Ты помнишь, мама, как жили евреи при царском режиме, как топтал, угнетал, калечил и убивал этот проклятый режим нас, евреев. Разве фашизм лучше, нет, он в сто крат жесточе, более изощренней в своих издевательствах над малыми нациями и народностями. А разве наши дети, наша радость жизни могут получить толику свободной мирной цветущей жизни – нет, никогда этого не может быть. Счастье наших детей должно быть нерушимо и мы – отцы, матери, сестры и братья должны своей грудью защищать эту жизнь для них» [3].

Далее он писал: «Я с радостью подал заявление 22.06. о посылке меня добровольцем на фронт. Сегодня ночью вызвали в военкомат. На днях я пойду в гущу тех, кто рядом со мной будет отстаивать свободу нашей земли, счастье нашим дорогим детям. Как львы мы будем драться с озверевшим подлым врагом. Нет сомнения в том, что победа будет за нами, что враг будет уничтожен, что снова зацветет наша хорошая, наша прекрасная жизнь, жизнь свободных советских граждан. Десятки тысяч сынов и дочерей нашей Родины погибнут в борьбе за это счастье, в борьбе за наше правое дело – но фашизму на нашей земле не бывать, не бывать никогда, Н И К О Г Д А. Прощайте мои дорогие, любимые, жаль только, что так нам и не удалось увидеться за четыре года разлуки» [4]. Автор этого, по сути прощального письма, вероятно, хотел как-то подготовить близких к тому, что может не вернуться с войны. В других письмах Я. Карпуля стереотипы советской пропаганды причудливо сочетаются с просыпающимся еврейским самосознанием, блестяще выраженном в речи Ильи Эренбурга на радиомитинге еврейской общественности 24 августа 1941г.: «Мой родной язык – русский. Я – русский писатель. Но наци мне напомнили и другое: мою мать звали Ханой. Я – еврей».

Документы дополняют отдельные, важные эпизоды истории Холокоста. Единственное письмо эвакуировавшейся из Ленинграда на Северный Кавказ Стерны Фрейдсон написано накануне ее гибели в оккупации. [5]. Важные свидетельства о потенциальных Праведниках Народов Мира находим в письме бежавшего из плена Залмана Голубчина. Его спрятала и спасла жительница одной станицы на Кубани в 1942 г. [6].

Кроме того, в семейной переписке удалось обнаружить письма из Латвии и Литвы, отправленные родственникам в Москву и другие города СССР буквально накануне войны. Их авторы, не видевшие своих родных более 20 лет, приглашают приехать в гости, встретиться (в начале 1941 г. это было уже возможно), рассказывают о себе. Подобные письма – единственное, что осталось от этих людей.

Заведующий кафедрой математики в одном из львовских вузов Алексей Гершгорн в начале войны командовал двумя огневыми взводами. Закончил войну майором, заместителем начальника штаба 5-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. Его «Дневник сталинградца» – бесценное свидетельство непосредственного участника и очевидца событий. Первая часть дневника была начата в ноябре 1941 г. и закончена в августе 1943 г. Дневник и коллекция писем поступили от его родных из Израиля.

Приведем его фрагмент: «28 мая 1942 г. С утра вели пристрелку. Часа в 4 дня открыли беглый огонь по колонне. «Ведь несомненно, что националистическими идеями проникнуты не одни главари фашистской партии и вина за пролитую иудейскую кровь падает и на широкие немецкие массы. Ведь почти достоверно, что мои сестры погибли, и, прежде всего, за то, что они иудеи, тем не менее в груди у меня нет ненависти к немцу, как к таковому. Черт знает, что за великий народ! Даже тогда, когда на арену истории он выступает как носитель зла, и тогда он, в известном смысле, внушает к себе уважение» [7; 208].

Какое же место занимает «еврейская тема» в публикуемых документах? Действительно ли советские воины-евреи осознавали свою национальность и отношение нацистов ко всему еврейскому народу только тогда, когда оказывались в плену? Могли ли они не знать о фактах уничтожения и преследования евреев, освобождая города, где были гетто и лагеря смерти? Неужели не придавали этому значения, слушая обязательные рассказы политработников, читая с осени 1941 г. информации о Бабьем Яре, статьи И. Эренбурга, очерки А. Толстого и К. Симонова?

Большинство писем и дневников написаны в режиме «реального времени», в условиях военной цензуры и самоцензуры. На первый взгляд, они дают немного информации о еврейской самоидентификации в годы войны. Большинство авторов – молодые люди, окончившие нееврейские школы и вузы; многие – комсомольцы и члены коммунистической партии. Прежде всего – они патриоты своей страны, ненавидящие нацизм.

Первые упоминания о возможной гибели родных в оккупации можно встретить уже осенью 1941 г. «…расстреляно 150 тысяч евреев в Киеве и 300 тысяч евреев в Одессе» (из письма старшего техника-лейтенанта Михаила Биневича от 21 ноября 1941 г.) [8; 90].

А вот следующий автор сообщал о том, что видел собственными глазами. Старший лейтенант Иосиф Драхлин писал 20 апреля 1942 г.: «…за месяцы войны я побывал во многих городах, где хозяйничали фашистские звери и везде одна и та же картина, т. е. все еврейское население, которое он захватил, всех до единого он перестрелял, даже грудных детей и то они, паразиты, отравляли. И жители освобожденных городов рассказывают, что стоило только показаться на улице еврею, как сейчас его уничтожали. Если описать те ужасы, которые творили эти звери в Харькове, Ворошиловграде, Миллерове и т. д., так, по-моему, нет ни одного человека, у которого не загорелось сердце ненавистью к этим палачам» [9; 121].

В 1941-1942 гг. в письмах с фронта об уничтожении еврейского населения чаще пересказывали свидетельства очевидцев (бежавших из плена, партизан).

«Партизаны спрятали в одном хуторе красноармейца и несколько человек русских и евреев, бежавших из Литвы, Опочки. Но кто-то донес. Немцы расстреляли и сожгли всех 12 человек. Партизаны похоронили и написали на могиле: «Здесь находится прах невинных, зверски замученных и сожженных немецко-фашистскими варварами: красноармеец Корнилов Федор – 27 лет, Копиков Илья – 12 лет, Михейкина Янина – 29 лет, Михейкина Людмила – 7 лет, Михейкин Геннадий – 2 года; Гольдина Любовь – 40 лет, Гольдина Людмила – 17 лет, Гольдин Геннадий – 11 лет, Гольдина Зинаида – 15 лет; Фрумкина Фаня – 21 год, Фрумкина Жанна – 2 года, Шулькина Хася – 63 года. За ваши жизни зверь Гитлер расплатится своей жизнью. Мы отомстим!» (из письма подполковника Семена Беспрозванного от 24 апреля 1942 г.) [10; 126-127]. Подполковник С. Беспрозванный погиб 27 января 1945 г. при освобождении Освенцима.

Но в 1941 и 1942 гг. освобожденных городов было мало, Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков еще не была создана, фронтовые газеты были недоступны тыловым и формирующимся частям, не везде успевали военные корреспонденты, поэтому строки писем, свидетельствующие о преступлениях оккупантов, командиры и политработники воинских частей читали своим бойцам, а особенно ново-

бранцам, чтобы те понимали, с кем сражаются. Без чувства мести идти на смерть и побеждать было невозможно.

О судьбах родных в оккупации и политике преследования евреев прямо или косвенно упоминают не более 20% авторов. Тем ценнее те записи, которые показывают чувства и мысли о Холокосте части еврейских бойцов и командиров.

Самоидентификация упомянутого выше А. Гершгорна не вызывает сомнений. Этот дневник, пожалуй, самый «еврейский», хотя для сослуживцев бесстрашный командир-артиллерист явно свой. «А ты совершенно не похож на еврея», – сказал автору его фронтовой друг [11; 208-209]. На третий день ведения дневника, в разгар битвы за Москву, автор задумался о судьбах своего народа: «Ночью мне приснился какой-то странный и довольно грустный сон: я нахожусь в большом зале на каком-то собрании. Перед собравшимися выступает старая еврейская писательница. Она рассказывает об ужасах, которые немцы творят с еврейским населением... До утра я не спал, стараясь разрешить проклятую загадку: почему из всех народов Бог «выбрал» именно мой?» [12]. Далее он сделал удивительный для советского офицера вывод: «Ему (еврейскому народу – Л. Т.) нужна Земля, которой он, как тот великан, мог бы касаться, набираясь свежих сил» [13; 175].

Одессит Давид Гельф вспоминал осенью 1941 г.: «Сегодня видел фильм «Профессор Мамлок». Как жаль, что этих гадов мы не раздавили раньше. Как нужно жечь и убивать эту коричневую чуму – фашистов! Здесь я иногда встречаю одесситов, и глаза наливаются кровью, когда вспоминаешь о гнете и ужасах Одессы» [14].

В Архиве НПЦ «Холокост» есть письма горских евреев (татов). Среди них выделяются письма одного из основоположников советской татской поэзии Мануваха Дадашева. С 1931 по 1933 г. Дадашев учился в Москве на рабочем факультете при Московском институте философии, литературы и истории. Несколько его писем были опубликованы в газете «Дагестанская правда» в ноябре 1943 г. уже после гибели Дадашева.

В письме из освобожденного Ростова родным в Дербент он сообщал: «18.02.43. Да, товарищи, вы можете мне завидовать. Настали наконец-то дни нашего праздника, и мы, испытавшие горечь отступления в полной мере наслаждаемся нашей победой. Милый друг, я и передать тебе не могу радости и счастья, которые пережил за два дня пребывания Ростове. Нас целовали на улицах девушки, нас носили на руках. Ради одних только этих дней стоило мучиться, страдать, пере-

живать все невзгоды. Я счастлив, и только чудовищные следы зверства немцев отравляют радость победы. Они разрушали все. В зоологическом саду 14 тысяч расстрелянных евреев Ростова. Я видел, и в ненависти сжимал кулаки. Женщины и дети, дети, дети… Было только желание у нас отомстить! И было только утешение – это трупы немцев, которые мы видим повсюду. Целые горы трупов. Я видел, как на некоторых из них вездесущие ростовские мальчики укрепили язвительные таблички: «Завоеватели Ростова!» Видел, как труп фрица грызли собаки. Смотрел и радовался…» [15; 203].

В письмах 1943-1945 гг. информации о событиях Холокоста, о преступлениях нацистов постепенно становится все большее и больше – фронтовики вступают на освобожденные территории СССР и Европы. Разумеется, солдаты и офицеры Красной Армии, евреи по национальности, особенно интересовались судьбами своих соплеменников. Часто уцелевшие евреи в Польше и Литве, не знавшие русского языка, только с красноармейцами-евреями могли беседовать на идиш. «Представь, встретил «вставших из гроба» 2-х евреев. Старика и 17-летнего парнишку. Из Волковысска и Белостока. То, что пережили они, не поддается описанию», – писал 18 марта 1945 г. сержант Григорий Слободкин [16].

Весьма подробное и эмоциональное письмо написал в начале февраля 1945 г. первый советский комендант уже освобожденного Освенцима (Аушвица), полковник Григорий Елисаветский. Потрясенный увиденным, он преувеличил количество жертв: «Если до сих пор мы освобождали лагеря смерти, то Освенцим можно по праву назвать «Город поголовного массового истребления невинного народа». До 15 миллионов человек они здесь истребили» [17].

С 2005 г. в Архив поступают личные фонды советских военных фотокорреспондентов. Кстати, среди них было очень много евреев. Сотрудники многих архивов, изучая и используя фотодокументы военного времени, не придавали особого значения рабочим тетрадям, записным книжкам и дневникам военных корреспондентов. А эти материалы не только содержат пояснения к фотографиям, но в них очень часто встречаются интереснейшие наблюдения и замечания, отражены незначительные на первый взгляд, но сегодня крайне интересные факты. Мой личный опыт работы с подобными источниками показал, что эти материалы не только содержат пояснения к фотографиям, но в них очень часто встречаются интереснейшие наблюдения и замечания, отражены незначительные на первый взгляд, но сегодня крайне интересные факты. Например, запись, сделанная Давидом

Минскером в Киеве сразу после его освобождения, фиксирует информацию о жизни оккупированного города, об уничтожении евреев в Бабьем Яру, полученную из бесед с местными жителями. [18]. Вероятно, это первый источник, созданный по «горячим следам», без какой-либо цензурной корректуры. Судя по записям в записной книжке Д. А. Минскера, он фотографировал Бабий Яр, но фотографии не сохранились или авторство утрачено. Военные корреспонденты были более свободны от цензуры, чем другие армейские офицеры (солдаты вообще почти не имели возможности вести дневники). Материалы (фотографии, статьи, очерки) собранные корреспондентами в срочном порядке отправлялись в редакции газет и цензурной или редакторской правке подвергались уже в процессе подготовки к печати. А черновой, рабочий материал, оставался у автора в личном архиве. К тому же корреспонденты постоянно посещали разные участки фронта, участвовали в партизанских рейдах, как, например, специальный фотокорреспондент по партизанскому движению М. А. Трахман. В своем дневнике он писал не только о боевых действиях, но и о взаимоотношениях с местным населением, о коллаборационистах, о политике оккупационных властей на Северо-Западе России и в Белоруссии. Военный корреспондент, писатель в своем дневнике чаще и подробнее обращал внимание на обстановку фронтового быта, военной повседневности.

В Архиве НПЦ «Холокост» собрано много так называемой «тыловой» переписки – по дороге в эвакуацию и обратно, на фронт, в разные города СССР, в освобожденные районы. На протяжении всех послевоенных лет этому массиву ценных документов эпохи почти не уделялось внимания. А ведь эти письма содержат порой уникальную информацию о повседневной жизни семей фронтовиков, эвакуированных и беженцев, об отношении к евреям в тылу. Письмам на фронт из советского тыла в значительно меньшей степени повезло и поскольку военнослужащие (кому повезло вернуться с войны) не всегда имели возможность их сохранить, количество источников, дошедших до современного исследователя невелико (если сопоставить с колоссальным объемом переписки военных лет). Люди стремились хранить письма тех, кто с войны не вернулся – как память, реликвию.

Огромный массив писем на фронт и внутренней (между различными городами и регионами в глубине страны) дает очень яркую картину бегства, эвакуации евреев СССР, их жизни в тылу. Официальная информация, не смотря на встречавшееся скептическое к ней отношение, и слухи о зверствах нацистов по отношению к евреям

успели дойти до городских жителей, что повышало их готовность к эвакуации и бегству. Решение должны были принимать женщины, мужчины ушли на фронт. Многие пожилые евреи не верили советской пропаганде – они помнили «хороших» немцев в годы Первой Мировой и Гражданской войны. И все же евреи составляли осенью 1941 примерно 40% всех эвакуированных.

Уже в первых письмах и дневниковых записях по дороге на фронт советские солдаты-евреи отметили впечатления о бедственном положение беженцев-евреев из западных областей СССР. В письмах и дневниках 1941-1942 гг. есть строки о судьбе еврейского населения, покинувшего оккупированные территории.

«Появился эшелон с эвакуированным населением из Западных областей. Жалкая картина. На открытых платформах плохо одетые, грязные, изнуренные эти жертвы фашистов. Большой процент евреев, исконные козлы отпущения», – записал в дневнике 3 июля 1941 г. младший сержант Лазарь Френкель [19; 20].

Уже упомянутый выше Яков Карпуль в это же время в другом письме с волнением пишет о судьбе своей жены и детей, которые поехали отдыхать к родственникам в Карачев (ныне Брянской области) и от них нет вестей.

Семейная история была едва ли не единственным источником фиксации памяти о массовых уничтожениях евреев в годы войны. Уцелевшие евреи разыскивали своих родных, пытались узнать об их судьбе, о месте гибели и захоронения. Где-то вернувшиеся с фронта и из эвакуации пытались восстановить культурную жизнь местных еврейских общин.

Особая категория писем – это сообщения соседей и друзей о гибели евреев на фронте или на оккупированной территории. Иногда они писались на обороте запроса о судьбе близких, ведь в освобожденных населенных пунктах не было даже бумаги.

«Твои родные, а мои знакомые Ратнер Соломон Григорьевич и др. не эвакуировались из г. Почепа. В марте 1942 г. их вместе с другими гражданами г. Почепа (евреями) гитлеровские звери варварски расстреляли, бросив не зарытыми в противотанковом рву против здания птицекомбината. Дом Вашего отца сгорел в Августе 1941 г.» (письмо из г. Почепа Брянской области, декабрь 1943 г.) [20]. Эти сведения важны не только для уточнения биографии авторов, но являются ценным источником сведений о Холокосте.

Война, таким образом, наложила отпечаток на судьбы миллионов советских евреев. Своим особым путем (адаптируясь к суровым

условиям, вырабатывая стратегии выживания, налаживая общение с командирами и однополчанами) прошли через нее евреи-фронтовики. «Чувство такое, – писал Виктор Раскин в 1943 г., за год до своей гибели, – словно сидишь в театре, занавес уже вспыхнул от прожекторов… Следует, правда, отметить, что мы будем не в зрительном зале, а на сцене. Многие актеры сыграют здесь в первый и последний раз. Зато спектакль грандиозный» [21].

При изучении документов военных лет мы стремимся максимально уточнить биографические сведения об авторе и адресатах, найти их фото, сведения о жизни до войны, прохождении службы, эвакуации родных. Иногда при этом случаются самые неожиданные открытия, как на фронтовых дорогах пересекаются судьбы самых разных людей (рядовых и довольно известных).

Например, мы изучали личный фонд Мирона Фуксмана. В годы войны он служил в железнодорожных войсках, во фронтовой газете. И вел переписку с Ильей Эренбургом. В письмах к Фуксману Эренбург говорил, что он работает над «Черной книгой», просил присылать материалы об уничтожении евреев. Кстати, надо отметить, что Василий Гроссман и Илья Эренбург, когда готовили к изданию «Черную книгу» в 1943-1945 гг., получили много писем-свидетельств о Холокосте. От тех, кто выжил в оккупации, от тех, кто был на фронте, от бывших партизан. Но авторы планируемой «Черной книги» собрали лишь малую часть переписки того периода. Впрочем, у них и не было такой возможности.

Переписка периода Великой Отечественной войны на сегодняшний день является практически единственным историческим источником в наименьшей степени подверженным влиянию субъективных факторов, если сравнивать с воспоминаниями послевоенного периода. Именно в переписке, созданной «здесь и сейчас», по горячим следам, отражены факты, подробности и чувства очевидцев и участников событий, которые в дальнейшем выпали из памяти, трансформировались под влиянием времени, коллективной памяти, идеологических установок.

Сегодня история Второй мировой и Великой Отечественной войны рассматриваются, конечно, совсем не так, как 20-30 лет тому назад. Но принципиальным остается отношение к преступлениям нацизма и нацистскому режиму – виновнику геноцида народов, уничтожения евреев Европы и СССР, организатора массового уничтожения мирного населения и советских военнопленных. Отношение к незыблемости принципа неотвратимости наказания за преступления

против человечности являются «лакмусовой бумажкой» взгляда на итоги Второй мировой войны. Можно проследить закономерную цепочку развития взглядов на пересмотр итогов войны и фальсификацию ее истории. Отрицание Холокоста – преуменьшение и отрицание преступлений нацизма – оправдание и освобождение от ответственности нацистских преступников и закономерный итог – объяснение и оправдание агрессивной политики гитлеровской Германии и преступлений ее режима

Источники

1. Сохрани мои письма… : сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И.А. Альтман, Л. А. Терушкин. – М. : Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2007. – Вып. 1 – 320 с.

2. Сохрани мои письма… : сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И.А. Альтман, Л. А. Терушкин. – М. : Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2007. – Вып. 1. – 320 с.; Сохрани мои письма… : сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И. В. Бродская. – М. : Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. – Вып. 2. – 328 с.; Сохрани мои письма… : сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, Е.В. Тестова. – М. : Центр и Фонд «Холокост», 2013. – Вып. 3. – 288 с.

3. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9., ед. хр. 76, л. 1.

4. Там же, ед. хр. 77, л.2.

5. Там же, «Коллекция «Холокост на территории России», ед. хр. 162, л. 1.

6. Там же. Ф.35., ед. хр. 31., л. 1.

7. Сохрани мои письма… : сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, Е.В. Тестова. – М. : Центр и Фонд «Холокост», 2013. – Вып. 3. – 288 с.

8. Сохрани мои письма… : сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И. В. Бродская. – М. : Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. – Вып. 2. – 328 с.

9. Там же.

10. Там же.
11. Сохрани мои письма… : сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, Е.В. Тестова. – М. : Центр и Фонд «Холокост», 2013. – Вып. 3. – 288 с.
12. Архив НПЦ «Холокост». Ф.10., ед. хр. 95., л. 1.
13. Сохрани мои письма… : сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, Е.В. Тестова. – М. : Центр и Фонд «Холокост», 2013. – Вып. 3. – 288 с.
14. Архив НПЦ «Холокост». Ф.9. ед. хр. 79, л. 1.
15. Сохрани мои письма… : сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, Е.В. Тестова. – М. : Центр и Фонд «Холокост», 2013. – Вып. 3. – С. 288.
16. Архив НПЦ «Холокост». Ф.9., ед. хр. 119, л.1.
17. Там же. Ед. хр. 159., л.1.
18. Там же. Личный фонд Д. А. Минскера, ед. хр. 15, л. 12.
19. Сохрани мои письма… : сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны / сост.: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И. В. Бродская. – М. : Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. – Вып. 2. – 328 с.
20. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Холокост на территории России», ед. хр. 152, л.1.
21. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1, д. 1400., л. 38.

Е.В. Трусов,
кандидат исторических наук
(г. Киев)

Героическое прошлое посёлка Алтухово

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков и их европейских сателлитов вошла в историю XX столетия как самая жестокая и кровопролитная. Война стала суровым испытанием для первого в мире государства рабочих и крестьян. Откликнувшись на призыв партии и правительства мобилизовать все силы и средства для победы над врагом, многона-

циональный советский народ проявил высокий патриотизм и поднялся на защиту своей Родины.

Почти два года (с окт. 1941 по сент. 1943 гг.) находилась под временной оккупацией территория нынешней Брянской (в то время Орловской) области, в том числе и село (ныне посѐлок) Алтухово Навлинского района. Преодолевая огромные трудности и лишения в период оккупации, не щадя своей жизни, партизаны и подпольщики, коммунисты, комсомольцы и беспартийные внесли немалый вклад во всенародную борьбу с захватчиками, спасли от фашистского рабства тысячи людей, оказали неоценимую помощь Красной Армии.

В исторической литературе, журнальных и газетных публикациях излагаются некоторые факты, касающиеся борьбы жителей села Алтухово против оккупантов, героических подвигов подпольщиков и партизан [4, 7, 9, 11, 15, 16, 19].

Вместе с тем, в книгах и публикациях о партизанском движении на Брянщине данная тема раскрыта недостаточно полно. Многочисленные примеры патриотизма, мужества и героизма, проявленные односельчанами в борьбе с оккупантами, заслуживают особого внимания исследователей истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. О них необходимо знать и помнить молодѐжи.

Патриотический подъѐм жителей села Алтухово проявился с первых дней вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Уже 23 июня по первой мобилизации, ушли на фронт более трѐхсот человек. Юноши и девушки, не достигшие призывного возраста, массово и добровольно подавали заявления в райвоенкомат с просьбой отправить их на фронт.

13 августа прошла вторая мобилизация. Более двухсот взрослых мужчин проводили на фронт. Село опустело. Из местных жителей в нѐм остались в основном женщины, подростки, старики и дети.

Ещѐ до прихода фашистов в село председатель сельского совета С.И. Аришин из числа подростков организовал группу самообороны. Юноши и девушки вели наблюдение за воздушной обстановкой, ночью патрулировали улицы, следили за светомаскировкой, проезжающим транспортом, охраняли важные объекты, дежурили у телефона. *«Председатель сельсовета Аришин Семѐн Иванович,* – вспоминала партизанка Л.Г. Гамалий, – *собирал нас, подростков 15-16-17 лет, больше было девочек, чем мальчиков и по 2 человека направлял патрулировать на улицу»* [6]. Ночные патрулирования продолжались более двух месяцев. В их организации Семѐну Ивановичу активно по-

могали комсомольцы и молодѐжь: Гамалий Людмила, Башкирова Наталья, Добрынина Татьяна, Добрынин Василий, Дроздова Наталья, Кабалин Сергей, Кукушкин Василий, Локтющенков Григорий, Юдин Михаил и многие другие. Они с оружием в руках добросовестно несли караульную службу, обеспечивая безопасность оставшихся жителей.

С началом войны райком партии в Алтухово и близлежащих к нему населѐнных пунктах наметил кандидатуры разведчиков и связных, определил явочные квартиры. Секретарѐм подпольной партийной организации в Алтухово утвердили участника Гражданской войны Ефима Егоровича Тюлюкина, который работал в школе учителем труда. Для организации предстоящей борьбы с оккупантами и их прислужниками были оставлены также Фѐдор Васильевич Блинков, Надежда Михайловна Добрынина, Гавриил Елизарович Логутов, Пѐтр Григорьевич Лопатин. В Крапивне, куда входил и населѐнный пункт Красный Пахарь, подпольную работу вѐл председатель сельсовета Алексей Иванович Чичерин. В Шешуево по рекомендации райкома партии для ведения подпольной работы утвердили председателя колхоза Петра Тимофеевича Нестерова и учѐтчицу материалов Алтуховского лесопильного завода Варвару Федотовну Филонову.

С каждым из них лично беседовал секретарь райкома партии Александр Васильевич Суслин. Члены партии вели разъяснительную работу с населением и готовили его к предстоящей борьбе с врагом.

Суровая обстановка военного времени выявила замечательные организаторские способности и патриотизм не только мужчин, но и многих молодых женщин и девушек. Очень хорошо, например, зарекомендовала себя выпускница Алтуховской средней школы 1938 г. Липа Карпова. Ещѐ в школе ярко проявились еѐ принципиальность, железная воля, умение сплотить вокруг себя молодых людей. Не случайно в 1940 г. еѐ избрали секретарѐм Навлинского райкома комсомола. Карпова была замечательным вожаком и умелым организатором молодѐжи. Еѐ имя носила средняя школа, в которой она училась до войны. В Алтухово одна из улиц также названа в еѐ честь.

После решения партийных органов о создании подполья она лично обошла все населѐнные пункты района, связалась с комсомольскими активистами, подобрала самых надѐжных, смелых и решительных для подпольной работы. В Алтухово ей давно приглянулась молодая учительница Шура Комогорова, которую утвердили секретарѐм подпольной комсомольской организации села. В помощь Комогоро-

вой оставили ещѐ пять комсомолок: Таню Добрынину, Марию Крѐтову, Наташу Башкирову, Валю Борякину и Женю Лопатину.

Однажды секретарь подпольной партийной организации села Е.Е. Тюлюкин поручил Шуре Комогоровой организовать сбор оружия, оставленного окруженцами в окрестных лесах и болотах. Комсомольцы оперативно откликнулись и за несколько дней нашли восемь станковых пулемѐтов, много гранат, винтовок и патронов. Всѐ это они спрятали в надѐжном месте, а когда потребовалось, то часть оружия и боеприпасов передали партизанскому отряду «Смерть немецким оккупантам».

После оккупации в селе отсутствовала связь, молчало радио, не доставляли газеты, люди жили одними слухами. Для выяснения обстановки Ефим Егорович послал на разведку в Навлю и Локоть двух друзей – комсомольцев Толю Ковалѐва и Федю Полубехина. Разведчикам удалось добыть ценные сведения о передвижении немецких войск, оставленных ими прислужниках и благополучно вернуться обратно.

Действенную помощь секретарю подпольной партийной организации села оказывала Надежда Михайловна Добрынина (до замужества Кенигшатц). До войны она работала учительницей начальных классов в Алтуховской средней школе, там же вступила в ВКП(б). Пользовалась авторитетом и уважением в коллективе учителей, среди школьников и местных жителей. С началом войны стала членом подпольной партийной организации села. Надежда Михайловна собирала сведения о предателях, о передвижении по станции немецких эшелонов, агитировала красноармейцев из числа окруженцев уходить в партизаны. Она постоянно поддерживала связь с Е.Е. Тюлюкиным, Варей Филоновой, другими подпольщиками и через них передавала нужные сведения для подпольного райкома партии.

В октябре в Алтухово находилось большое количество красноармейцев, командиров и политруков из 3-й и 13-й армий, выходивших из окружения. Среди них был и сын Е.Е. Тюлюкина – Василий, политрук Красной Армии. Эти люди, имеющие опыт ведения боевых действий с противником, являлись хорошим кадровым резервом для партизанских отрядов.

Через несколько дней в целях выяснения обстановки в село с небольшой группой партизан приехали председатель райисполкома М.А. Мирошин и Г.К. Афонин. Собрались с руководством и активом села на квартире у мельника Е.В. Козеева. Обсуждали текущие задачи, меры противодействия оккупантам, а также вопрос об организа-

ции местной группы самообороны. Командиром группы назначили кадрового офицера В.Е. Тюлюкина.

Первоначально в группу самообороны села добровольно вошли 35 человек. Затем стали вступать и другие жители. Члены группы неоднократно ходили в разведку в Локоть, устраивали засады на лесных дорогах, нападали на небольшие гарнизоны в соседних сѐлах и деревнях, уничтожали старост и полицаев. Так, в деревне Святое (ныне Партизанское) самооборонцы под руководством политрука В.Е. Тюлюкина ликвидировали старосту.

В Шешуево М.А. Мирошин также организовал группу самообороны, куда записалось 30 человек. Командиром назначили коммуниста Ф.Т. Нестерова, а его заместителем – секретаря парторганизации лесопильного завода В.Ф. Филонову. Вскоре члены группы, среди которых находился и юный разведчик Федя Полубехин, вместе с партизанами напали на немецкую охрану и отбили 17 подвод с продовольствием, одеждой, что предназначались для локотских властей [5, 202]. Позже Ф.Т. Нестеров и другие члены группы совместно с партизанами из отряда «Смерть немецким оккупантам» участвовали в разгроме хорошо укреплѐнного немецкого гарнизона в районном центре – посѐлке Навля.

В начале ноября 1941 г. в селе Салтановка на явочной квартире участника 1-й мировой войны, кавалера четырѐх Георгиевских крестов, Михаила Галактионовича Голощапова состоялась первая рабочая встреча Шуры Комогоровой, Липы Карповой и секретаря подпольного райкома партии Александра Васильевича Суслина. Он рассказал, что нужно делать и с чего начинать, предупредил о трудности и опасности подпольной работы, необходимости роста и укрепления рядов комсомольского подполья, подбора людей в группы самообороны и в партизанские отряды. В качестве главной поставлена задача ведения агитационной работы среди населения.

В Алтухово Шура возвратилась с листовкой «Что принесли нам фашисты?» Потом она неоднократно ходила за листовками в Салтановку. Комсомолка Таня Добрынина на конспиративной квартире регулярно слушала по радиоприѐмнику передачи из Москвы, а затем вместе с другими алтуховскими подпольщицами старалась как можно скорее и подробнее донести правдивую информацию до своих односельчан [2, 232].

Ночами молодая учительница Валя Савешкина, члены подпольной комсомольской организации Таня Добрынина, Зина Комогорова, Женя Лопатина переписывали сводки Совинформбюро, воззвание

райкома партии к населению и расклеивали их по всему селу. Для жителей, оторванных от жизни района, области, страны, узнать правду о Красной Армии, еѐ успехах в оборонительных сражениях на подступах к Москве, было жизненной необходимостью.

Особенно тщательно молодые патриоты готовились встретить очередную годовщину Великого Октября. Продумали план, назначили ответственных за каждый объект. В ночь с 6 на 7 ноября комсомольцы-подпольщики на здании сельсовета и средней школы вывесили красные флаги, а в центре села красовалось алое полотнище с призывом: «Да здравствует 24-я годовщина Великого Октября!» Красные стяги развевались также и в Шешуево, и в Крапивне. Люди сразу почувствовали, что они не брошены, а на территории района действует Советская власть.

К Шуре Комогоровой стали чаще приходить девчата и просить конкретные задания. Таня Добрынина, Мария Крѐтова, Зоя Никитенкова, Наташа Башкирова не раз спасали раненых красноармейцев, лесными тропами выводили к партизанам бойцов, оказавшихся в окружении. Девчата собирали в лесу оружие и боеприпасы.

В конце декабря в село нагрянули каратели. Они искали коммунистов и партизан. Ворвавшись в дом Ефима Егоровича Тюлюкина, схватили хозяина, забрали имущество и скот. Арестовали сестру его жены Анны Егоровны – Марию Егоровну Козееву-Наврацкую и некоторых других подпольщиков. Патриоты мужественно перенесли издевательства и пытки в немецком штабе, никого не выдав.

На рассвете их привели на казнь. Собралось много односельчан, родственников. *«Всех не перебьѐте, нас много, миллионы!»* – крикнул Ефим Егорович, изнемогающий от боли после пыток. Плюнула в лицо офицеру комсомолка Мария Козеева. На грудь казнѐнным карателі прикрепили дощечки с надписью: «Так будет с каждым, кто против нас». Забрав имущество сельчан и спалив 15 домов, они поспешно удалились [5, 203].

Вечером 5 января 1942 г. взвод партизан из отряда «Смерть немецким оккупантам» прибыл в Алтухово с целью ликвидировать старосту С. Дроздова. В темноте они подобрались к дому предателя. Расставив охрану, партизаны вошли в дом старосты, не предполагая, что за перегородкой находились его помощник А. Воронин и другие полицаи. Староста пытался оказать сопротивление, но Федя Полубехин выбил у него пистолет. Полиция завязала перестрелку, в ходе которой староста получил серьѐзное ранение.

Не всем патриотам удалось тогда уйти. Выстрелом из-за двери разрывной пулей Воронин ранил в руку Федю. Его, истекающего кровью, перевязала санинструктор Женя Лопатина, которая участвовала в этой ночной операции. Партизаны Павел Ладонкин, родом из Сибири и Иван Казаков из местных жителей, решили на лошади отвезли Федю домой, чтобы он не умер по дороге от потери крови. На обратном пути их схватили полицаи и жестоко пытали. Павел никого не выдал и был убит. Иван же, будучи другом Фѐдора, не выдержал пыток… и вскоре полиция нагрянула в дом Полубехиных. Раненого юношу долго допрашивали, жестоко избивали, но он мужественно перенѐс нечеловеческие муки и никого не выдал. Родным удалось спасти его, однако и самим пришлось покинуть Шешуево [18, 32-33].

На рассвете 14 января карательный отряд численностью около двухсот человек с трѐх сторон напал на шешуевскую группу самообороны. Партизаны оказались под угрозой окружения. Завязался жестокий бой. Основная часть бойцов во главе с командиром прорвала окружение и успела отойти в лес, оставив убитыми восемь немецких солдат. Карателям удалось уничтожить группу прикрытия и захватить в плен истекающую кровью и обессиленную Варвару Филонову. Еѐ привезли в штаб, долго пытали, но так и не вырвали у неѐ признания о местонахождении и численности отряда. Не помогла карателям и очная ставка с еѐ задержанными подругами: Марией Бухаревой, Ольгой Гарбузовой и родной сестрой Верой. Полураздетую, босую женщину палачи долго возили в санях по улицам Алтухово и Крапивни, угрожая населению такой же расправой.

К вечеру, в 30-градусный мороз, еѐ привезли в родное Шешуево. На глазах расстреляли мать и отца, бросили в дом и подожгли. Варю повесили на арке ворот. На шею ей нацепили табличку с надписью: «Петля и пуля ждѐт всех партизан». Перед казнью гнетущую тишину нарушил голос Вари: *«Люди, не бойтесь фашистов: всех нас не перебьют. Идите в партизаны. Да здравствует Родина!»* [18, 241]. Каратели запретили снимать труп. 18 суток висело обескровленное тело Вари, пока не пришли партизаны.

Так геройски погибла отважная патриотка, храбрая разведчица Варвара Филонова, повторив подвиг Зои Космодемьянской. Еѐ именем названа одна из улиц в Шешуево.

В начале 1942 г. на базе отрядов самообороны началось повсеместное создание новых партизанских отрядов. Один из таких отрядов был сформирован 28 февраля и в Алтухово. Это важное событие

знаменовало собой новый этап самоотверженной борьбы жителей села с немецко-фашистскими оккупантами и их прислужниками.

Основу партизанского отряда составили члены подпольных партийной и комсомольской организаций села. Так, например, учительница Надежда Михайловна Добрынина возглавила партийную организацию отряда, которая по состоянию на 28 февраля 1942 г. насчитывала 35 членов и 17 кандидатов в члены ВКП(б). Из числа комсомольцев первой зачислили в отряд секретаря подпольной комсомольской организации Шуру Комогорову. Комсомольцев в отряде насчитывалось 52 человека.

Среди патриотов-добровольцев были люди разных профессий и возраста. Так, в день создания отряда в него вступил уроженец села, рабочий Гавриил Трифонович Хапров, 1901 г. рождения. Он сдал в отряд 56 винтовок и 12 тысяч патронов, собранных им в лесу. С первого дня в отряде находился Иван Васильевич Сайченко, 1908 г.р., ранее работавший начальником погрузочно-разгрузочных работ на железной дороге. Его сразу назначили командиром одного из взводов.

Одними из первых среди молодѐжи с просьбой принять их в партизанский отряд обратились к командиру братья Кучурины: Пѐтр, Виктор и Александр. По собственной инициативе они собрали в местах прошлых боѐв 15 винтовок, 15 противотанковых гранат, 30 бутылок с горючей смесью, миномѐт и более тысячи патронов [5, 205].

Пѐтр и Виктор Кучурины быстро освоили подрывное дело. Уже через два месяца они научились делать мины, а позднее и самостоятельно пускать под откос вражеские эшелоны с техникой и живой силой.

С первых дней создания отряда в него вступили два неразлучных друга Виктор Поздняков и Дмитрий Супонин. Эти юноши также быстро научились подрывному делу.

В отряд вступали и целыми семьями, например, Добрынины, Логутовы, Лопатины, Полубехины, Тюлюкины и другие.

В непримиримую борьбу с врагом включились десятки алтуховских девушек и женщин. Вместе с секретарѐм подпольной комсомольской организации в отряд в качестве бойцов вступили многие девушки и молодые женщины из числа комсомольцев. Они добросовестно изучали оружие, правила стрельбы из него, несли боевое дежурство по охране родного села. Среди них были Наташа Башкирова, Валя Беленчикова, Таня Добрынина, Валя Кабалина, Ольга Кабалина, Полина Климова, Зина Комогорова, Лида Лукутина, Лида Логутова, Нина Мошкарова, Наташа Плискунова, Шура Подымалкина, Валя

Савешкина, сѐстры Александра, Анна, Мария Тюлюкины, Аня Холодова, Зина Юрасова и другие.

Многие местные жители по разным причинам самоотверженно сражались с врагом и в других отрядах. Например, Александр Ермаков, Александр Логутов воевали в партизанском отряде «За Родину», Николай Исаев – в отряде им. Пархоменко, Федот Давыдов – в отряде им. Ворошилова, Дмитрий Бобовский – в отряде «Большевик», Степан Луговец, Сергей Кугукин – в отряде им. Жданова, Михаил Грачѐв – в отряде им. Калинина, Николай Бусленко, Георгий Губин, Анастасия Козеева, Виктор Кабалин, Афанасий Корпусов, Пѐтр Климов, Пѐтр Лопатин, Катя Полубехина – в отряде Ф.Е. Стрельца. И это далеко не полный список односельчан и партизанских отрядов, в которых они храбро боролись с оккупантами.

Ранее упомянутые С.И. Аришин, В.Е. Тюлюкин, а также Александр Баранов, Егор Кукушкин, Фѐдор Нестеров, Павел Логутов, Григорий Гарбузов, Григорий Щербаков, Валентин Рожков и многие другие громили врага в головном отряде «Смерть немецким оккупантам». Так, например, с февраля по май 1942 г. Василий Тюлюкин по заданию командования отряда с группой партизан возглавлял оборону деревни Рябчѐвка и большака Синезѐрки – Пролысово. За этот период группа уничтожила 15 мадьяр и 4 немецких солдата, охранявших железную дорогу на участке Стяжное – Синезѐрки. Позже диверсионная группа В.Е. Тюлюкина на участке железной дороги Брянск – Выгоничи спустила под откос два вражеских эшелона с живой силой и техникой.

Уже в марте 1942 г. в Алтухово реяли красные флаги и фактически действовала Советская власть. Село жило единым боевым лагерем. Практически все, кто мог носить оружие, находились в группах самообороны и партизанских отрядах.

8 марта в клубе села проводилось торжественное собрание, посвящѐнное Международному женскому дню. За столом президиума разместились П.Г. Лопатин – секретарь партийной организации отряда Ф.Е. Стрельца, учительница Н.М. Добрынина – секретарь партийной организации Алтуховского отряда, О.Е. Карпова – секретарь подпольного райкома комсомола, О.Б. Янбулатов – командир партизанского отряда им. Берия, В.П. Бобылев – комиссар отряда, А.Г. Комогорова – секретарь подпольной комсомольской организации села.

Н.М. Добрынина выступила с докладом, в котором привела множество примеров героизма и самоотверженности женщин и девушек в борьбе с врагом. От имени жителей села она вручила парти-

занскому отряду Красное знамя. Принимая это знамя, командир и комиссар отряда заверили алтуховцев в том, что они свято пронесут его через все бои и невзгоды.

С обращением вступать в ряды партизан, бить ненавистного врага и приближать час победы перед собравшимися выступила Липа Карпова. В заключение торжественного собрания единодушно приняли резолюцию о создании женского партизанского отряда. Женщин и девушек, желающих вступить в ряды народных мстителей, оказалось много [12, 332-333].

После торжественного собрания состоялось заседание штаба партизанского отряда. Решался вопрос о наступлении совместно с другими отрядами на сильно укреплѐнный полицейский гарнизон в селе Дубровка Брасовского района. Командование отряда планировало пойти в бой с одними мужчинами, но под натиском девчат отступило. В качестве санинструкторов отобрали 11 самых смелых девушек.

Бой 9 марта 1942 г. под Дубровкой стал серьѐзным испытанием для молодого партизанского отряда. Несмотря на нанесѐнные врагу потери, бой с самого начала для партизан сложился неудачно. Бывшая партизанка Татьяна Добрынина, получившая тогда ранение, позднее вспоминала: *«Первой была убита отважная Маруся Крѐтова. Она выносила раненых из боя. Затем пала наша сандружинница Наташа Плискунова. Перенося муки, стойко вели себя сѐстры Зоя и Шура Никитенковы. Они во время выноса раненых были схвачены фашистскими палачами и казнены»* [8].

Всего в этом неравном бою погибло 49 человек, в числе которых командир отряда О.Б. Янбулатов, бойцы Полина Губанкова, Илья Дроздов, Василий Кабалин, Сергей Кукушкин, Василий Коготков, Андрей Комагоров, Иван Костюков, Семѐн Корпусов, Григорий Крѐтов, Александра Мухина, Григорий Носов, Михаил Остолопов, Григорий Павловский, Василий Парфѐнов, Пѐтр Поляков, Андрей Пурыгин, Николай Сафонов, Александр Тюлюкин, Матвей Урвачѐв, Пѐтр Ухов, Антон Цупряков и многие другие.

Создание партизанского отряда в Алтухово активизировало работу комсомольской организации села, еѐ ряды значительно пополнились. К апрелю 1942 г. на учѐте в комитете комсомола состояло 162 человека. При непосредственном участии Липы Карповой и Шуры Комогоровой формировалась группа самообороны из девушек, куда вошло 225 молодых девчат 15-19 лет, горевших желанием с оружием в руках бороться с врагом. Из них более 160 девушек прошли курсы

ГСО («Готов к санитарной обороне») и вооружились санитарными сумками [5, 236-237].

После боя в Борщѐво и в Дубровке Брасовского района в партизанский отряд пришли ещѐ 72 девушки. Стало возможным создать женский взвод, командиром которого была назначена Шура Комогорова. Политруком взвода утвердили Наташу Башкирову. Взвод состоял из 60 человек. Обязанности командиров отделений в разное время добросовестно исполняли Люда Гамалий, Валя Гуляева, Юля Долгова, Валя Кабалина, Женя Лопатина, Зина Юрасова и другие девушки.

Вскоре организовали и второй женский взвод. В него зачислили девчат из села Крапивня, деревни Шешуево и той части села Алтухово, что расположена возле железнодорожной станции. Командиром этого взвода назначили Полину Климову, которая перед войной успешно закончила среднюю школу и мечтала поступить в Московский пединститут. Политруком взвода стала Лида Легкова. Отделениями командовали Валя Беленчикова, Аня Хапрова, Аня Холодова.

25 марта отряд в количестве 275 человек, включая женские взводы, успешно разгромил полицейский гарнизон в населѐнном пункте Красный Колодец Брасовского района. В этом бою особенно отличились партизаны В.А. Гупайлович, И.В. Сайченко, Б.П. Соколов, П.И. Колесников, Л.П. Комягин, политруки взводов Наташа Башкирова, Лида Легкова, медсестра Тоня Машурова и многие другие.

29 апреля партизаны отряда «Алтуховский» успешно отразили очередное нападение карательной экспедиции немцев на село Алтухово и деревню Шешуево. Девушки тоже принимали активное участие в этом бою.

Вскоре добрая молва о партизанском отряде, где находилось много женщин и девушек, разнеслась далеко за пределами Алтухово.

В мае 1942 г. по просьбе представителя Орловского обкома партии Дмитрия Васильевича Емлютина с Большой земли специально для девушек прислали военное обмундирование. Вскоре в партизанский отряд прибыл кинооператор И.Н. Вейнерович. Он снял документальный фильм «Быль легендарного леса», где зафиксированы эпизоды занятий по военной подготовке взвода девушек, одетых в новую военную форму.

В борьбе с сильным и коварным врагом партизаны использовали все средства, но совершенно особая роль отводилась искусству. Русская земля всегда славилась талантливыми людьми, умеющими

петь, плясать, играть на музыкальных инструментах, сочинять и декламировать стихи. Такие люди были и в партизанских отрядах.

С этой целью в марте 1942 г. по предложению Липы Карповой Навлинский подпольный райком партии принял постановление «О создании постоянно действующей агитбригады», задача которой состояла в том, чтобы поднимать настроение партизан и населения.

Руководством и подбором участников агитбригады руководил Владимир Вячеславович Наврацкий, до войны работавший учителем пения в Алтуховской средней школе. Не случайно, видимо, в коллектив агитбригады он принял многих питомцев этой школы. Среди них были Паша Шатрова, Валя и Шурик Савешкины, Слава Гарбузов, Женя Лопатина, Аня Барбосова, Валя Остолопова, Люда Губина. Из окруженцев в агитбригаду взяли Женю Нусова. Талантливых молодых людей нашли и в других партизанских отрядах.

Только за 8 месяцев 1942 г. агитбригада прошла по тылам врага около двух тысяч километров, обслужила 20 партизанских отрядов, расположенных в Навлинском районе, в том числе и в Алтухово, побывала у суземских, выгоничских партизан, выступала в отрядах Героя Советского Союза генерал-майора М.И. Дуки, Героя Советского Союза М.П. Ромашина, посетила более 95 временно оккупированных населѐнных пунктов. С мая по октябрь 1942 г. дано 240 концертов. Программы выступлений агитбригады имели не только развлекательное, но и глубоко патриотическое содержание, призывали народ на непримиримую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками [3, 17].

В июле 1942 г. фашисты, пытаясь взять реванш за поражение под Москвой, рвались к Сталинграду. Для этого по железной дороге они начали подвозить технику, свежие воинские части и резервы. Партизаны часто высылали диверсионные группы, действия которых не давали покоя врагу. В одну из ночей на участке Алтухово – Кокоревка диверсанты во главе с братьями Петром и Виктором Кучуриными на большом участке заминировали и взорвали железнодорожное полотно, что надолго сковало движение немецких эшелонов к фронту. Более того, после этого партизаны не давали возможности немцам пустить в эксплуатацию железную дорогу и связать Брянск с Киевом.

29 июля 1942 г. на рассвете немцы, решив расправиться с местными патриотами, начали наступление на Алтухово, Крапивню и Шешуево.

В селе Крапивне, деревне Шешуево народные мстители на пределе возможностей держали оборону и мужественно сражались с вра-

гом. Однако противник потеснил партизан и они вынуждены были отойти в лес. Захватив эти населѐнные пункты, немцы стали поджигать жилые дома. Через два часа оккупанты направились в сторону села Алтухово.

Разведка своевременно выявила план уничтожения партизан, и они заняли оборону. На одном участке обороны 15 девушек-комсомолок из первого женского взвода успешно отбили две атаки противника и продержались четыре часа до подхода подкрепления.

Первую атаку немцы начали с трѐх сторон, стремясь взять в кольцо обороняющихся. Одна из атакующих групп врага приблизилась на 25 метров к окопу, в котором находились девушки. Валя Борякина очередью из ручного пулемѐта сразу срезала всю группу нападающих. Выскочив из окопа, она схватила вражеский пулемѐт и тут же передала его Зине Губанковой. Отложив винтовку, Зина дала очередь по следующей группе наседающих пьяных солдат. Валя Кабалина и Ваня Солодухин вели огонь из миномѐта. Метко разил врага из станкового пулемѐта Вася Трухин.

На другом участке обороны села особенно отличились санитарка Женя Губина, командир взвода Наташа Башкирова, политрук Зина Юрасова и молодая комсомолка Нина Губанкова. Девушки вынесли с поля боя полтора десятка раненых бойцов-партизан [10].

Не дрогнули девушки и второго женского взвода под командованием Полины Климовой и Лиды Легковой. Этот взвод вместе с командиром артиллерийской батареи лейтенантом Георгием Чадунели держал оборону на другой стороне села Алтухово. В дозоре находилась Аня Хапрова. Она сразу заметила движение карателей и сообщила о них партизанам.

Когда в бою тяжело ранило наводчика пушки, его заменила Аня Холодова. Снаряды подносили Валя Беленчикова, Клава Блохина, Неля Бобовская, Лена Гарбузова, Клава Губина, Ольга Литвинчук и другие девушки. С третьего выстрела удалось подбить немецкий танк. Автоматчики стали обходить партизан справа, но попали на мины, установленные братьями Кучуриными.

В этом бою партизанам пришлось нелегко. Враг значительно превосходил число обороняющихся, и надо было отходить. Девушки извлекли из орудия замок, а пушку подорвали. Рядом с ней навечно остались лежать Наташа Барбосова, Таня Мешкова, Мария Смышляева, Женя Горбков, Миша Остолопов, Мария Парфѐнова.

Во время героической обороны села Алтухово погибло много партизан, мирных жителей, были и раненые. В бою с врагом смертью

храбрых пали Илья Данилов, Александр Куприн, Архип Крѐтов, Лаврентий Пантюхов и другие патриоты. Большие потери понесли и каратели, однако им удалось захватить село и сжечь его дотла. При этом оккупанты расстреляли и повесили 76 мирных граждан [5, 212-213].

Представители Орловского обкома партии почти безвыездно находились в партизанских отрядах. В наиболее трудное время, когда на Брянские леса наступали своры карателей и среди партизан появилась некая растерянность, туда прибыл первый секретарь обкома ВКП(б), член Военного совета Брянского фронта А.П. Матвеев. В то время он возглавлял штаб брянских партизан и отвечал за руководство их боевыми действиями.

В разгар осенних боѐв 1942 г., когда фашистские каратели окружили партизан в лесах Навлинского района, Александр Павлович находился на самом трудном участке и всю ответственность взял на себя. Из нескольких отрядов вместе с Д.В. Емлютиным и А.Д. Бондаренко создали ударную группу.

26 сентября отряды получили приказ командования объединѐнного штаба сняться с обороны с выходом на село Глинное. Вместе с партизанами в трубчевские и суземские леса ушли около 14 тысяч мирных жителей Навлинского района. После обнаружения отхода партизан в глубь лесов, противник бросил свои войска на перехват – на Коломинский большак.

Тактически продуманные действия командования позволили партизанским отрядам перейти в мощное контрнаступление и разбить группировку врага. В бою на Коломинском большаке особенно отличился уроженец села Алтухово боец-бронебойщик Валентин Рожков. Меткими выстрелами из противотанкового ружья он уничтожил бронемашину сопровождения и подбил танкетку. В третьей машине был убит высокопоставленный немецкий офицер, в портфеле которого нашли важные документы. Командир отряда представил партизана В.Л. Рожкова к награждению медалью «За отвагу».

Алтуховские девушки тоже принимали участие в бою на Коломинском большаке. Одной из них была боец первого комсомольского женского взвода Алтуховского отряда Лида Лукутина. С ней и другими девушками-партизанками в этом бою участвовала и бывший командир их взвода, второй секретарь Навлинского подпольного райкома комсомола Шура Комогорова. После тяжѐлой болезни она воевала с ненавистным врагом в составе отряда «Смерть немецким оккупантам», была образцом героизма и мужества.

Самоотверженно сражались с оккупантами жители села Алтухово. Навечно в народной памяти останется подвиг боевой и задорной молодой женщины, матери двоих детей Шуры Комягиной, выросшей в простой рабочей семье. Осенью 1941 г., она установила связь с партизанским отрядом «Смерть немецким оккупантам» и передавала туда разведданные о противнике. Квартира Шуры была явочной для партизан и подпольщиков.

После того, как в конце июля немцы сожгли родное село, она ушла в партизанский отряд, чтобы с оружием в руках мстить ненавистному врагу за разрушенное село, за страдания народа.

«С этого времени Шура участвовала во многих боях с гитлеровцами, – вспоминала еѐ подруга А.С. Холодова. – *Она была хорошей разведчицей, считалась одной из храбрейших. Писала, распространяла среди населения листовки, агитировала людей вступать в партизанские отряды. И вот наступил тот роковой бой за деревню Тростная. Враг превосходил нас и в технике, и в вооружении. Схватка была жаркой…»* [17].

Декабрьской ночью во время боя в Комаричском районе враги захватили в плен раненых девушек-партизанок: Шуру Комягину, Лизу Кочанову – учительницу Кокоревской школы и ещѐ одну девушку. Во время длительного допроса Шура ничего не сказала и никого не выдала. Она плевала в лицо палачам. После избиения всех троих решили повесить.

В сообщении Орловского обкома комсомола о героической гибели партизанки-комсомолки Шуры Комягиной отмечалось: *«Когда их везли к виселице, на улицах собралось много жителей посѐлка Локоть Брасовского района. Они хотели видеть мужественных девушек-партизанок. В это время тишину прорезал громкий голос Шуры, она говорила, обращаясь к народу: «Товарищи, бейте поганых немцев. Помните, что скоро придѐт Красная Армия. Нас, партизан, тысячи. Немцам никогда не победить нас. За нашу смерть отомстят наши товарищи. А вы, полицейские, предатели русского народа (обращаясь к полицейским), будете скоро стѐрты с лица земли, как бешеные волки». Из-за [боязни] проявления сочувствия народа к девушкам-героям трупы их сразу были сняты с виселицы и погребены.*

Слава о героине-партизанке разнеслась по всему Брасовскому и соседним районам» [13, 357-359].

Две отважные 17-летние девушки, две Ани – Холодова и Хапрова в бригаде «За Родину» храбро воевали в составе разведыва-

тельно-диверсионной группы. Они не раз отправлялись на выполнение самых опасных заданий в Локоть, Навлю и другие оккупированные населѐнные пункты. Их несколько раз задерживали, пытали. А по возвращении, даже не успев отдохнуть, они снова шли на задание.

Ещѐ две партизанки Аня Паляница и Аня Смышляева однажды ушли в разведку и не вернулись. И только спустя шесть дней другая группа разведчиков случайно обнаружила их трупы. Враги надругались над девушками, истязали их. Разведчики доставили тела девушек в отряд, где их похоронили. Партизаны поклялись отомстить за них врагу.

В диверсиях по выведению из строя техники, вооружения, личного состава противника участвовали не только братья Кучурины, пустившие под откос 8 вражеских эшелонов, 2 бронепоезда и мотодрезину [5, 206], но и другие партизаны Алтуховского отряда. Например, только осенью 1942 г. юный партизан-подрывник Г.Е. Парфѐнов подорвал 3 эшелона с техникой. Всего на его боевом счету числится 12 спущенных под откос воинских эшелонов с живой силой и техникой, а также 2 дрезины [14].

Нельзя не сказать и о подвиге Саши Подымалкина. Перед войной юноша окончил девять классов Алтуховской средней школы и добровольцем ушѐл на фронт. В январе 1942 г., выходя из окружения, он вступил в партизанский отряд «Смерть немецким оккупантам». Быстро овладел минно-подрывным делом, и вскоре его дерзкие налѐты, смелые выходы в логово врага снискали большое уважение среди партизан. Смелого разведчика и подрывника Александра Подымалкина избрали секретарѐм комсомольской организации отряда.

Осенью 1942 г. группе подрывников, в которую вошли Саша Подымалкин и Петр Береснѐв, командование отряда поставило задачу заминировать железную дорогу и подорвать немецкий эшелон. Однако перед проходом очередного эшелона мины обнаруживали. Тогда Саша неожиданно для охраны с миной в руках бросился под поезд. Так ценой жизни ему удалось выполнить важное задание. Вот как писали об этом бессмертном подвиге брянские партизаны в боевом рапорте на имя ЦК ВКП(б): *«Партизан-подрывник Александр Подымалкин трижды минировал важнейшую прифронтовую железнодорожную магистраль. Но немцы всякий раз перед проездом поезда обнаруживали мины. Тогда патриот, жертвуя жизнью во имя Отчизны, на глазах вражеских патрулей бросился с миной под поезд.*

Он погиб, взорвав паровоз и 12 вагонов с автомашинами и боеприпасами» [1, 22-23].

Весной 1943 г. Красная Армия перешла в наступление. Штаб фронта дал задание партизанам направить спецгруппу из 15 разведчиков с рацией в глубокий тыл врага для ведения разведки и сбора данных о передвижении немецкой армии.

Среди отобранных в группу из разных отрядов бойцов самыми уважаемыми и храбрыми были разведчицы Валя Кабалина, Катя Машурова и Таня Добрынина из села Алтухово. Выполняя в неимоверно трудных и опасных для жизни условиях задание командования фронта, они собрали ценную информацию о расположении немецких и полицейских гарнизонов, а также обнаружили аэродром противника.

Кроме того, вместе с комиссаром группы А.Д. Швыговым они захватили в плен «языка», который на допросе подтвердил достоверность данных о вражеском аэродроме. Разведывательные сведения оперативно передали по рации в штаб фронта, а рано утром наши самолѐты уничтожили немецкий аэродром. Спецгруппа обстреляла также легковую автомашину, в которой получил смертельное ранение немецкий генерал [1, 44-47].

Так большинство советских патриотов, в том числе и жители села Алтухово, находясь в тылу врага, зачастую ценою своей жизни, как могли помогали фронту, делали всѐ для обеспечения победы над немецко-фашистскими захватчиками.

За мужество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками высокими наградами Родины отмечены: орденами Ленина и Отечественной войны подрывник П.Н. Кучурин; орденами Красного Знамени командир отряда М.О. Карицкий (дважды) и политрук И.А. Бородавко; орденом Красной Звезды Липа Карпова; орденом Славы 3-й степени и медалью «За отвагу» А.Г. Комогорова; медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени Т.П. Анашкина, Т.В. Добрынина, Е.Н. Дюбарова, В.И. Легкова, Р.В. Логутов; медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени В.Е. Борякина, В.В. Кабалина, В.П. Кишенков, А.А. Логутов, В.И. Поздняков, А.С. Пунин, А.Г. Хапрова. Правительственные награды получили и многие другие партизаны, отличившиеся в боях с оккупантами.

Таким образом, в 1941-1943 гг. большинство жителей села Алтухово, особенно комсомольцы и молодѐжь, в том числе девушки и женщины, с честью выдержали суровые испытания военного времени в борьбе с врагом на временно оккупированной территории. Они на деле проявили высокий патриотизм, мужество, отвагу и самопожертвование, внесли немалый вклад в общую Победу. **Героическое про-**

шлое посѐлка Алтухово даѐт ему заслуженное право носить почѐтное звание *«Посѐлок партизанской славы».*

Источники

1. Анищенко, Е.Н. Опалѐнная юность: [Сб. докум. рассказов] / Е.Н. Анищенко. – Брянск: Брянск. обл. типография, 2002. – 159 с.
2. Анищенко, Е.Н. Партизанская республика / Е.Н. Анищенко. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1992. – 279 с.
3. Анищенко, Е.Н. Партизанский ансамбль / Е.Н. Анищенко. – Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2008. – 80 с.
4. Анищенко, Е.Н. Помнит Навля-река…: [Сб. докум. рассказов] / Е.Н. Анищенко. – Брянск: Типография «Ладомир», 2006. – 316 с.
5. Анищенко, Е.Н. Через толщу лет. Документальные очерки о партизанах и подпольщиках Брянщины / Е.Н. Анищенко. – Тула: Приок. кн. изд-во,1996. – 222 с.
6. Гамалий, Л.Г. Воспоминания: Рукопись // Навлинский музей партизанской славы : [материалы]. – Навля, [2016].
7. Горохова, А.К. Алтухово в дни Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / А.К. Горохова // Деснинские древности-VII : материалы межгосударственной научной конференции, посвящѐнной памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2012. – С. 358-364.
8. Добрынина, Т. Первый памятный бой // Знамя коммунизма. – 1976. – 27 марта.
9. Историческая справка Алтуховского партизанского отряда партизанской бригады «За Родину» за период с 2 февраля 1942 года по 7 сентября 1943 года. Дневник боевых действий, списки награждѐнных партизан, схем-карты // ГАБО. Ф 1650, оп. 1, д. 458.
10. Лесной фронт. Из записок секретаря РК ВКП(б) Навлинского района Суслина А.В. (октябрь 1941 – декабрь 1942 гг.) // Брянский рабочий. – 1987. - № 115.
11. Лицом к лицу (воспоминания о войне): Из воспоминаний. – 2-е изд. – Брянск, 2005. – 316 с.
12. Партизаны Брянщины: Сборник рассказов бывших партизан. Т.1. – Брянск: Изд-во «Брянский рабочий», 1959. – 484 с.
13. Партизаны Брянщины: Сборник документов и материалов. – Брянск: Изд-во «Брянский рабочий», 1962. – 584 с.

14. Парфѐнов, Г.Е. Биография: Рукопись // Навлинский музей партизанской славы : [материалы]. – Навля, [2016].
15. Самойлова, З. Землю нашу защищала // Брянский комсомолец. – 1982. –17 сентября.
16. Трусов, Е.В. Победа ценою жизни / Е.В. Трусов. – Киев, 2015. – 184 с.
17. Холодова, А.С. Воспоминания: Рукопись // Навлинский музей партизанской славы : [материалы]. – Навля, [2016].
18. Шли на битву партизаны: Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-1943 гг. – Брянск, 1972. – 312 с.
19. Юркова-Добрынина, Л.В. Всю жизнь летела вслед за журавлями…: Рукопись // Навлинский музей партизанской славы : [материалы и др. источники, в т. ч. приведенные в списке литературы]. – Навля, [2016].

С.В. Ушкалов,
председатель Брянского регионального отделения Изборского клуба

Роль Брянского фронта первого формирования в геополитических событиях 1941 года

В истории России было немало войн. Но, на наш взгляд, самая определяющая для судеб мира – война 1941-1945 годов. Победа в Великой Отечественной войне показала не только мощь оружия, но и мощь духа. Все это определяет место нашего региона и страны в целом в истории всего человечества.

Во время Великой Отечественной войны Брянщина стала знаменитым партизанским краем, который создал важнейшую геополитическую предпосылку для Победы в 1945 году. Эти горькие трагические и одновременно героические короткие страницы истории нашего Отечества нельзя понять, если вырвать их из всего контекста большой всемирной истории, из истории Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, истории Брянского фронта первого формирования, истории его 50-й армии, истории Брянского края указанного периода. Но, чтобы в этом разобраться в этом, необходимо

выяснить, какие события предшествовали нападению Германии на СССР.

Захватив Европу, Германия получила не только готовую экономику и рабочую силу, но и готового вооружения еще на 160 дивизий, то есть сразу удвоила свой военный потенциал. Сталин попытался сорвать весенний срок наступления Германии, что позволяло надеяться на то, что Гитлер не рискнет начать войну летом, так как это означало наступление зимних холодов до захвата Москвы и создание риска для германских войск. Антигерманский переворот в Югославии вынудил Гитлера напасть и на эту стран, в результате 6-17 апреля Югославия была оккупирована. Тогда же была оккупирована и Греция.

Против России на стороне Германии воевали Италия (0,3 млн чел.), Венгрия (около 1 млн чел.), Румыния (около 1 млн чел.), Финляндия (0,5 млн чел.), Словакия, Испания (0,06 млн чел.), даже Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Норвегия, Швеция, часть поляков, прибалтийцев, западных украинцев, кавказцев, крымчаков и даже! – русских и многих других (в общей сумме 2 млн чел.). Таким образом, против Советского Союза воевало в общей сложности около 3,86 млн чел. за исключением собственно германских войск. Германия (в границах 1939 г.) мобилизовала 2 107 000 чел., то есть в 1,63 раза, вроде бы, меньше. С учетом призыва немцев с захваченных территорий – еще 5 млн, однако на западе они держали все время примерно 5 млн чел. Это было самое страшное нашествие Европы на Россию.

Советский Союз мобилизовал в вооруженные силы 3 476 700 человек (1,1 млн – в войска НКВД, 3,6 млн – в ВПК, 5 млн – на границах Дальнего востока с Японией, на юге с Турцией и т.п.). Итого: 2,4 млн [1].

Перед правительством Советского Союза встал вопрос, где ждать главного удара – на Украине (через Украину прямо на Кавказ в Баку) или в Белоруссии (на Москву)?

В ходе военных событий начального периода Великой Отечественной войны необходимо разобраться, какую роль играл Брянский фронт, образованный на западном направлении 16 августа 1941 г. на основании директивы Ставки ВГК от 14 августа 1941 г. в составе 13-й и 50-й армий с целью прикрыть Брянско-Бежицкий промышленный район и не допустить прорыва от Смоленска Рославльской группировки противника в тыл Центрального и Юго-Западного фронтов, то есть не дать противнику окружить советские армии на Украине, с од-

ной стороны, и не дать также противнику прорваться в направлении Москвы [2]. Но нельзя пройти мимо еще одного важного события. 12 августа 2-я полевая армия Вейхса начала Рогачевско-Гомельскую наступательную операцию, целью которой был разгром войск Центрального фронта. Части 2-й танковой группы Гудериана нанесли удар в стык Центрального и Западного фронтов и, прорвав оборону, 3 августа заняли Рославль. Из района Рославля, в сторону Брянска, развивал наступление 7-й армейский корпус 2-й танковой группы. 11 августа у деревни Летошники (50 км от Брянска по Рославльскому шоссе) по рубежу реки Угость части 7-го корпуса были остановлены упорным сопротивлением подразделений 258-й стрелковой дивизии. Через три дня эта дивизия войдет в состав 50-й армии Брянского фронта. Именно для парирования удара 2-й танковой группы и 2-й полевой армии, а также для защиты Брянского промышленного района и московского направления 14 августа создается Брянский фронт.

21 августа 1941 г. Гитлер принял решение о повороте на юг основных сил немецкой группировки войск, нацеленной на Москву и находившейся в 400 км от нашей столицы.

Фашистские генералы, сваливая вину за свои поражения на Гитлера, задним числом осуждают это решение, считая разгром и окружение войск советского Юго-Западного фронта под Киевом потерей времени, ресурсов и сил. Напротив, советские генералы и многие историки ругают Сталина за то, что, не дав своевременный приказ на отвод войск из района Киева, как предлагал начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков еще в конце июля, обрек на гибель и плен около 700 000 солдат и офицеров РККА. Давайте разберемся с мотивами руководителей двух воюющих между собой государств. Обвиняя Гитлера в том, что он украл у них победу, фашистские генералы лукавят: без ликвидации мощной группировки советских войск на Украине нельзя было начинать наступление на Москву. Армии Юго-Западного фронта нависали над флангами и тылами нацеленной на Москву фашистской группировки. Удерживая оборону по левому берегу Днепра, Красная армия могла нанести удар и в тыл немецким войскам, нацеленным на Крымский полуостров.

Необходимо разобраться, каковы были мотивы Сталина? Думаю, основной мотив относится не к тактике и стратегии, а скорее, к вопросам геополитики. За два месяца войны СССР потерял колоссальное количество вооружения и боеприпасов. Продолжалась эвакуация промышленных и оборонных предприятий, и о восполнении потерь за счет собственного производства не было и речи. СССР в этот

момент была необходима военная помощь извне. Шли дипломатические консультации о создании антигитлеровской коалиции. В конце июля в Москву прилетел Гарри Гопкинс, доверенное лицо президента США Франклина Рузвельта. Гарри Гопкинс являлся одним из разработчиков закона о ленд-лизе, доставленное им послание американского президента содержало обещание поддержать СССР поставками вооружений, а также предложение о созыве трехсторонней конференции с участием СССР, США и Великобритании для обсуждения позиций трех сторон и театра военных действий. 2 августа 1941 года состоялся обмен нотами между СССР и США: Вашингтон заявил о готовности оказать всевозможное экономическое содействие СССР. Одновременно с Гопкинсом в Москве работала фотокорреспондент американского журнала «LIFE» Маргарет Берк-Уайт (Margaret Bourke-White; 1904-1971), задачей журнала была подготовка общественного мнения в США. В эти дни зарождалась антигитлеровская коалиция, решался вопрос о предоставлении военно-технической помощи СССР, поэтому не мог Сталин позволить сдать Киев, оставление такого крупного стратегического и политического центра в этот момент еще больше ослабило бы позиции Советского Союза на международной арене, а прагматичные американцы слабым помогать не стали бы. Сталину важно было показать, что «нерушимой стеной, обороной стальной, разгромим, уничтожим врага» и ему это удалось. Уже 31 августа в Архангельск прибыл первый союзный конвой «Дервиш», доставивший 10 т каучука для военной промышленности, 16 истребителей, стрелковое оружие, продовольствие и медикаменты.

На наш взгляд, есть еще одно событие, повлиявшее на принятие решений. Этим событием является операция «Согласие», проведенная советскими войсками Закавказского и Средне-азиатского военных округов (ЗакВО и САВО) совместно с британскими войсками с целью оккупации Ирана для недопущения перехода нефтяного Ближнего Востока на сторону Германии и ее союзников, а также участия Турции в боевых действиях против СССР.

Хронология действий союзников (СССР и Великобритания) и руководства Ирана такова:

– 16 августа 1941 г. народный комиссариат иностранных дел СССР (НКИД) передал ноту с требованием иранскому правительству выслать всех германских подданных из Ирана. Также было предъявлено требование о размещении на территории Ирана британо-советских войск. Тегеран ответил отказом.

– 19 августа в Иране были отменены отпуска военнослужащих и объявлена дополнительная мобилизация, было призвано 30 тыс. резервистов, общая численность вооруженных сил Ирана составила 200 тыс. человек.

– 21 августа Ставка Верховного главнокомандования (СВГ СССР) довела до британской стороны сведения о готовности начать операцию 25 августа.

– 23 августа 1941 г. правительство Ирана заявило о начале высылки подданных Германии со своей территории.

– 25 августа 1941 г. Советское правительство направило последнюю ноту со ссылкой на пункты 5 и 6 Договора между СССР и Ираном от 1921 г., согласно которым СССР имел право вводить войска на территорию Ирана при угрозе своим южным границам.

– 25 августа СССР и Великобритания начали ввод войск на территорию Ирана.

– 29 августа шах Ирана Реза Пехлеви отправил прогерманское правительство Ирана в отставку.

– 29 августа было заключено перемирие Ирана с Британией, а 30 августа перемирие Ирана с СССР [3].

Гитлер опоздал, Иран был выведен из большой геополитической игры, по сути, не успев в нее вступить. Фашистская Германия лишилась важного союзника, а возможно, двух, опоздай Сталин с Черчиллем с вводом войск в Иран, в войну на стороне Германии могла вступить Турция.

А теперь на хронологию иранских событий наложим хронологию гитлеровских метаний от Москвы на юг и обратно.

21 августа 1941 г., когда Британия и СССР пришли в состояние готовности начать операцию «Согласие», то есть боевых действий на Ближнем Востоке, выходит директива Гитлера №441412/41. Созревать к этому решению Гитлер начал, когда шла дипломатическая переписка между СССР и Ираном, то есть 16-20 августа.

– 25 августа, когда начался ввод британских и советских войск в Иран, Гудериан уже сутки двигался в южном направлении.

– 30 августа, в день заключения перемирия между СССР и Ираном, Гитлер говорит Браухичу о скорейшем возврате войск с южного направления на московское, цели опять изменились, а до окружения основных сил Юго-Западного фронта оставалось еще 2 недели.

Так ближневосточная нефть «влияла» на действия противостоящих войск на Среднерусской равнине.

Некоторые современные историки обвиняют в поражениях первых месяцев войны генеральский корпус Красной армии, забывая о разгроме Германией Польши, Франции, о поражениях, нанесенных германскими войсками англичанам в Африке. Также не следует забывать, что германский генералитет в большинстве своем еще во время Первой мировой войны служил на офицерских командных и штабных должностях и между войнами прошел все ступени офицерской службы, имел опыт как командной, так и штабной работы. За плечами немецкой армии были Польская, Французская и Балканская кампании, солдаты, офицеры и генералы, а также подразделения, штабы и рода войск отработали боевое слаживание, взаимодействие всех родов войск в боевых условиях. В то время как в Красной армии фактически отсутствовал боевой опыт в равной степени у генералов, офицеров, солдат и сержантов. Приведем пример.

Командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант А.И. Еременко, будущий Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, родился 14 октября 1892 года в селе Марковка Екатеринославской губернии в бедной крестьянской семье. Окончил 4 класса земской школы. В русской армии с 1913 г., в РККА с 1918 г. Участник Первой мировой и гражданской войн. В 1938 г. получил звание комбрига, в 1939 г. – комкора, в 1940 г. – генерал-лейтенанта. Накануне войны с Германией 19 июня 1941 г. назначен командующим 16-й армией, перебрасывавшейся из Забайкальского военного округа на запад.

Командующий 50-й армией генерал-майор М.П. Петров родился 3 января 1898 г. в деревне Золустежье Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии в крестьянской семье. Русский. Член ВКП(б) с 1920 г. Окончив 4 класса, работал в Петрограде слесарем на Путиловском заводе и шофером. С марта 1917 г. в Красной гвардии, с 1918 в РККА, участник штурма Зимнего дворца и гражданской войны. В 1936-1937 гг. участвовал в Гражданской войне в Испании. Уехав в Испанию в звании майора и в должности командира танкового батальона, по возвращении был произведен в комдивы и назначен командиром танковой дивизии; 21 июня 1937 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Участник Польского похода 1939 г., командовал 15-м танковым корпусом. В 1940 году – инспектор автобронетанковых войск Западного военного округа, генерал-майор.

Во время Великой Отечественной войны генерал-майор М.П. Петров командовал 17-м механизированным корпусом Западного фронта. С 26 июня 1941 г. корпус участвовал в оборонительных

боях под Барановичами, Столбцами, Минском. В начале августа 1941 г. М.П. Петров назначен командиром 20-го стрелкового корпуса на гомельском направлении. С 16 августа 1941 г. командующий 50-й армией Брянского фронта.

Командующий 13 армией генерал-майор А.М. Городнянский родился 13 марта 1896 г. в селе Талы Богучарского уезда Воронежской губернии. В русской армии с 1915 г., в РККА с 1918 г. Участник Первой мировой и гражданской войн. В 1938 г. в звании майора назначен командиром 101-й стрелковой дивизии и произведен в комбриги. Звание генерал-майора присвоено в 1940 г. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности командира 129-й стрелковой дивизии. Летом 1941 г. дивизия под командованием Городнянского в составе 16-й армии Западного фронта участвовала в Смоленском сражении. 31 августа 1941 г. назначен командующим 13-й армией Брянского фронта.

Командующий 3-й армией генерал-майор Я.Г. Крейзер, впоследствии генерал армии, родился 22 октября 1905 г. в Воронеже в семье мелкого торговца. Еврей. Образование получил в классической гимназии. В РККА с 1922 г. В 1941 г. – полковник, командир 1-й Московской мотострелковой дивизии, которая в начале июля 1941 г. в районе города Борисов, нанеся контрудар противнику, задержала его наступление на двое суток на рубеже реки Березина. Крейзеру первому в стрелковых войсках во время Великой Отечественной войны было присвоено звание Героя Советского Союза.

Заместитель командующего Брянским фронтом, командующий подвижной конно-механизированной группой фронта генерал-майор А.Н. Ермаков, впоследствии генерал-лейтенант, родился 22 сентября 1899 г. в городе Мценск Орловской губернии. В Красной армии с 1918 г. Участник гражданской и советско-финской войн. С 1939 г. комбриг, с 1940 – генерал-майор. С 10 июля 1941 г. А.Н. Ермаков командовал действиями 2-го стрелкового корпуса в Смоленском сражении. С 24 июля в составе 13-й армии корпус был включен в состав Центрального фронта, а с 15 августа – Брянского фронта, в составе которых вел оборонительные бои на реках Сож, Судость и Десна. 14 августа 1941 г. генерал-майор Ермаков А.Н. был назначен заместителем командующего Брянским фронтом и одновременно командующим конно-механизированной группой войск фронта в составе 108-й танковой и 4-й кавалерийской дивизий, 141-й танковой бригады.

Таким образом, видно, что командный состав Брянского фронта по происхождению в основном из рабочих и крестьян, не получил в

юности хорошего образования, предан советской власти, имеет практический опыт боевых действий в гражданскую войну, некоторые – в Первую мировую войну, в боевых действиях более мелкого масштаба, учились, служа в армии, на курсах повышения квалификации, лично проявили себя исключительно храбрыми, умными, энергичными, инициативными людьми и одержали победу над профессиональными потомственными германскими военными.

Теперь приведем биографии их противников, германских генералов.

Командующий 2-й германской танковой группой генерал-полковник Гейнц Вильгельм Гудериан родился 17 июня 1888 г. в городе Кульм Западной Пруссии в семье обер-лейтенанта (будущего генерал-майора). На военной службе с 1907 г. Участник Первой мировой войны. Теоретик «войны моторов», инициатор танкостроения в Германии. Прославился молниеносными танковыми ударами в Польской и Французской кампаниях.

Командующий 2-й армией генерал-полковник Максимилиан фон унд цу Вейхс ан дем Глон родился в 1881 г. в Дессау. Имперский барон, сын полковника. На военной службе с 1900 г. Участник Первой мировой войны. В Польской кампании 1939 г. командовал 13-м армейским корпусом, во Французской (1940) и Балканской (1941) кампаниях – 2-й армией. В 1943 г. был произведен в генерал-фельдмаршалы. Именно 2-я армия генерала Вейхса ликвидировала Брянский котел.

Командующий 47-го моторизованного армейского корпуса 2-й танковой группы, генерал танковых войск Й. Лемельзен родился в 1888 г. в городе Геттинген в Саксонии. На военной службе с 1907 г. Участник Первой мировой войны, в Польской и Французской кампаниях командовал дивизией.

Приводя биографические справки советских и германских генералов, мы ставим своей целью показать, что поражения 1941-1942 гг. явились следствием не бездарности, невежества и недостаточной образованности советских генералов, а отсутствием или нехваткой опыта ведения современной маневренной войны, а также отсутствием опыта руководства крупными воинскими соединениями в реальных боевых условиях. Тогда как германские генералы в большинстве своем еще во время Первой мировой войне служили на офицерских командных и штабных должностях, а между войнами прошли все ступени офицерской службы, имели опыт как командной, так и штабной работы. За плечами немецкой армии были Польская, Французская и

Балканская кампании, армия была отмобилизована, солдаты, офицеры и генералы, а также подразделения, штабы и рода войск выработали эффективный порядок взаимодействия. Обратите внимание, что те же Гудериан, Вейхс и Лемельзен командовали своими подразделениями еще во время Французской кампании, а Французская армия считалась сильнейшей армией Европы.

Итак, 24 августа «Быстрый Гейнц» (так называли Гудериана в войсках) повернул основные силы 2-й танковой группы на юг. Положение подчиненных ему войск, в своих мемуарах, Гудериан описал следующим образом: «Положение танковой группы на 25 августа было следующим. 24-й танковый корпус: 10-я мотодивизия прошла через Холмы и Авдеевку, 3-я танковая дивизия – через Костобобр и Новгород-Северский (через дефис, а не через тире); 4-я танковая дивизия получила задачу очистить от противника западный берег р. Судость и, сменившись частями 47-й танкового корпуса, двигаться за 3-й танковой дивизией. 47-й танковый корпус: 17-я танковая дивизия получила задачу переправиться у Почепа на левый берег реки Судость и наступать вдоль реки на юго-запад с задачей содействовать 24-му танковому корпусу при форсировании р. Десны. Все остальные силы корпуса только еще выступили в этот день из района Рославля» [4].

Движение немецких частей не осталось без внимания со стороны советского командования, но вскрыть весь замысел начатой немецкими войсками операции не удалось. А.И. Еременко так вспоминает об этом: «Захваченные в боях 23 августа пленные показали, что 3-я танковая дивизия, занявшая Стародуб, имеет задачу наступать на юг для соединения с группой генерала Клейста, 4-я танковая дивизия, судя по тем же показаниям, должна была наступать правее, параллельно 3-й танковой дивизии.

Эти показания пленных подтвердились 25 августа данными авиационной разведки, которая обнаружила мотомеханизированную колонну противника (более 500 машин), двигавшуюся по шоссе Унеча – Стародуб и далее на юг. Об этом на следующий же день была передана исчерпывающая информация Верховному Главнокомандующему при переговорах с ним по прямому проводу».

Одновременно с движением на юг противник активно действовал в районе Почепа. Гитлеровцы сильной атакой танков и мотопехоты потеснили левофланговые части 260-й стрелковой дивизии. Здесь было обнаружено не менее 100 танков и машин с мотопехотой.

На основании этих фактов я пришел к выводу, что противник

сильными передовыми частями, поддержанными мощными танковыми средствами, ведет активную разведку, имея, возможно, целью в ближайшее время нанести удар на Брянск. Однако гитлеровцы не нанесли этого удара. Тогда мы полагали, что они узнали о создании нами на подступах к Брянску обороны, состоящей из трех оборонительных полос, усиленных противотанковыми рвами. В действительности же 47-й танковый корпус, удара которого на Брянск мы опасались, имел задачу обеспечения 24-го танкового корпуса, наносившего удар на юг в соответствии с приказом Гитлера. С этой целью 47-й корпус ударил на Трубчевск, обеспечивая тем самым удар того же 24-го танкового корпуса на Новгород-Северский. Лишь в дальнейшем выяснилось, что это было обеспечение гораздо более глубокого удара на юг.

По замыслу Ставки подвижные группы 3-й и 13-й армии наносили удар по сходящимся направлениям в район Стародуба, где, соединившись с частями 21-й армии, должны были наступать в направлении Новгород-Северский. 50-я армия во взаимодействии с 43-й армией Резервного фронта должна была наступать в район Рославля с целью окружения и разгрома находящихся в этом районе немецких частей. 31 августа войска 24-й армии (командующий армией генерал-майор Ракутин К.И.) Резервного фронта (командующий фронтом генерал армии Жуков Г.К.) начали Ельнинскую наступательную операцию. Цель операции – ликвидация Ельнинского выступа и содействие контрударам Брянского фронта, так как часть сил 2-й танковой группы снималась для наступления на юг с участка Резервного фронта. Для парирования удара 43-й армии Гудериану пришлось использовать 10-ю танковую дивизию: «Прорыв глубиной до 10 км, осуществленный русскими на участке 23-й пехотной дивизии южнее Ельни, вызвал необходимость использования 10-й танковой дивизии для нанесения здесь фронтальной контратаки».

Сосредоточение ударных групп Брянского фронта, видимо, было вскрыто противником и вместо прорыва обороны и рейда по немецким тылам советские части подвергались частым атакам с воздуха и встречным ударам танковых дивизий вермахта. С воздуха, как предписывал в приказе Еременко А.И., ударные группировки войск прикрыты не были и несли большие потери от действий немецкой авиации. Следует сказать, что в распоряжение командующего фронтом 28 августа прибыла авиационная группа Верховного Главнокомандования, в которую входило 4 полка. У Брянского фронта была и своя авиация, с 18 августа в состав ВВС фронта входили 11-я, 60-я,

61-я авиационные дивизии. 61-я авиационная дивизия выполняла задачи в интересах всего фронта, 11-я и 60-я были подчинены соответственно 13-й и 50-й армии. По решению ставки ВГК Резервный фронт передал в распоряжение Брянского фронта свою авиацию, оставив для обеспечения наступления 24-й армии 20 самолетов для разведки и корректировки огня. В боевом донесении Ставке Верховного Главнокомандования по результатам боевых действий в районе Трубчевска генерал-лейтенант Еременко А.И. указывает на плохую погоду, мешавшую действиям нашей авиации, однако немецкой авиации погода в эти дни не мешала. Взаимодействие наземных войск и авиации, а также прикрытие этих самых войск непосредственно над полем боя было бичом Красной армии на протяжении всей войны.

В течение первого дня наступления немецкая авиация трижды наносила бомбовые удары по позициям 108-й танковой дивизии, в этот день только от атак авиации дивизия потеряла 50% артиллерии. Основной задачей немецкой авиации было уничтожение сильной противотанковой артиллерии, во время авиационных налетов уничтожалась, прежде всего, орудийная прислуга, повреждались орудия, танкам бомбовые удары были не так страшны. В целом события в полосе наступления 108-й танковой дивизии складывалось следующим образом: в 16 часов 30 сентября части дивизии завязали бой с подразделениями 17-й танковой дивизией 47-го танкового корпуса, потеряв в первый день боев 1 танк КВ, 3 танка Т-34, 5 танков Т-40.

На следующий день, 30 августа, в районе деревень Романовка, Карбовка, Чеховка разгорелось встречное танковое сражение, в котором участвовало около 300 танков. В этот день танкисты 108-й танковой дивизии записали на свой счет 23 немецких танка, потеряв 1 КВ, 11 Т-34, 8 Т-40.

1 сентября дивизия вела бой в окружении, потеряв 7 Т-34 и 4 Т-40. Потери немецкой 17-й танковой дивизии составили 23 танка, 5 орудий, 4 мотоцикла, 11 автомашин и 700-800 солдат и офицеров. 2 сентября дивизия продолжала бои в окружении, уничтожив 18 танков, 5 орудий, 7 минометов, при этом потеряв 6 Т-34 и 2 орудия. 3 сентября части 108-й танковой дивизии сосредоточились в лесу южнее Карбовки, заняв оборону по северной и восточной опушкам леса, отбив 2 атаки противника, уничтожили 12 танков, потеряв два орудия. Тылы дивизии были отрезаны, вследствие чего на исходе были боеприпасы, горючее и продовольствие. В ночь с 3 на 4 сентября командиром дивизии полковником Ивановым было принято решение

вывести части дивизии из окружения. Вот как описывает выход из окружения командир дивизии в уже упоминавшемся нами донесении командующему фронтом:

«Из окружения выводились: танков «КВ» – 2, «Т-34» – 8, «Т-40» – 6, «БА-10» – 6, орудий 7, батальон мотопехоты и автотранспорт со 100 ранеными.

Был организован марш: передовой отряд в составе стрелковой роты, взвода танков «Т-34», двух 76-мм орудий; главные силы – одной колонной: впереди танки, [затем] пехота, артиллерия, бронемашины, танки «Т-40» и для прикрытия 1/3 стрелковой роты. Танки («КВ» и «Т-34») с мотопехотой проходили оборону противника на линии Брусничный, Покровский и прошли ее беспрепятственно. Второй эшелон (артиллерия, автотранспорт с ранеными, пулеметы, минометы и две стрелковые роты прикрытия) были встречены в районе Брусничный противником. Энергичным наступлением противник был разгромлен здесь же в районе Брусничный. Разгромлен штаб полка, захвачено и уничтожено 16 автотранспортных машин и 3 легковые машины, захвачен 1 средний танк и уничтожено 6 мотоциклов и 2 танка, захвачены различные документы, вещевое имущество и продовольствие, убито 15 офицеров и много солдат.

Наши потери: бронемашин – 3, танков «Т-40» – 4, станковых пулеметов – 3, личного – 20 человек.

Вследствие дождя 4.9.41 г. транспорт, шедший во втором эшелоне, отстал от танков и мотопехоты и только достиг района кустарника севернее Брусничный.

Противник с 15.00 4.9.41 г. атаковал второй эшелон с направления Магор. В результате преступной организации охраны и бороны этого эшелона начальником артиллерии дивизии полковником Селектовым и другими командирами, противник незначительными силами с тремя-пятью танками разгромил и поджег этот эшелон. Наши потери после этого боя: орудий – 7, танков «Т-40» – 3, бронемашин «БА» – 10», неизвестное количество станковых пулеметов, автотранспорт с ранеными, тракторы и большое количество убитых и раненых. Тяжелораненые были противником расстреляны.

В походе через Брянский лес вследствие отсутствия горючего и неисправностей оставлено четыре танка «Т-34» в районе высоты 169.3, один «КВ» в районе высоты 182.7 (который, наскочил на фугас), две бронемашины в районе леса, что западнее Подлесный.

Дивизия вышла в составе: 17 боевых машин («КВ» – 2, «Т-34» – 7, «Т-40» 2, «БА-10» – 3, «БА-20» – 3), 76-мм орудий 3, зенитных

орудий – 8 и 1200 человек личного состава. Полностью сохранены все тылы дивизии». Потери понесла и 141-я тбр: 80 человек личного состава; танки «КВ» – 1, «Т-34» – 4, «БТ» – 19».

И все же, контрудары войск Брянского фронта оказались достаточно чувствительными для Гудериана: «31 августа предмостный плацдарм на р. Десна был значительно расширен (это говорит о том, что как Еременко, так и Ставка опоздали с нанесением контрударов); 4-я танковая дивизия перешла через Десну, 10-я мотодивизия достигла пункта севернее Короп, но в результате стремительной контратаки русских была отброшена обратно на противоположный берег; крупные силы противника наступали также на ее правый фланг. Введением в бой последних сил – личного состава – хлебопекарной роты – с большим трудом удалось избежать катастрофы на правом фланге. В полосе действий 47-го танкового корпуса русские наступали из района Трубчевск на запад и на северо-запад силами 108-й танковой бригады (авт. на самом деле дивизии), а начиная с 1 сентября также силами 110-танковой бригады (авт. 141 танковой бригады), сильно потеснив стойко державшиеся части 17-й танковой дивизии, 29-я мотодивизия перешла через мост у Новгород-Северского, а затем продвинулась на север для обеспечения северного фланга плацдарма, созданного 24-м танковым корпусом, а также для содействия продвижению 17-й танковой дивизии, 18-я танковая дивизия сменила 4-ю танковую дивизию на юго-восточном участке в районе между впадением р. Судость в Десну и Почепом.

Учитывая наступление противника против моих обоих флангов и его активные действия перед фронтом, особенно против 10-й мотодивизии, мне показалось сомнительной возможность продолжать наступление имеющимися в наличии силами. Поэтому я снова обратился к командованию группы армий «Центр» с просьбой предоставить в мое распоряжение 46-й танковый корпус. В мое распоряжение 30 августа был направлен только пехотный полк «Великая Германия», 1 сентября – 1-я кавалерийская дивизия и 2 сентября – дивизия СС «Рейх» из района Смоленска…

То обстоятельство, что необходимые силы предоставлялись мне только по каплям, заставило меня 1 сентября отправить командованию группы армий радиограмму, в которой я просил предоставить в мое распоряжение весь 46-й танковый корпус и, кроме того, перебросить мне 7-ю и 11-ю танковые дивизии и 14-ю мотодивизию, которые, как мне было известно, в тот период не принимали участие в бо-

ях. Я выразил мнение, что только при наличии таких крупных сил можно будет быстро завершить операцию по овладению Киевом» [5].

Как только нажим со стороны 3-й армии ослаб, Гудериан перебросил 17-ю танковую и 29-ю моторизованную дивизии против наступающих частей 13-й армии Брянского фронта и 40-й армии Юго-Западного фронта. На фронте 3-й армии осталась немецкая 18-я танковая дивизия, связавшая боем ударные части армии и медленно отходившая за р. Судость.

13-я армия начала наступление 3 сентября, как и предписывалось директивой Ставки, к 7 сентября войскам армии удалось очистить от противника левый берег р. Десна, только в районе Новгород-Северский немцы смогли сохранить свой плацдарм. Но уже 8 сентября на помощь немецкой Новгород-Северской группировке стали прибывать переброшенные с фронта 3-й армии подразделения 17-й танковой дивизии. Наступление затормозилось, но продолжилось.

Итогом контрударов войск Брянского фронта с 29 августа по 10 сентября было вытеснение противника за р. Судость и Десна. Поставленная Ставкой задача выполнена не была, а на стыке 21-й и 13-й армий немцы нащупали разрыв, так как, когда 13-я и 3-я армия начали наступление, 21-я армия уже отступала под натиском пехотных дивизий 2-й полевой армии Вейхса. Гудериан в своих воспоминаниях писал: «Противник, действовавший против этой дивизии (4-й танковой – С.У.), до сих пор обороняется очень упорно, в том числе и против наших танков. Однако в результате действий пикирующих бомбардировщиков сопротивление противника было сломлено (авт. авиация, действуя в интересах танковых соединений вермахта, уничтожает сильную ПТО). Генерал фон Гейер, изучив трофейные документы, установил, что наибольший успех может быть достигнут, если продолжить наступление в направлении на Сосницу, так как здесь находился стык между 13-й и 21-й армиями русских.

Вполне возможно, что на этом участке фронта у русских вообще имелась брешь, 3-я танковая дивизия сообщала о своем успешном продвижении. Я отправился в эту дивизию и встретил ее подразделения, которые продвигались через Мутино и Спасское к р. Сейм. У генерала Моделя также сложилось впечатление, что пред ним очень слабая оборона противника или даже какая-то брешь в его обороне. Я приказал Моделю после перехода р. Сейм наступать в направлении на железнодорожную линию Конотоп, Белополье и перерезать ее».

Несмотря на то, что наступающие войска не были должным образом прикрыты с воздуха, действия советской авиации, действовав-

шей в интересах Брянского фронта, вызывают интерес. Мы уже упоминали, что кроме своих авиадивизий, фронту была передана 1-я Резервная авиагруппа ВГК (РАГ ВГК) в составе 4 полков с общим количеством самолетов 95. Целью создания РАГ было массированное применение авиации на важнейших стратегических направлениях и возможность маневра ВВС с одного направления на другое, подчинялись РАГ Верховному Главнокомандованию. Приказ о создании РАГ был подписан командующим ВВС РККА генерал-лейтенантом П.Ф. Жигаревым 21 августа. Поэтому на Брянском фронте у РАГ ВГК был своеобразный дебют. Согласно отчету о боевой работе ВВС Брянского фронта, на начало сентября авиация фронта насчитывала всего 129 бомбардировщиков и 66 истребителей, причем истребители в основном новых конструкций МиГ-3 и Як-1, И-16 насчитывалось всего 4. За время Рославльско-Новозыбковской операции ВВС фронта дважды пополнялось двумя штурмовыми авиаполками полками Ил-2, всего 40 самолетов.

Несмотря на то, что задача, поставленная войскам Брянского фронта по разгрому 2-й танковой группы, не была решена, 11 сентября генерал-лейтенанту А.И. Еременко «за отличное руководство боевыми действиями фронта» было присвоено воинское звание генерал-полковник. Видимо, задачи, поставленные ВГК в директиве от 30 августа, были сверхзадачами, и Ставка изначально не надеялась на их выполнение. Цель постановки таких задач – заставить действовать наступающие войска с максимальным напряжением сил. Реальная задача наступления Брянского и Резервного фронтов – максимальное отвлечение сил и средств 2-й танковой группы с Киевского направления и нанесение как можно большего урона в боевой технике и живой силе, что, на наш взгляд, удалось. Действия Брянского фронта заставили Г. Гудериана замедлить темп наступления, сковали часть сил танковой группы на участке Брянского фронта.

Сегодня, спустя 70 лет со дня окончания Второй мировой войны, историю пытаются переиначить именно потому, что хотят переустроить мир. Но не следует забывать, что советский народ, Советский Союз победил сильного, мощного врага. Не следует забывать, что действия Брянского фронта стали важными в свете геополитических событий в самом начале Великой Отечественной войны. Наши «западные партнеры» пытаются сейчас поломать мироустройство. Для того чтобы этого не случилось, мы должны помнить об этой Великой Победе, о значении Брянского фронта первого формирования.

Это необходимо знать, чтобы в наших головах и умах наших потомков не росло Иванов, не помнящих родства.

Источники

1. Оганян, К. Врага не массой задавили. Истинное соотношение сил сторон на Советско-Германском фронте в Великой Отечественной войне / К. Оганян. – Режим доступа:http://www.vpk-news.ru; topwar.ru. – [Сейчас таких подсчетов проведено много. Практически все они оценочные, но в основном совпадают].

2. Отчет командующего войсками Брянского фронта начальнику Генерального штаба Красной Армии о боевых действиях армий Брянского фронта в период с 1 по 26 октября 1941 г. // ЦАМО РФ, ф. 202, оп. 5, д. 38, лл. 1-30.

3. Операция «Согласие». Ввод советских войск в Иран в 1941 году. – Режим доступа: http://topwar.ru/11507-operaciya-soglasie.html.

4. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – Смоленск : Русич, 1999. – 653 с.: ил. – (Мир в войнах).

5. Там же.

В.В. Цветков,
учитель общественных дисциплин
МБОУ «Холмечская СОШ» (п. Холмечи,
Суземский район Брянской области)

Партизанское движение на Брянщине: найденные документы

Весь нынешний 2015 год идѐт под лозунгом празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной воне 1941-1945 гг. Всѐ дальше от нас далѐкий 45-й год. Всѐ меньше ветеранов войны идѐт в колоннах, на праздничных парадах и демонстрациях. И тем ценнее каждый факт из далѐких военных времѐн, любая деталь героического прошлого.

А та война, она порой напоминает о себе. Напоминает в обнаруженных поисковыми отрядами останках наших погибших, но не погребѐнных по-христиански солдат. Напоминает в случайно обнаруженных дома фотографиях и воспоминаниях наших дедов. Ничем не вытравить из памяти нашего народа бессмертный подвиг старшего поколения.

Так, эхо прошедшей войны дало о себе знать осенью 2014 г., когда житель г. Брянска, уроженец п. Холмечи Иван Иванович Пичевский, будучи на охоте в лесу, совершенно случайно обнаружил небольшой алюминиевый ящик из-под патронов с почти сгнившей деревянной крышкой. Ящик лежал под корнями завалившегося дерева. Его вынесла наружу либо просочившаяся избыточная влага, либо вырыли животные (дикие кабаны) в поисках пищи. В ящике лежали полуистлевшие сырые бумаги. При первом осмотре стало ясно – это подлинные партизанские документы. Весть о находке принесли в школу дети. Автор этих строк, связавшись с Пичевским И.И., скоро познакомился с находкой и сфотографировал наиболее сохранившиеся экземпляры.

Фото 1. Слева направо – Пичевский И.И. и Цветков В.В. Февраль 2015 г.

Через некоторое время Пичевский И.И. отдал документы для передачи их в Музей Славы и истории Суземского района. 21 марта 2015 г. на районной конференции «Суземский район в Великой Отечественной войне» ценная историческая находка была торжественно передана на хранение и изучение Третьякову А.И., директору Музея. Об этом важном событии рассказали «Вести-Брянск», центральные телеканалы.

Фото 2. Передача док-в в Музей. Слева направо: Дзюбан В.В., Мозжов Н.И., Цветков В.В., Третьяков А.И., Иванов Н.Ф.

Всего в небольшом ящике мы насчитали около сорока документов и их фрагментов. Часть из них почти нечитаема, в виде обрывков со следами тления и ржавчины. Но в большинстве своѐм, на обрывках бумаги можно прочесть текст и понять смысл написанного. Записи были сделаны карандашом, и это сохранило их через семьдесят лет (чернила быстро бы размыло водой). Все тексты написаны на разной бумаге. Писали и на тетрадных листах, и на железнодорожных ведомостях, на картах и обѐрточной бумаге.

Что это за документы? В первую очередь, это приказы командиров и их распоряжения, это акты приема колхозного скота. Есть среди бумаг списки личного состава партизанских отрядов с указанием фамилий, года рождения, партийности (ВКП(б) или ВЛКСМ), места рождения. Важный исторический источник – это донесения командиров других партизанских отрядов с указанием населѐнных пунктов, подробностей боевых операций и их итогов. Имеется перечень партизанского оружия…

Обнаружены обрывки топографической карты районов Белоруссии. Вероятно, они принадлежали кому-то из офицеров-окруженцев, вступивших потом в партизанский отряд. На хорошо сохранившихся документах читаемы фамилии: Емлютин, Ткаченко, Полищук… Специалисты подсказали, что полностью прочитать документы возможно, используя лампу с излучением ультрафиолетового света. Сейчас более детальным изучением занимается Третьяков Анатолий Иванович, а сама находка является ценным экспонатом районного музея.

Беглый осмотр и первичное изучение документов привели к их сопоставлению с известными фактами из истории партизанского движения на Брянщине.

Все эти исторические раритеты относятся к августу-сентябрю 1942 г., эти даты здесь чѐтко прописаны. Перед нами Приказ п/ отрядов Западных районов Орловской обл. от 15.09.1942.

Фото 3. <u>Текст</u>: «Приказ объединѐнным п/о Западных районов Орловской обл… 15.9.42.

… №89. Параграф 1: Сего числа возвратился из командировки в Москву и приступил к исполнению своих обязанностей. Параграф 2: моему заместителю капитану Корицкому приступить к исполнению своих прямых обязанностей заместителя командира объединенных п/о. К-р объединѐнных п/о Зап. р-в Орл. обл. (Емлютин)… Комиссар…

Фото 4. Герой Советского Союза Д.В. Емлютин. 1907-1966 гг.

Действительно, такая командировка Емлютина в Москву была. Это исторический факт. И перед нами приказ по возвращении из этой командировки. Речь идѐт о поездке брянских партизан в Москву. Там 10 руководителей партизанского движения приняли в Кремле, где 1 сентября 1942 г. состоялась их трѐхчасовая встреча с Верховным Главнокомандующим Сталиным И.В. Тогда же был подписан Указ о присвоении звания Героя Советского Союза наиболее отличившимся брянским партизанам: командиру и комиссару Объединенного штаба Дмитрию Вас. Емлютину и Алексею Дмитриевичу Бондаренко, командирам партизанских отрядов Мих. Пет. Ромашину и Мих. Ил. Дуке и другим…

Фото 5. Партизаны – Герои Советского Союза на Красной площади. Нач. сент. 1942 г.

Не менее интересен документ «Акт о сдаче скота…» в партизанский отряд заведующим фермой Шандриным. Это тот ответ клеветникам и фальсификаторам, которые в ненависти к нашему народу и его исторической роли в войне пытаются ставить на одну доску партизан и оккупантов с их приспешниками-полицаями. Грабили всѐ, что можно, захватчики и предатели, а партизаны как могли помогали населению и сберегали имущество колхозов. Жители сами снабжали партизан продуктами питания, вели в лес к партизанам скот с личных подворий и с колхозных ферм, лишь бы он не достался врагу. Даже здесь, в лесной глуши велась строгая отчѐтность народному добру и имуществу.

Фото 6. Акт о сдаче скота в партизанский отряд

<u>Текст</u>: «Акт …42 года сентября 24 дня… Шан(др)ин … зав. Фермой… Я, старшина Шан(др)н… сдаю…отрядных коров в количестве 28 штук в… всего …голов. Из этого количества имеется…бык производитель.
Сдал: (подпись). Принял: (подпись). 26/08 – 42 г.

Вот еще один важный документ «Донесение о состоянии боевой обстановки…» от 22 августа 1942 г. Здесь речь идѐт о наступлении противника и его продвижении в районы, занятые партизанами.

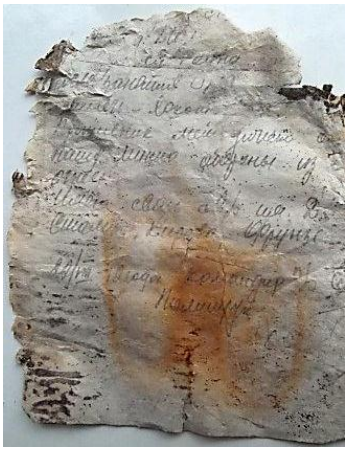


Фото 7. Донесение о состоянии боевой обстановки от 22 августа 1942 г.

<u>Текст</u>: «После занятия…Холмечь-Локоть... Противник методически…нашу линию обороны… имею связь с…им. Д. П(ожарского), Сталина, Кирова, Фрунзе… 22 августа 1942 командир п/о… Полищук…

Интерес вызывает и перечень вооружения, что было у партизан. Перечень пополнялся за счѐт добытого у врага оружия.

Фото 8. <u>Текст</u>: Донесение о состоянии арт. вооружения с 4 февраля по 18 сентября 1942 г. Наименование вооружения, перечень 1.2.3 – винтовки 1891, 1931 – 103 шт., исправлено 123 шт.; 4,5- станк. пулемѐт 1/1 – по одному; 8,9 – мины и бомбы: 1-11; 11 – револьвер: 8-8-8. Подпись: командир, комиссар. (Все надписи сделаны карандашом).

Следующий текст – это «Приказ п\о Брасовской группы…» Ткаченко, в котором он требует отчѐта о диверсионной работе в тылу врага, на занятых им территориях.

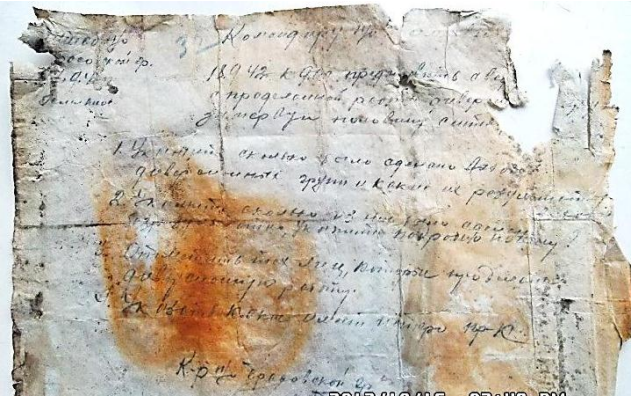


Фото 9. <u>Текст</u>: «Командиру п/о… 18.9.42 к 9.00 представить сведения о проделанной работе, диверсиях за первую половину сентября. 1. Указать, сколько было сделано вылазок диверсионных групп и и каковы их результаты. 2. Указать, сколько из них были безрезультатны. Укажите подробно почему? 3. Отметить тех лиц, которые проделали диверсионную работу. 4. Указать какие имеет потери противник. Командир п/о Брасовской группы Ткаченко.

Поверхностный анализ найденных документов позволяет сделать несколько выводов и предположений:

1) *нет никаких сомнений в подлинности документов;*

2) *документы относятся к очень сложному периоду борьбы брянских партизан против немецко-фашистских захватчиков.* Об это говорят исторические факты. Так, май-июнь, а потом и июль 1942 г. – это время масштабных карательных операций оккупантов против партизан. Это дни тяжелейших испытаний для наших патриотов. Крупные силы карателей наносили удары по основным местам их сосредоточения, пытаясь блокировать и разгромить партизанские отряды поодиночке. В мае войскам карателей удалось вытеснить партизан из ряда селений Суземского, Севского и Брасовского районов. Многие из этих селений были сожжены фашистами, а мирные жители были подвергнуты пыткам и массовым расстрелам…Новую карательную операцию оккупанты начали в конце июля 1942 г. против южного партизанского края, ведя наступление сразу с нескольких направлений. Немецким и венгерским (мадьярским) войскам удалось занять около 170 населѐнных пунктов, большинство из которых было сожжено. Уцелевшая от расправ оккупантов часть населения уходила в леса и присоединялась к партизанам….

3) *среди найденных документов – приказ за подписью Емлютина В.Д.* Здесь факты истории партизанского движения на Брянщине говорят сами за себя.

15 мая 1942 г. на состоявшемся в пос. Гавань Навлинского района совещании секретарей подпольных райкомов партии командного состава партизанских отрядов был создан Штаб объединѐнных партизанских отрядов на территории южных и юго-западных районов Орловской области. Командиром объединенного штаба был назначен чекист Д.В. Емлютин, комиссаром – секретарь Трубчевского РК ВКП (б) А.Д. Бондаренко. В августе – сентябре 1942 г. оккупанты начали очередную карательную операцию против партизан, находившихся южнее Брянска. Под давлением значительно превосходящих сил противника партизаны были вынуждены отходить за реку Навлю, в лесную глушь. Столицей партизанского движения на юге и юго-востоке Брянщины стала деревня Смелиж. Благодаря найденным документам можно установить дислокацию укрывшихся в глухомани перед превосходящими силами противника части объединѐнных партизанских отрядов под командованием Емлютина и Бондаренко. Это место нахо-

дится по периметру: левобережье р. Десна – Кокоревка – Холмечи – Берѐзовка (территория от железной дороги до реки Десна).

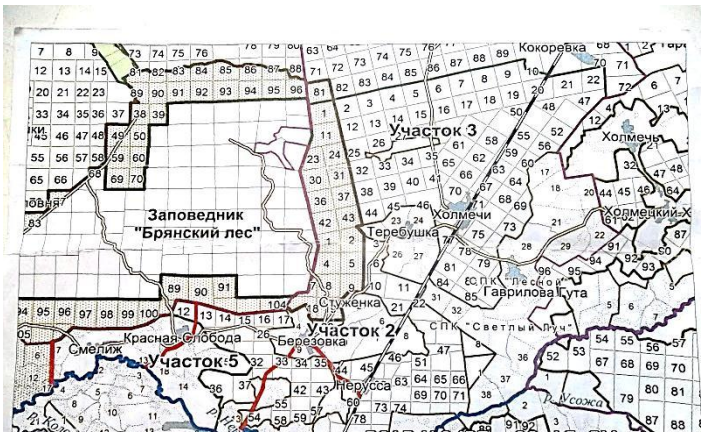


Фото 10. Карта лесных участков (кварталов)

Именно здесь, **в 5-м квартале**, к северу от п. Холмечи и был найден металлический ящик с полуистлевшими документами.

Найденные документы еще нуждаются в более тщательном и научном анализе. Это дело времени. Очевидно одно, находка пролила свет на ещѐ одно белое пятно в истории партизанского движения на Брянщине, в истории Великой Отечественной войны…

За время оккупации Суземского района со 2-го октября 1941 г. по 5 сентября 1943 года:

- **казнено 2260 человек (из них 227 детей);**
- **угнано в Германию в рабство – 20 тыс. человек;**
- **из 47 тыс. человек населения** (по данным переписи населения 1940 г.) **в сентябре 1943 г. районе насчитывалось всего 16 тыс. человек;**
- **сожжено 6 468 домов (из 7 418), 48 школ, 39 клубов, 4 больницы, 5 медпунктов, 81 магазин;**
- **уничтожено 4 460 голов крупного рогатого скота, 4 370 лошадей.**

На территории Суземского района действовало 15 партизанских отрядов!

Партизанская война на территории Брянщины была столь успешной, что 14 февраля 1942 г. партизаны совместно с красноармейскими частями овладели г. Дятьково. Так в тылу врага действовал целый партизанский край со всеми атрибутами советской власти и управления. Там работали местные предприятия, колхозы, радио, выпускалась местная газета.

К апрелю 1942 г. на юге Брянских лесов образовался второй партизанский край. Его территория простиралась на 140 км с севера на юг и на 100 км с запада на восток. Этот партизанский край включал территорию части Суземского, Навлинского, Трубчевского, Севского, Брасовского и других районов. В мае 1942 г. партизанами этого края контролировалось ок. 500 населенных пунктов с населением ок. 200 тыс. человек. Территорию края обороняли 8 тыс. партизан и примерно столько же человек из отрядов самообороны. *Однажды иностранные туристы обратились к председателю колхоза «Красный партизан» Суземского района Дмитрию Федоровичу Гапеенкову с вопросом: «Скажите, это правда, что вы руководили и в фашистском тылу колхозом?» – «Да, – ответил он, – на втором и третьем году войны на юге Брянщины существовал огромный район, куда фашисты боялись попасть не только ночью, но и днем. Здесь существовали колхозы, сельские Советы и райисполкомы. Советская власть жила и здравствовала». На вопрос: «Как же работали ваши колхозники, добровольно или по принуждению?» – Д.Ф. Гапеенков сказал: «Мы работали только добровольно. Каждый старался за троих-четверых.*

С приходом оккупантов все мужчины, способные носить оружие, стали народными мстителями. Все приходилось делать вручную. Зачастую под бомбежкой и обстрелами вражеских самолетов. И, несмотря на это, мы сеяли рожь, сажали картофель. Выращенные урожаи сдавали по всем правилам только не на государственные пункты, а представителям партизанских бригад. У всех была одна мечта – поскорее победить врага. Мы верили в наше завтра». В Суземском районе был восстановлено 57 колхозов.

6 мая 1942 г. начал действовать крупный партизанский аэродром близ дер. Смелиж. Партизанам достаточно регулярно начали доставлять боеприпасы, взрывчатку, медикаменты, агитационно-пропагандистские материалы и другую почту, а из партизанских краев вывозили раненых, членов семей партизан и подпольщиков, детей, осиротевших после гибели родителей.

В Смелиже, Черни (Берѐзовка), Денисовке, Чухраях работали мастерские по ремонту оружия, пошиву одежды и обуви для партизан, мельницы, пекарни. 23 мая 1942 г. тиражом в 1 тыс. экземпляров вышел 1-й номер газеты «Партизанская правда» (редактор Коротков Н.П.). Выход газеты был большим событием в партизанском крае. В октябре 1942 г. под д. Смелиж был развернут первый партизанский эвакуационный госпиталь. В глубине леса в хорошо оборудованных землянках врачи Шамаль М.И. Угарова М.М., медсестры делали все для лечения тяжело-

раненых. «Палаты» госпиталя приняли ок. 10 тыс. больных. Госпиталь возвратил в строй ок. 5 тыс. человек. Хирург Мария Михайловна Угарова провела более 350 операций. И это при свете лучин, в землянке, под свист пуль и снарядов!

Информация непосредственно по найденным документам

Осенью 1942 г., в праздничный день 7 ноября, в Смелиже на партизанском аэродроме приземлилось несколько тяжелых транспортных самолетов. С воодушевлением встретили партизаны прибывшего с этим рейсом секретаря Орловского обкома ВКП(б) Матвеева А.П.

Секретарь обкома прибыл с радистами, большой группой офицеров штаба и представителей Военного совета Брянского фронта, которые привезли ордена и медали для наиболее отличившихся партизан, а также подарки с Большой земли. В дер. Чернь был построен дислоцировавшийся здесь партизанский отряд им. Чкалова. Большой группе партизан и их командиров были вручены правительственные награды. После вручения наград командование отряда им. Чкалова дало праздничный обед в честь награжденных и гостей. *(Поклонимся великим тем годам… Москва – Суземка. 2005, сс. 44-45).*Тогда же в партизанскую столицу Смелиж прилетел корреспондент газеты «Известия» А.В. Сафронов. Он привез партизанам большой подарок – свою новую песню, созданную вместе с композитором С. Кацем. 7 ноября 1942 г. в деревне Чернь (Берѐзовка) Суземского района (территория нынешнего Холмечского сельского поселения), в единственном уцелевшем доме, впервые прозвучала песня «Шумел сурово Брянский лес…», которая стала гимном партизан, визитной карточкой Брянского края. А сейчас эта песня – официальный Гимн Брянской области.

(Сейчас на здании Дома культуры в д. Берѐзовка висит памятная доска об этом событии).

За годы партизанской борьбы только суземской партизанской бригадой «За власть Советов» было уничтожено ок. 10 тыс. фашистов и их приспешников, пущено под откос 13 эшелонов с живой силой и техникой, уничтожен бронепоезд, уничтожено 14 танков и бронемашин, взорвано 19 мостов, 1550 км рельсов, повреждено 50 км телефонных линий связи. Было захвачено более 60 орудий и минометов, 109 пулеметов, свыше 1000 автоматов и винтовок, другого оружия.

Содержание

«Брянский краевед» – история и судьба издания……2

Предисловие……4

Альтман И.А. Культура памяти о Холокосте в России: особенности и проблемы……...7

Арещенко Т.Н. Мы родом не из детства, из войны……..18

Артемьев А.И., Артемьев Г.А. Брянский военный аэродром. Исторический очерк в воспоминаниях и документах……..24

Городков А.В. К истории создания и реконструкции мемориального комплекса «Партизанская поляна» близ Брянска…..47

Жукова Т.Г. Я ушла из детства в грязную теплушку……...53

Зуева А.В., Цветков В.В. Война в судьбе интернациональной семьи Паскье-Пичевских……69

Кондратенко А.И. Фронтовые судьбы журналистов……76

Кукатов А.В. О формировании Орджоникидзеградского пехотного училища в 1940 году……..79

Кукатов А.В. Образование Брянской области РСФСР в 1944 году: причины и этапы реализации решения……93

Пастухова А.Е., Кобазева А.В. Кому решать судьбу людей дано….107

Родкин А.М. Письма с войны……...129

Сазоненко А.В. Применение стрелковых боеприпасов третьих стран на территории Брянской области в период боевых действий 1941-1943 гг……135

Терушкин Л.А. Письма и дневники советских евреев периода Второй мировой войны как источник по истории Холокоста……...157

Трусов Е.В. Героическое прошлое поселка Алтухово……...169

Ушкалов С.В. Роль Брянского фронта первого формирования в геополитических событиях 1941 года……...187

Цветков В.В. Партизанское движение на Брянщине: найденные документы……202

ДЛЯ ЗАМЕТОК

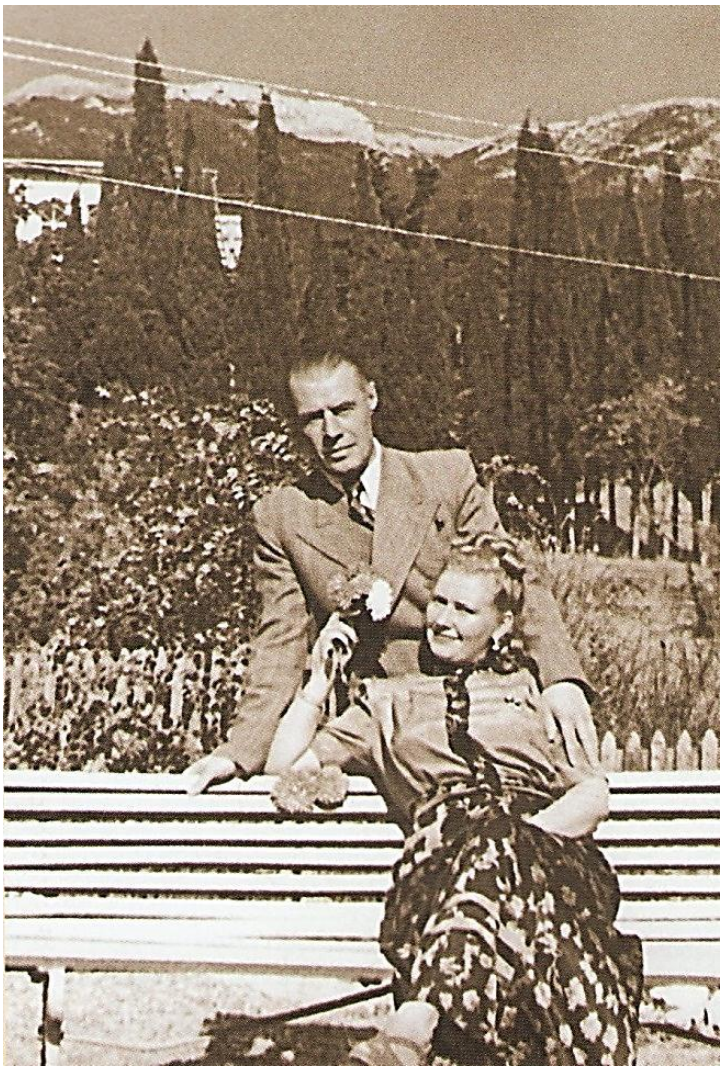
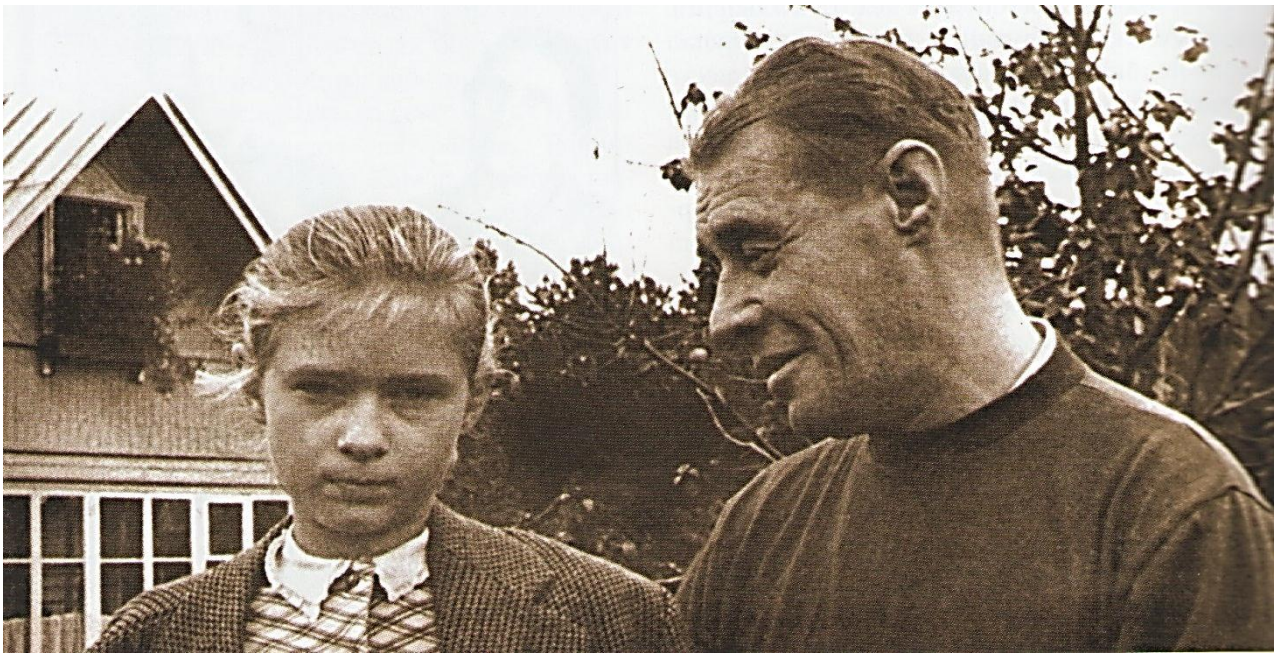



Фото М.М. Попова